

Все скандинавская мифия

Лиза Марклунд

ТРЯСИНА

Остроумный сюжет со множеством сюрпризов, Лиза Марклунд — блестящая рассказчица.

роман

Dagens Nyheter

Те места, откуда я родом, всегда в моей душе, я северянка до мозга костей. Написать эту книгу было все равно что вернуться домой.

Из интервью Лизы Марклунд издательству Piratförlaget

18+

Annotation

Роман «Трясина» – самостоятельное продолжение психологического детектива известной шведской писательницы Лизы Марклунд «Полярный круг» (русский перевод 2022). Главным героем выступает Викинг Стормберг, шеф полиции Стентрэска, который не только расследует реальное преступление, но и борется с тенями прошлого – письмо от жены Хелены, полученное их сыном Маркусом, лишает его сна и покоя. Ведь Хелена утонула в болоте тридцатью годами ранее. Несмотря на то, что прошло столько лет, Викинг не забыл ее. Сюжет разворачивается совершенно неожиданно. Это не только детектив, но также история любви, связывающая события 1980-х годов и нашего времени.

Лизу Марклунд (р. 1962) называют королевой шведского детектива. Ее дебютный роман «Подрывник» (1998) имел колоссальный успех и получил несколько литературных премий. Серия детективов о журналистке Аннике Бенгтзон, по мнению критиков, навсегда изменила традиции жанра, в котором доминировали мужчины. В 2010 году Лиза Марклунд вместе с американским писателем Джеймсом Паттерсоном написала роман «Убийцы по открыткам» и стала вторым после Стига Ларссона шведским автором, чье произведение возглавило список бестселлеров «Нью-Йорк Таймс». В своих новых романах писательница, детство и юность которой прошли на самом севере Швеции, обратилась к своим корням. Действие разворачивается в маленьком городке Стентрэске на фоне суровой и величественной северной природы.

-
- [Лиза Марклунд](#)
 -
 - [Ночь с 14 на 15 августа 1990 года](#)
 - [Часть 1](#)
 - [21 августа 2020 года, пятница](#)
 - [22 Августа 2020 года, суббота](#)
 - [Зима 1985 года](#)
 - [16 Августа 2020 года, воскресенье](#)

- [24 августа 2020 года, понедельник](#)
- [Весна 1985 года](#)
- [25 августа 2020 года, вторник](#)
- [26 августа 2020 года, среда](#)
- [27 августа 2020 года, четверг](#)
- [Часть 2](#)
 - [Москва](#)
 - [7 августа, пятница](#)
 - [18 августа 2020 года, вторник](#)
 - [21 августа 2020 года, пятница](#)
 - [22 августа 2020 года, суббота](#)
 - [23 августа 2020 года, воскресенье](#)
 - [28 августа 2020 года, пятница](#)
 - [29 августа 2020 года, суббота](#)
 - [Стентрэск](#)
 - [Осень 2020 года](#)
- [Эпилог](#)
 - [Весна 2021 года](#)
- [Благодарность автора](#)
- [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
 - [14](#)
 - [15](#)
 - [16](#)
 - [17](#)

- [18](#)
 - [19](#)
 - [20](#)
 - [21](#)
-

Лиза Марклунд

Трясина

© Liza Marklund, 2022

© Ю. Колесова, перевод на русский язык, 2024

© ИД «Городец», издание на русском языке, оформление, 2024

* * *

Ночь с 14 на 15 августа 1990 года

Спасательную команду привел на нужное место характерный звук скопления насекомых – глухое жужжание тысяч кровососущих летающих тварей. Сеть от комаров, которой была накрыта корзинка, когда ребенка принесли сюда, сдуло ветром. Одеяло, укрывавшее девочку, валялось на земле, с правой ножки слез носок. Комары, слепни, златоглазики, мошки, гнус и мокрецы живо восприняли уникальную возможность в виде грудного ребенка в лесу и накиннулись на него беспощадной лавиной. Маленькое личико, красно-синее и обезображенное укусами, опухло до неузнаваемости, глаза заплыли. Ручки и голенькая ножка раздулись и утратили форму. Муравьи забегали девочке в рот.

Кричать она давно перестала.

Спасатели сочли, что она мертва, все прочие предположения казались нереальными, но, когда кинолог Петтерссон взял ее на руки, она захныкала.

Это было воспринято как чудо.

Машина скорой помощи, включив сирены и мигалки, срочно доставила ее в больницу в Стентрэске. После быстрого осмотра дежурным врачом стало ясно, что ситуация не столь катастрофическая. У девочки было обезвоживание и переохлаждение, состояние критическое, но без угрозы для жизни. Убрал всех насекомых, ее завернули в несколько одеял, чтобы согреть, поставили капельницу и дали бутылочку с питьем для восстановления водного баланса, а также ввели небольшую дозу кортизона против боли и раздражения от укусов.

Вероятность отдаленных последствий была невелика – во всяком случае, так сочли в тот момент врачи. Возможно, от самых серьезных укусов насекомых останутся рубцы. Но младенцы в возрасте четырех месяцев не помнят таких травматических переживаний. Так принято было считать в 90-е годы, и с тех пор мало что изменилось.

В ту ночь ярко светила луна, небо усыпали звезды, а над болотом поднимался туман. Вокруг лежали глубокие синие тени.

Около трех часов утра забрезжил первый бледный рассвет. Оставалось еще два-три часа до того, как солнце покажется над горизонтом, но стало чуть светлее, и тени сделались менее контрастными. Это несколько облегчало поиски мамы девочки, 27-летней Хелены Стормберг. После обнаружения ребенка операцию сосредоточили в северо-западной части болота.

Девочку нашли в светло-зеленой переноске марки BabyVjorn – своего рода тканевой корзине с ручками, весьма распространенной в начале 90-х. Рядом стояла плетеная корзинка, до половины заполненная морошкой.

Полицейский пес Чарли, самый толковый во всем Норрботтене, тут же взял след женщины рядом с корзинкой.

Следы шли кругами и дугами по кочкам и вокруг кустов – судя по всему, она долго ходила вокруг, собирая ягоды. Наконец Чарли обнаружил след, отличавшийся от остальных, ведущий прямо на болото. Кинологу Петтерссону, инспектору полиции из Питхольма, очень трудно было следовать за своей собакой. Четыре или пять раз он чуть не провалился в трясину, но тут Чарли дошел до конца полосы мха и замер. Там, в двухстах метрах от корзинки с морошкой и младенца, след обрывался.

По ровной и блестящей, как зеркало, поверхности скользили водомерки. В остальном же не было никаких признаков живых существ – ни человека, ни животных. В серо-коричневой воде болота отражались силуэты неподвижных сосен на фоне ночного неба.

Хелена Стормберг как сквозь землю провалилась – в самом буквальном смысле слова.

Спасательная команда осознала это в тот момент, когда из-за гор на северо-востоке выглянуло солнце. Все члены команды были хорошо знакомы с народным фольклором – преданиями о людях, провалившихся в болото, которых поглотила бездонная трясина. Как они бродят по ночам в тумане, жалобно завывая среди расщелин гор и верхушек сосен. Вот какие мысли пронеслись в голове мужчин, прочесывавших лес. На пару мгновений мир вокруг них замер, словно птицы, ветер и болотные лягушки разом затаили дыхание.

В следующую секунду мир окрасился в ярко-красный цвет, и зазвучала природная симфония: из ниоткуда налетела буря, задрожали

листья осины, зашипели выходящие из болота газы, запели пеночки, приветствуя рассвет.

Поиски продолжались, круг все расширялся, и в половине восьмого утра 15 августа была обнаружена темно-синяя ветровка Хелены. Она была брошена на куст можжевельника у края болота, почти в километре от переноски с ребенком и корзины с морошкой. В правом кармане куртки лежали ключи от машины и от квартиры. Во внутреннем кармане – бумажник с деньгами, права, банковская карта и пейджер.

Водолазы произвели несколько погружений на месте ее исчезновения – в трудных условиях, с риском для жизни. Это не дало никаких результатов.

Тело Хелены Стормберг так и не нашли. Больше о ней никто ничего не слышал.

Стало быть, она нашла свое последнее пристанище где-то в болоте Кальмюрен, убаюканная белыми мхами, грибами, водорослями и ракообразными.

Поговаривали, что иногда над болотом слышны ее песни – особенно туманными ночами на исходе лета, похожими на ту, когда она пропала.

Говорят, то были колыбельные – прозрачные и печальные.

Часть 1
ВИКИНГ

21 августа 2020 года, пятница

Тридцать лет спустя

Холл находился на втором этаже больницы Стентрэска, стены здесь были выкрашены в розовый цвет. Чуть ниже потолочных галтелей повисли голубые пушистые облачка. Краска кое-где подтекла. При желании можно было представить себе, что облачка плачут.

Викинг Стормберг в полицейской форме чувствовал себя здесь неуместно. На эпидемию коронавируса наложился сезон отпусков, его в любой момент могли дернуть по вызову. Тогда уже времени заскочить домой переодеться не будет.

Вот о чем он размышлял, сидя в то утро в больничном холле – это были последние его мысли перед тем, как мир рухнул. Что по дороге на работу он остановится в кондитерской Хольмдаля и купит себе бутерброд с фрикадельками. А еще надо бы попросить Карину Бюрстранд пополнить автомат по продаже напитков. Из таких мелочей и состояла его жизнь в последние тридцать лет.

В кабинет доктора Чанга он зашел почти точно в назначенное время. Здесь стены другого пастельного цвета – светло-желтые, вид на парковку. Над асфальтом и парковочными обогревателями повисло серое влажное марево.

– Вчера пришел ответ по биопсии, – начал доктор Чанг. – Не самые лучшие новости.

Викинг сидел неподвижно, сложив руки на груди. Больницы он не любил, но доктор Чанг, по всеобщему мнению, отличный малый и толковый врач. Он не из летунов, отработал в Стентрэске уже несколько лет.

– Он показывает, что раковые клетки попали в фильтр лимфы, – продолжал он. – Пока мы до конца не знаем, что это означает. Иногда случается, что поражению подвергается сама лимфатическая железа, но обычно опухоль расположена где-то в другом месте, почти всегда рядом...

Викинг уставился на него. Доктор Чанг был родом из Тайваня, брат у него тоже врач. Видимо, приехал в Швецию в детстве – по-шведски говорит безукоризненно.

– Что вы имеете в виду? – переспросил Викинг. – Я сдавал анализ на тонзиллит.

– Тонзиллит и рак никак не связаны. То, что мы обнаружили в биоптате, – плоскоклеточная карцинома, развивающаяся из клеток эпителиальной ткани. Это самая распространенная форма рака в области ухо-горло-нос. Надо провести дополнительные исследования, прежде чем мы сможем.

– Погодите, – прервал его Викинг. – Я не болен. У меня в горле застряла рыбья косточка, и я чувствую себя немного вяло.

Врач молча посмотрел на него. Викинг окинул взглядом комнату, ища, за что бы зацепиться. Он ждал, пока информация уложится в мозг. Викинг был готов испытать спокойствие после получения диагноза, издать вздох по поводу того, что придется делать рентген или снова сдавать анализ крови. Легкий стыд, что без всякого повода создает дополнительную нагрузку на ресурсы здравоохранения. Ничего такого не последовало. Вместо этого ему казалось, что его скинули с бортика в самой глубокой части бассейна – а он не умеет плавать.

– Карцинома? – переспросил он.

– Она где-то в этой области, – ответил врач. – В глоточных миндалинах, слюнных железах или голосовых связках.

Викинг откинулся на стуле, словно пытаясь отдалиться от произнесенных слов.

Посмотрел на врача со скепсисом.

Он пошел сдавать анализы, потому что его стала пилить Юсефин – сказала, что у него может быть тонзиллит или затяжная форма ковида. Может быть, ему назначат антибиотики или какую-нибудь биодобавку к питанию.

– Это может быть как-то связано с ковидом? – предположил он.

Доктор спокойно посмотрел на него, заговорил со знанием дела:

– Коронавирус не вызывает рака, по крайней мере, насколько нам известно на сегодняшний день. Эти изменения у вас давно – вероятно, уже несколько лет. Но карцинома излечима. Она развивается медленно, хотя обследование все равно следует начать незамедлительно.

Викинг снова взглянул на парковку. На ней он однажды занимался сексом – на заднем сиденье в мамином старом зеленом «гольффе».

– Вы сказали, что она где-то в этой области. Что это значит?

– Это не материнская опухоль. Мы должны найти ее. Поэтому вас следует как можно скорее прооперировать, мы удалим миндалины и посмотрим, не засела ли она там. Я записал вас на операцию в Сундербюн на 31 августа.

Японский городово́й, вот тебе на! У него совершенно нет на это времени!

– На операцию? Через десять дней?

– Нам придется также взять множество биопсий. Помимо того, что надо найти материнскую опухоль, мы должны выяснить, не распространился ли рак, не перекинулся ли на правую сторону, нет ли метастазов. После этого придется посидеть на больничном.

Да, звучит разумно. Викинг кивнул.

– Как долго?

– Зависит от того, что мы обнаружим. Думаю, около года.

Полицейский уставился на доктора.

– Года?!

– Есть отработанные алгоритмы, что мы делаем в таких случаях, – сказал доктор Чанг. – Вам предстоит целый ряд обследований в больнице Сундербюн, а затем ваш случай будет обсуждаться на врачебном консилиуме в Умео. Все будет зависеть от того, что обнаружится в результате объективных исследований.

Отработанные алгоритмы. Врачебный консилиум. Он не первый, с кем это случилось, не первый, кто услышал эту новость в этом самом кабинете. Вероятно, даже за сегодняшний день он не первый. Однако ощущение было именно такое – уникальность, случайный выбор слепой судьбы.

Он не из тех, кто болеет раком.

– Так какие есть варианты? – спросил он, пытаясь придать голосу деловитое звучание. – Каким инструментарием вы располагаете?

– Речь идет об облучении, химиотерапии и хирургии.

У Викинга закружилась голова. Это все происходит на самом деле. Его будут облучать как настоящего ракового больного.

– Насколько серьезно дело? Я умру?

Он произнес это с легкой иронией, давая врачу возможность обратить суровые слова в шутку и отпустить его, похлопав по плечу и вместе посмеявшись.

Но доктор Чанг даже не улыбнулся.

– Надеюсь, что нет, – ответил он.

Как во сне Викинг добрался до участка. Забыв про бутерброд и лимонад, прошел, ни с кем не здороваясь, мимо стойки администратора и кухни для персонала и закрыл за собой дверь в кабинет.

Гуглить он не собирался. Не то чтобы он был склонен к ипохондрии – просто знал, что гуглить не надо.

Стоило ему открыть браузер и забить в поисковое окно слово КАРЦИНОМА, как в кабинет ввалилась без стука Карина Бюрстранд – она всегда так делала. Он поспешно закрыл браузер.

– Кража со взломом, – произнесла она, кладя ему на стол бумажку, на которой что-то было написано от руки. Поскольку он не сделал никакого движения в сторону бумажки, Карина со значением положила на нее руку.

– В доме Юхана Бьёркмана в Польберге, – добавила она.

Он вскинул на нее глаза – мать честная, ведь Бьёркман и охотник, и член отряда местной самообороны!

– Оружие?

– Все подчистую, – ответила Карина и вышла.

Викинг поднялся и направился к кабинету коллеги Роланда Ларссона по другую сторону коридора. Надо рассказать, что он скоро засядет на больничной. Коллеги и полицейское начальство в Лулео должны найти ему замену, назначить временного шефа полиции. Но на целый год? Полный абсурд.

Когда он вошел, Роланд Ларссон поднял на него глаза.

– Бери с собой все, что у тебя есть, – сказал Викинг. – Целый арсенал оружия ушел в свободное плавание.

Роланд Ларссон исполнял обязанности местного уполномоченного по обследованию места происшествия. Обычно он справлялся со всем, что происходило в Стентрэске – кражи со взломом, побои, вандализм. На случай убийства или теракта можно было запросить подкрепление из Лулео, но по большей части обходились своими силами.

Коллега тут же принялся собирать свою большую сумку со всяким оборудованием.

Они сели в две патрульные машины. Викинг ехал первым, мимо Грансея и далее вверх в Польберг. Деревня представляла собой всего

несколько хуторов вдоль дороги на Котафорсен. Юхан Бьёркман, потерпевший, был приятелем Маркуса, в гимназии они учились в параллельных классах и оба работали на Ракетной базе. Участок с домом Бьёркман выкупил у собственных родителей, когда они устали без конца расчищать снег. Ходили слухи, что родители сидят теперь в квартире в пригороде Будена и якобы им там совсем не нравится, но Викинг не знал, какова доля истины в этих сплетнях.

По крайней мере, теперь новый хозяин хутора стоял посреди двора в полной растерянности. Дверь дома у него за спиной стояла нараспашку, на крыльце валялись два чемодана и сидела собака.

– Я заходил в одних носках, – сказал он, кивая на дом, и выставил локоть для приветствия в коронавирусной манере. Викинг тоже выставил локоть, чувствуя себя ужасно глупо, хоть тут тебе пандемия, хоть нет.

– Сейф с оружием пропал, – заявил Юхан Бьёркман.

Вместе с Роландом Ларссоном они быстро осмотрели дом, обнаружив, что почти все осталось нетронутым, за исключением гардеробной. Висевшую там одежду скинули на кровать. Теперь в гардеробной было пусто, осталась только вешалка с галстуками и хлопья пыли на том месте, где раньше стоял сейф. При весе более 150 кг он не был вмонтирован в пол.

Они сели за кухонный стол, Викинг делал записи. Юхан Бьёркман, бледный и вспотевший, весь трясся. Всю неделю он провел в отпуске в отеле «Pite Havsbud» со своей новой девушкой, оставив собаку соседям. Вернувшись сегодня утром, обнаружил, что дверь взломана, а сейф с оружием пропал. Поливать цветы или приглядывать за домом он никого не просил, поскольку уезжал всего на неделю. Стало быть, кража произошла между пятницей, 14 августа, и пятницей, 21 августа.

Юхан Бьёркман принес папку со всей документацией на украденное добро – все лицензии и страховки, и опасения Викинга подтвердились. Ну, положим, не целый арсенал, но почти.

Один АК-4, ящик с 800 патронами калибра 7,62 мм, из которых 80 – трассерные боеприпасы. Полуавтоматический пистолет «Глок 88». Все это – его оружие члена отряда самообороны. Помимо того пропало ружье для охоты на лося марки «Sako 85», новехонькое, очень мощное.

Второе поменьше для охоты на косулю, «Sako Vixen 222». Вдобавок старый дробовик «Husqvarna» 20 калибра.

В воздухе запахло дождем, и Роланд Ларссон занялся поисками во дворе, на подъезде к дому и в самом доме. На неделе прошли дожди с сильным ветром, так что все появившиеся до того следы попросту смыло.

– Кому известно о том, что у тебя есть доступ к этому оружию? – спросил Викинг, заранее зная ответ.

– Всем, – проговорил Юхан Бьёркман.

Викинг кивнул. Бьёркман был командиром взвода самообороны и председателем охотничьего клуба Стентрэска, об этом знали все.

– Ты с кем-нибудь разговаривал о своем оружии в последнее время?

– Ружье я купил в Арьеплуге по весне. Маркус и Эмиль брали его пострелять, а так я ни с кем не разговаривал, нет...

Маркус и Эмиль оба в его охотничьей команде, к тому же коллеги по работе на Ракетной базе.

– Ты видел вблизи хутора в последнее время незнакомых людей или машины?

– Нет.

Викинг встал перед потерпевшим, широко расставив ноги.

– Юхан, – сказал он, – в сейфе было что-нибудь еще? Помимо оружия? Нечто такое, о чем нам следовало бы знать?

Мужчина удивленно посмотрел на него.

– Что ты имеешь в виду?

– Я хотел узнать, не хранил ли ты в сейфе что-нибудь другое? Что-то важное, за что боялся и не хотел, чтобы оно попало в чужие руки?

– А что бы это могло быть?

Несколько долгих секунд Викинг буравил его взглядом, но мужчина не отвел глаз. Предоставив участок и дом в распоряжение методичного Роланда Ларссона, шеф полиции объехал соседние дома. Все они были расположены настолько далеко, что соседи не могли видеть, что происходит на дворе у Бьёркмана. Две пожилые пары оказались дома, а также женщина, купившая старое здание миссионерской церкви и работавшая художницей по тканям. Никто из них ничего не заметил, но от его вопросов все явно перепугались. Наверное, все теперь спешно установят сигнализацию.

Пока он ехал обратно в участок, снова полил дождь. Викинг не собирался этого делать, но, проезжая мимо того места, где отходила дорога в сторону Кальмюрена, все равно свернул вправо. Некоторое время он ехал по маленьким лесным дорожкам, потом добрался до тупика в северо-западном углу болота и припарковался на том самом месте, где Хелена поставила свою машину в тот день. Тридцать лет и семь дней назад. Отключив зажигание, он долго сидел неподвижно. По крыше машины упорно барабанил дождь. Стекла начали запотевать.

Он приезжал сюда и в годовщину, хотя клялся этого не делать. Пару лет назад с ним ездил сюда товарищ по Полицейской академии, Матс Викандер, и Викинг пообещал Матсу, что тот раз будет последним.

Слишком много времени он провел здесь, на болотах.

Строго говоря, в Кальмюрене не было ничего особенного. Топкое смешанное болото – хаотичное нагромождение полосок мха, пролежавших во всех направлениях без всякой симметрии. Большое, но не из самых обширных в стране. Наследие ледникового периода, как и все прочие такие места в Скандинавии, образовавшиеся путем заболачивания. Бедная растительность из-за неплодородного болотного торфа, однако здесь росли вереск и багульник, морошка и черная водяника, лиственница и пушица. Карликовые березы и сосны, шейхцерия болотная и клюква.

Но болота бывают бездонные – по крайней мере, почти. Тому есть немало свидетельств. В них исчезали и люди, и предметы – исчезали навсегда. Например, в семидесятых неподалеку от Несшё в Смоланде болота поглотили целый самолет. Викинг побывал там вместе с Матсом. Место казалось пустым и мертвым – пустая и ровная гладь болотной жижи, на которой ничего не росло. Ни самолета модели «Draken J35», ни молодого летчика так и не нашли. Они остались навсегда в болоте, как и Хелена.

Удивительное дело – Викинг буквально помешался на болотах. Запоем читал книги, новости и отчеты об их возникновении, составе и развитии. В конце концов он стал проводить на Кальмюрене столько времени, что его мама Карин и Матс объединились и вызвали его на серьезный разговор. Дескать, он забывает о работе и детях, сидит на краю болота и пялится в одну точку.

Это ее могила. Ему предложили место для таблички в Роще памяти на кладбище, но он отказался. Ведь она покоится здесь.

Если теперь он умрет от рака – они снова встретятся?

Идиотская мысль.

Он открыл дверцу, чтобы выйти из машины, и в ту же секунду над его головой реактивный самолет преодолел звуковой барьер. Феномен, когда пилот достиг скорости звука, так что старые и новые ударные волны сложились, ощущался на земле, словно взрыв. От резкого перепада давления повисшая в воздухе сырость ударила в лицо дождем. Викинг поспешно сел обратно в машину и захлопнул дверь, по лицу стекала вода, сердце колотилось. Вот уж верный знак, что ему надо держаться подальше от этого места. Он прищурился, глядя на небо, но самолет уже исчез из виду, нырнув в грозовые тучи. На этой неделе на Ракетной базе хозяйничают норвежцы – вероятно, и на следующую тоже ее арендовали. На сколько они задержатся, официально не разглашалось, но в пансионате городка все номера заняты до двадцать восьмого числа.

Викинг бросил взгляд на часы. В шесть его ждут на ужин Маркус и Юсефин. Пора браться за дело, если он хочет успеть со всеми отчетами и необходимыми запросами.

Снова включив зажигание, он дал задний ход и покатился по ковру из сосновых иголок обратно к дороге.

Последнее, что бросилось ему в глаза, – старая табличка, оставшаяся от заграждения 70-х:

SKYDDSSOMRÅDE

Tillträde förbjudet för utlänningar

RESTRICTED AREA

Entry prohibited for aliens

SPERRGEBIET

Zutritt für Ausländer verboten

ZONE PROHIBEE

Accès interdit aux étrangers

SUOJA-ALUE

Pääsy ulkomalaisilta kielletty

ЗАПРЕТНАЯ ЗОНА

Доступ иностранцам воспрещен

Двигаясь по дороге на Грансель, он следовал вдоль границы зоны, не огороженной никаким забором. Такая задача была бы неосуществима – это все равно, что поставить забор вокруг всего штата Род-Айленд. Ракетная база севернее Стентрэска – крупнейшая территория в Европе для проведения испытаний оружия массового уничтожения, высокотехнологичная военная база. В центре нее находился военный аэродром, вокруг него – несколько зданий для административной и аналитической деятельности. Официально все это называлось «Ракетный испытательный полигон Стентрэска» – звучало как название боевика. Всю жизнь Викинга база присутствовала как фон, словно низкий гул на заднем плане.

База была основана в 1957 году как секретный военный аэродром и место проведения испытаний по симуляции ядерного взрыва, которые проводились на северных равнинах Швеции в пятидесятые годы. Людей, проживавших на этой территории, эвакуировали навсегда. Несколько раз Викингу доводилось бывать в заброшенной деревне Науста, оставшейся в самой глубине зоны испытаний, словно забытое эхо: дом, каменная кладка забора, сарай для хранения сена рядом с зимним хлевом. Три саамских общины использовали эти земли как пастбища. Их заранее предупреждали о проведении испытаний – похоже, оповещение работало исправно.

Над машиной пролетели еще два реактивных самолета. Викинг наблюдал, как они заходят на посадку над вершинами сосен. На аэродроме базы имелась полноценная посадочная полоса в 2200 метров длиной и 35 метров шириной. На практике это означало, что здесь мог садиться и взлетать даже гигантский реактивный самолет. Была и короткая посадочная полоса всего 800 метров в длину.

База использовалась для всякого рода учений и стрельб из автоматических артиллерийских орудий, бомбометания, пусков ракет и ночных полетов, иногда во взаимодействии с ПВО. Здесь достаточно ресурсов для надежных измерений, верификации и анализа всего, от нового вооружения до электронной борьбы. Часто замерялись уровень воздействия бомб и влияние на инфраструктуру – для этого имелось все необходимое. Так, здесь, среди тундры, возводились дороги и мосты с единственной целью – взорвать их.

Изначально базой пользовались только шведские силы обороны, но в конце 1970-х ее открыли для международного сотрудничества.

Однако на каждый отдельный визит, в соответствии с параграфом 10 Закона о доступе, требовалось разрешение шведского правительства. Имеющимися здесь возможностями за эти годы воспользовалось множество стран: США, Германия, Франция, Япония, Швейцария, Нидерланды, Турция и многие другие.

Вся территория имела самый высокий класс секретности. О ведущейся здесь деятельности открыто не сообщалось. Однако перед крупными испытаниями рассылались предупреждения и информация. По вполне понятным причинам трудно было скрыть от людей, живущих поблизости, что здесь проходят испытания сверхзвуковых самолетов. Ни о каких датах или конкретном времени суток никогда не сообщалось. Что именно происходило, а также состав участников держались в секрете. Все это представляло собой военную тайну. Каждый график снабжался грифом «секретно».

При этом все приехавшие технические специалисты проживали в одном и том же пансионате в Стентрэске под названием «Stone Swamp Inn». Не требовалось разбираться в ядерной физике, чтобы вычислить, кто испытывает свои бомбы. Достаточно было зайти в бар, потому что туда ходил и технический персонал. Заказать себе пива и послушать, на каком языке говорят за соседним столиком. К тому же на базе работали более ста человек – все они давали подписку о неразглашении, однако за рюмкой легко могли проболтаться.

В целом местное население было довольно Ракетной базой, ее размером и ореолом секретности. Это давало им чувство некой избранности. Помимо того, что база являлась крупным работодателем, приезжие технари создавали для жителей дополнительный источник дохода.

Текучка персонала была минимальная. Те, кому удалось устроиться на Ракетную базу, обычно оставались там надолго. Так случилось и с Маркусом Стормбергом, сыном Викинга.

– А вот идет Драйлен!

Четырехлетка подбежал к Викингу и на последнем шаге прыгнул вперед в глубочайшей уверенности, что его подхватят. Викинг, бросив на пол ключи от машины, в последнюю секунду поймал мальчика на лету.

– Уху-ху! – воскликнул дедушка, подбрасывая внука к потолку. Тот стал тяжеловат для таких упражнений. Мальчишка завизжал от

восторга.

– Ты сегодня сильный? – спросил Викинг, переворачивая его вверх ногами. Новый радостный крик.

– Я самый сильный! Я Драйлен!

Викинг поставил мальчика на пробковый коврик, малыш продолжал подпрыгивать как резиновый мячик.

– Еще, дедушка!

– Дай дедушке присесть, он уже старенький, – сказал Маркус, протягивая отцу только что открытую бутылку пива.

Викинг опустился на диван в кухне с пивом в руках, внучек тут же вскарабкался к нему на колени.

– Поехали на улицу Вальбума? – стал просить он. – Дедушка, пожалуйста!

– Эллиот, ты пописал? – спросила Юсефин, войдя в кухню с дочерью на руках. Майя Мария Хелена, крещеная в церкви Стентрэска.

– Я Драйлен, – повторил мальчик, – у меня нет времени.

Драйлен был супергероем, существовавшим только для Викинга и Эллиота. Он жил в конце улицы Вальбума, когда-то соединявшей Хольмтреск и Арнемарк. Теперь же она была в таком плохом состоянии, что по ней почти невозможно было проехать – по крайней мере, в той версии реальности, которой придерживались Викинг и Эллиот. Для того, чтобы попасть туда, Эллиот должен был сидеть на коленях у дедушки и крепко держаться. Из-за больших камней и глубоких ям дорога стала очень неровной, так что Эллиот то подпрыгивал, то ухал вниз, при этом машина то и дело улетала в кювет, что вызывало особый восторг.

– Пойди с мамой и пописай, – сказал Викинг, снова поставил мальчика на пол и потянулся за ключами от машины.

Юсефин быстро обняла гостя – оба переболели ко-видом, так что опасаться было нечего. Она работала в муниципалитете менеджером по персоналу – чем она там занимается, Викинг до конца не понимал. Но сейчас она сидела дома с малышкой.

– Ты сходил к врачу по поводу той кости в горле? – спросила она. – Это может быть тонзиллит, возможно, тебе надо принимать антибиотики.

Он откашлялся, чувствуя, что должен рассказать.

– На прошлой неделе сдал анализы, – сказал он.

– В понедельник у Карин праздник, – продолжала она. – Я заказала бутербродный торт. Ты сможешь забрать его в кондитерской Хольмдаля?

– Конечно, заберу по дороге.

Маркус отхлебнул глоток пива.

– Вы поймаете тех, кто это сделал?

Викинг тоже сделал большой глоток и посмотрел на сына. Маркус очень похож на него, все это говорят.

– Ты про оружие? Тут все непросто. Мы даже не знаем, когда это случилось. Никто ничего не видел.

– Юхан совершенно потрясен. Хочет продать дом и уехать из этих мест.

– Довольно типичная реакция на кражу со взломом, – ответил Викинг. – Попроси его подождать и ничего не предпринимать сгоряча.

Во внутреннем кармане зазвонил телефон. Достав его, Викинг бросил взгляд на дисплей: Роланд Ларссон. Поднявшись и сделав извиняющийся жест, шеф полиции направился к входной двери.

– Еда будет готова через пять минут, – сказал Маркус, подходя к плите.

– Что-нибудь нашел? – спросил Викинг в телефон, закрывая за собой дверь.

– Все оказалось проще простого, – ответил Роланд Ларссон. – Наши шутники поставили сейф на грузовую тележку большой грузоподъемности и выкатили к машине.

– Сколько их было?

– Думаю, не меньше трех, иначе они не подняли бы сейф. Но звоню я тебе не поэтому. Ты слышал о происшествии в Тенсте в среду?

Тенста? Название стокгольмского пригорода вызвало целый сонм воспоминаний, но они не имели отношения к среде на неделе.

– Сразу не соображу. А что там?

– Мафиозные разборки в пиццерии.

Детали этой последней из бесконечных перестрелок в бедных кварталах он помнил очень смутно. Кажется, четыре человека принялись палить в пиццерии. Трое раненых?

– Это может быть оружие из Польберга, – сказал Роланд Ларссон.

– Ах черт! А что дает основания так думать?

– Коллеги из Ярвы взяли сегодня сопляка, у него под кроватью нашли тот же набор оружия, который пропал у Бьёркмана.

– Прямо один в один?

– Судя по всему, да. Бьёркман использовал для своих тренировок стену сарая за домом, мы выковыряли из бревенчатой стены несколько пуль для сверки. Посмотрим, что скажут в Линчёпинге.

Викинг кивнул. Да, в Национальном центре криминологии могут сравнить пули из сарая и пули из пиццерии. Роланд Ларссон – отличный следователь. Деловитый и методичный. Возможно, немного занудный, но ведь он и сам такой.

– Кому-то из нас придется поехать туда?

– Не думаю. Пули только что отправили. Из НЦК позвонят, если у них возникнут вопросы.

Викинга поразила мысль: «Роланд Ларссон отлично справится без меня. Работа полицейского участка продолжится без сбоев».

– Слышал грохот в воздухе? – спросил Викинг.

– Они все выходные предупреждали о сверхзвуковых полетах на базе. Не буду тебя задерживать. Увидимся в понедельник.

Они закончили разговор. Засунув телефон обратно во внутренний карман, Викинг оглядел соседние дома. Дождь прекратился, небо на западе прояснилось. Из-за облаков проглядывало солнце.

Коттедж сына располагался на окраине поселка – типичный дом модели «Эльвбю» 80-х годов. На соседней улице живет Карина Бюрстранд, администратор из его участка. Хороший район для детей, качели и батут на зеленом газоне. Почему он сам об этом не подумал? У него хватило бы денег на покупку дома. Вместо этого он переставил свою кровать в гостиную, когда Маркус вошел в подростковый возраст, чтобы у детей было по отдельной комнате.

Тридцать лет. И что толку? А теперь он, возможно, скоро умрет.

Сделав пару шагов по газону, он опустился на землю. Лег, раскинув руки, глядя в небо. Сырость от земли пробиралась под одежду, след от сверхзвукового самолета казался белой меловой чертой на небе.

– Если ты есть, – прошептал он, – подай мне знак. Сейчас или никогда. Я умру? Это уже конец?

Ничего не произошло. Никакого самолета, даже кроны деревьев не зашуршали.

Он вздохнул и поднялся. Одежда промокла. Он попытался стряхнуть с себя грязь, прежде чем снова войти в дом сына.

Маркус и Юсефин приготовили жаркое из лосятины с жареным луком, шампиньонами и сливочным соусом. Вареный картофель и соленые огурцы. Домашний хлеб и масло с кристалликами морской соли. Рябиновое желе, карамели-зированная морковь и брусничное варенье. Викинг не знал, кто из них что сделал – сын и его подруга все всегда делали сообща. Почему-то при мысли об этом его кольнуло изнутри – постыдное чувство зависти.

Эллиот ел с большим аппетитом. Он любил всякую еду. Неподалеку от библиотеки в центре открылся тайский ресторан, там подавали вок и суши, а также модное блюдо под названием «Поке боул». Ребенок, в отличие от дедушки, все это ел. А Викинг не мог заставить себя проглотить сырую рыбу.

Юсефин кормила малышку грудью прямо за столом, как в свое время Хелена. Кстати, не пора ли заканчивать с этим делом? Ребенок уже сидит и ползает.

– Ты общался с Элин? – спросил отец сына после второй порции еды.

– Она звонила после обеда, – ответил Маркус. – Сегодня работает в ночь. Потом будет выходная до понедельника.

Дочь – медсестра в Каролинской больнице в Сольне. Раньше она обслуживала раковых пациентов в «Радиумхеммет» – до того момента, как прекрасно функционировавшее отделение в духе времени реструктурировали, превратив в нечто совсем другое. Теперь дочь работает в реанимации с ковидными пациентами. Насколько понял Викинг, работа у нее просто адская. Он не виделся с ней с самого Рождества.

– Как она себя чувствует?

– Кажется, лучше. Экзема немного отступила.

– А неизвестно, когда у нее отпуск?

– Почему ты сам не позвонишь и не поговоришь с ней?

Юсефин поднялась, посадив малышку на бедро, протянула руку мальчику.

– Пошли, Элли, почистим зубки и почитаем сказку.

Ребенок сложил руки на груди.

– Дедушка почитает!

– Не сегодня, мой дорогой, пойдем.

– Я почитаю тебе в другой раз, – пообещал Викинг. – А сейчас иди с мамой.

Мальчик громко протестовал, пока они поднимались по лестнице.

Маркус вздохнул.

– Прости, я не хотел тебя поучать...

– Нет-нет, ты совершенно прав, – ответил Викинг. – Конечно же, позвоню ей сам. Просто не хотел мешать.

– Ты не помешаешь. Если она занята, она так и скажет. Придется позвонить в другой раз. Ничего особенного.

Поднявшись, Маркус принялся собирать тарелки. Викинг следил за каждым движением сына. Он так старался, когда они были маленькие. И вроде неплохо получилось, этого у него не отнимешь. Его дети выросли добропорядочными гражданами, они успешны и уважаемы, способны чувствовать эмпатию и брать на себя ответственность.

В ванной Юсефин препиралась с Эллиотом по поводу чистки зубов, Майя гулила.

Маркус поставил посуду в посудомоечную машину и включил ее. Юсефин и дети зашли в спальню, закрылась дверь. Маркус вытер руки о кухонное полотенце и посмотрел в сторону закрывшейся двери.

Викинг набрал воздуха в легкие. Он должен рассказать.

– Ну вот что, – негромко проговорил Маркус. – Я должен кое-что тебе показать.

Он ушел в свой кабинет и вернулся с распечатанным конвертом в руках.

– Сегодня пришло по почте.

Он протянул письмо Викингу. Тот взял белый продолговатый конверт с логотипом «Hotel International» в нижнем левом углу. Прочел написанный от руки адрес.

Маркус Стормберг
Турнвеген 12
975 90 Стентрэск

Увидев этот почерк, Викинг почувствовал, как комната покачнулась.

– Индекс старый, – пояснил Маркус. – До того как все переделали. Ведь раньше во всем Стентрэске индекс был один и тот же, верно? А теперь у нас 975 93.

Викинг перевернул конверт. Отправитель не указан. Во рту пересохло. Он взвесил письмо на ладони, бросил на Маркуса вопросительный взгляд.

– Прочти, – сказал сын.

В конверте лежала одна страничка – почтовая бумага отеля, текст написан от руки синей шариковой ручкой. Тот же угловатый почерк, как и на конверте, от которого во рту появился вкус металла.

Маркус Стормберг,

Не соглашайся на должность руководителя проекта по системе QATS.

Это очень опасно.

Ты ДОЛЖЕН отказаться. Придумай какую-нибудь отговорку.

Покажи это письмо своему отцу, Викингу.

В нижнем углу виднелась нарисованная от руки фигурка – неровная пятиконечная звезда.

Викинг поднялся, уронив письмо на пол. Стул позади него закачался, он оперся на кухонный стол, чтобы не потерять равновесие.

Поддай мне знак. Сейчас или никогда.

Маркус поспешил к нему.

– Папа, что с тобой?

Они сели рядом на кухонный диванчик. Викинг не сводил глаз с письма на полу.

Это невозможно.

– Папа, какого черта? Что с тобой такое?

Викинг зажмурился, закрыл лицо ладонями и крепко сжал челюсти. Ну вот, ему уже начали мерещиться привидения.

– Папа, скажи хоть что-нибудь, ты меня пугаешь!

Поначалу он постоянно находился в напряжении, ожидая вестей. То шаги на лестнице, то перед домом затормозит машина, то на улице навстречу ему идет блондинка. Волна облегчения – это был всего лишь страшный сон! Вот же она, она вернулась! Но потом реальность

наносила удар в солнечное сплетение. Прошло много лет, прежде чем это смягчилось – со временем он перестал ждать.

Викинг сделал глубокий вдох, расслабил руки и плечи. Посмотрел на сына.

– Оно пришло сегодня?

– Или вчера, не помню, вынимали ли мы вчера почту из ящика.

– Сколько человек прикасалось к конверту?

Маркус с изумлением уставился на него.

– Прикасались? Только я. Ну и почтальон, наверное, не знаю, черт подери. Юсефин я ничего не сказал, мне показалось, что история довольно неприятная.

– Что такое система QATS?

Маркус поднялся и поднял с пола письмо.

– Ты же знаешь, я не могу...

– Не трогай письмо, положи на стол.

Сын выпустил бумажку, словно обжегшись. Она приземлилась на то место, где раньше стояла тарелка Викинга.

– Я не имею права рассказывать о своей работе.

– Но сейчас придется.

Сын провел пятерней по волосам – в точности как он сам.

– Не могу. Конфиденциальная информация, первый уровень секретности. ЗПСИ, сам понимаешь.

Закон о публичной и секретной информации, да-да, он в курсе.

– Судя по всему, утечка уже произошла. Отправитель письма знает. Теперь речь идет о тебе и твоей безопасности.

– Как, ты думаешь, что это не ерунда?

Викинг сжал кулаки. Ангелы – они существуют?

– Кому-то известно нечто такое, чего ты не знаешь.

Сын посмотрел на письмо долгим взглядом.

– Кто, черт возьми, мог это написать? – негромко произнес он. – И почему?..

– Объясни, в чем дело, – потребовал Викинг. – Что такое QATS?

Маркус пожевал нижнюю губу.

– Кому я мог бы это разболтать? – спросил Викинг. – Думаешь, я в состоянии сделать что-то такое, что тебе навредит? Мне ты можешь рассказать. Это останется между нами.

Сын сглотнул, потом кивнул.

– Новые кластерные бомбы европейского НАТО, – чуть слышно произнес он, глядя на свои руки. – Дистанционно управляемые, на основе нейросети. Мне предложили возглавить проект. Это повышение. Прибавка к зарплате, больше ответственности, дополнительная неделя к отпуску...

– Ты не должен на это соглашаться, – сказал Викинг.

Маркус с изумлением поднял глаза на отца, по лицу у него пошли красные пятна.

– Что с тобой, черт подери? Ясное дело, соглашусь! Я стремился к этому столько лет.

– Юсефин об этом знает?

– О QATS? Конечно, нет. Она знает, что мне предложили новый проект, но без подробностей. Я никогда ей не рассказываю.

Викинг подался вперед, разглядывая письмо. Звездочка трещала как электрический провод, так что в голове звенело.

– Можно я возьму это себе?

– Что? Но зачем?

– И конверт?

– Хм. ну да, конечно. А что ты с ним будешь делать? Подожди, дай я сначала сфотографирую.

Достав мобильный телефон, Маркус сфотографировал письмо. Викинг поднялся, пол качнулся под ним. Он взял со стола конверт. На логотип отеля попала капля сливочного соуса. Натянув пониже рукава, он сложил бумагу, не прикасаясь к ней пальцами, засунул обратно в конверт.

– Когда ты должен дать ответ по поводу повышения?

– Я уже согласился, уже подписал договор.

Викинг шагнул к сыну.

– Ты должен отказаться, – произнес он. Голос не слушался. – Ты не должен соглашаться на это предложение. Дай задний ход. Найди отговорку.

– Ни за что на свете, – ответил Маркус. – Если я сейчас соскочу, это будет жирная точка на моей карьере. Да и с какой стати? Из-за анонимного письма?

– Оно не анонимное, – ответил Викинг и взял с кухонного дивана куртку и рюкзак. Надев куртку, он положил письмо во внутренний карман.

– Передай привет Юсефин. Поблагодари от меня за ужин.

– Ты уходишь? Уже?

Викинг посмотрел в окно, на северо-восток, где догорал закат. За Польбергом и рекой простирались горы, миля за милей хвойных лесов и горных массивов, Сарек и Стура Шёфаллет, граница с Норвегией и Луфутен. Атлантика и Гренландия. Их он не видел, но знал, что они там есть. Впрочем, можно ли быть в этом уверенным? Кто сказал, что за пределами его восприятия существует какая-то реальность?

– Между прочим, ужин приготовил я, – сказал Маркус.

22 Августа 2020 года, суббота

Викинг проснулся со звенящим ощущением пустоты во всем теле. Она проявилась с первым осознанным вдохом, едва он открыл глаза и взглянул на щелочки между жалюзи в спальне. Взял в руки телефон, посмотрел время. Четверть шестого.

Просыпался он всегда рано. Все началось с тринадцатиметровой комнатки в студенческом общежитии в Лулео, где за стеной находилась электрическая щитовая. Он так и не выяснил, что это было, что именно включалось в это время – центральное отопление, или вентиляция, или нагрев воды, или что-то еще. Но как бы то ни было, он оказался запрограммирован на всю жизнь, что в полярную ночь, что в полярный день. Триста шестьдесят пять дней в году.

Интересно, помнит ли кто-нибудь Хелену?

То, что она пропала в разгар сбора морошки, народ запомнил – ведь именно поэтому она оказалась на болоте. Воспоминание о ней со временем превратилось в коллективное суеверие: «Ты собираешься за ягодами? Только не провались в болото, как жена шефа полиции».

Тридцать лет. Целая жизнь.

Многое изменилось, но что-то так и осталось неизменным. Например, трехкомнатная квартира на улице Кварндаммсвеген. Мебель, кухонная утварь – почти все прежнее. Когда Элин понадобилась отдельная комната, мама Карин разобрала шкаф, убрав всю одежду Хелены. Это было сразу после террористического акта против World Trade Center в сентябре 2001 года. Полицейский участок тоже не изменился, только должность теперь называлась по-другому.

Порой его удивляло, что он все тот же человек, что и прежде. В молодости он считал, что с возрастом человек становится другим. Оказалось, это не так. Он в точности такой же, как мальчишка на рождественских фотографиях Карин, снятых в 60-е годы. Единственное изменение, которое он ощущал, – глубина и опыт, да еще в какой-то мере усталость от жизни.

Он потянулся, заложил руки за голову. В горле царапала рыбья кость, костяшками пальцев он почувствовал холодное изголовье кровати. Оно то же самое, что было в то утро – последнее утро. Когда

в Хапаранде осенью 2006 года открылась «Икеа», он заменил каркас кровати и матрасы, но изголовье оставил прежнее. Викинг закрыл глаза. Вспомнил, как Хелена, отложив ребенка в кроватку, залезла к нему в постель, обняла и стянула с себя футболку. Ее горячую кожу, большие тяжелые груди кормящей матери. Как он удивился, как обрадовался! Как нетерпеливы были его руки – он помнил все это предельно ясно. Девочка гулила в своей кроватке, сытая и довольная, пока они занимались любовью. От воспоминаний проснулся Дружок у него между ног.

Потом, когда он уже стоял в дверях, собираясь на работу, она сидела за кухонным столом, держа на груди ребенка. Сказала, что собирается поехать пособирать морошку.

«Надеюсь, не на Кальмюрен? Ты ведь знаешь, что...» Ее глаза, затуманенные от усталости.

«Это просто суеверия, Викинг. Бездонных болот не существует».

Дружок съежился и исчез.

Викинг хотел сказать ей, чтобы она отдохнула, позаботилась о себе. Иногда он просыпался по ночам и обнаруживал, что она плачет. Поначалу он пытался ее утешать, но от этого она только стыдилась, так что он перестал.

Теперь она слабо улыбнулась ему.

«Пока, хорошего тебе дня».

Тогда он подумал, что все меняется к лучшему, что ее депрессия вот-вот отступит.

Слушал радио в машине по пути в участок – утренние новости. Джордж Буш со своими солдатами в Персидском заливе, готовящееся объединение Восточной и Западной Германии.

Подумать только, он до сих пор помнит такие детали.

Вместе с Ларсом-Иваром Пеккари, давним напарником отца, они проводили тесты на алкоголь у 374-й трассы. Забрали двух подозреваемых в управлении транспортным средством в нетрезвом состоянии и вождении без прав.

Домой он вернулся как обычно, в начале шестого. На кухонном столе записка.

Любимый,

Я поеду пособираю морошку. Хочется куда-то из квартиры.

Маркус у Карин.

А внизу в правом углу – звездочка, та пятиконечная, неровная, как шрам у нее на животе, на краю разреза кесарева сечения после рождения сына. Ее знак.

Выбравшись из влажных простыней, он вышел в кухню, не зажигая света. Анна Берглунд, жившая в квартире напротив, тоже вставала рано, пару раз он замечал, как она тарашится на него, когда он бродит по дому без одежды. Открыл холодильник, прикрывшись дверцей как щитом, налил себе апельсинового сока. Пока пил, посмотрел вверх дверцы в окно. В кухне у Анны горел свет. Она работала с Маркусом на Ракетной базе, с годами воспринималась почти как часть обстановки.

Он уселся за кухонный стол, на тот самый стул, где сидела в то утро Хелена.

«Пока, хорошего тебе дня».

Мама Карин предложила ему обратиться к медиуму в Будене – он ответил кратко и сердито.

В привидений он не верил, ни тогда, ни теперь.

Кому известно об этой новой системе? И о том, что Маркус должен стать руководителем проекта? Никому из посторонних Маркус не рассказывал, в этом можно быть уверенным, однако на базе есть, конечно, немало людей, которые в курсе. Хотя – кто из персонала, имеющего соответствующий доступ, знал о фирменном знаке Хелены? О том, как она подписывала записки, оставленные на кухонном столе тридцать лет назад? Что-то тут не сходится. И правда ли то, что Маркусу угрожает опасность? Откуда автор письма может это знать? Кто располагает сведениями о том, что еще не произошло?

Звучит сверхъестественно, но, похоже, никакой мистики нет. Кто-то знает – и возможно, этот кто-то совсем близко.

Поднявшись, он принялся кружить по квартире. В голове звенело – этот звук засел там много лет назад во время перестрелки в годы учебы и усиливался от стресса. Все тело ныло, он едва стоял на ногах. Свет в окне кухни у Анны Берглунд по другую сторону двора погас.

Рыбья косточка царапала горло. Карцинома. Вероятно, он умрет. Операция через девять дней.

Он не может сидеть просто так.

Здание полиции было закрыто и погружено в темноту. Здесь редко что-либо происходило по ночам. Собственно говоря, им приходилось открываться каждый день только из-за выдачи паспортов – эта задача была полностью возложена на Карину Бюрстранд. Всеми полицейскими делами в нерабочее время занимались коллеги из Эльвбю, что, разумеется, было очень на руку местным преступным элементам. Между двумя поселками расстояние в сорок километров – то, что надо. Пока прибывал патруль, грабители успевали добраться чуть ли не до Йелливаре.

Он свернул на парковку в тот момент, когда солнце выкатилось из-за горы Польберг, поставил свою «Вольво ХС40» рядом со служебной машиной, которая случайно оказалась в точности той же модели. На самом деле Викинг не любил сюрпризов и предпочитал во всех ситуациях садиться за привычный руль.

Когда он быстрым шагом зашагал по парковке, ощущение кошмарного сна немного отпустило. Тридцать два года он почти каждый день проходил здесь. Это помогло. Ветер с севера освежил лицо. Воздух был тяжелым и влажным. Викинг отпер заднюю дверь, снял сигнализацию, но не стал включать свет. В этих коридорах он ориентировался и без света. Пройдя мимо кухни, он вошел в свой кабинет. Закрыл за собой дверь, хотя в этом не было нужды. Подошел к окну, выходящему на парковку и церковь по другую сторону улицы. Тишина как после взрыва бомбы. Его никто не видит, а он стоит тут, откуда открывается прекрасный вид на парковку и всю улицу. Постепенно светало, но дни уже становились короче. Всего два месяца назад светило вечное солнце, теперь же оно ныряло за горизонт в четверть десятого вечера.

Он опустил жалюзи, зажег настольную лампу – островок света над захламленным столом.

Кто мог такое знать?

За годы жизни в Стентрэске Хелена работала только в одном месте: пансионате с самым идиотским названием на свете: «Stone Swamp Inn»^[1]. Поначалу она стояла за барной стойкой в баре, потом стала метрдотелем ресторана. Но работать по вечерам, имея маленьких

детей, не получалось. Она перешла на должность администратора в отельной части, хотя зарплата там была ниже. Иногда подменяла кого-то и убиралась или готовила холодные закуски на кухне. Везде ее очень ценили – она познакомилась со всеми, кто работал в пансионате.

Сколько из них осталось сегодня? Это он должен выяснить. Нет ли среди них кого-то, кто имеет отношение к Ракетной базе? Через партнера, ребенка соседа, родственника? Наверняка есть. С кем в Стентрэске она общалась, помимо коллег по работе? Он вспомнил несколько женщин, их ровесниц. Сам он на таких встречах обычно не присутствовал.

Шеф полиции подошел к архивному шкафу, стоящему в углу, – невзрачному, допотопному, с вечно застревающими металлическими ящиками. Найдя на связке ключей нужный, он отпер второй ящик снизу. Там лежало только одно дело – вернее, копия. Оригинал хранился в Национальном оперативном отделе в Стокгольме, в Реестре без вести пропавших.

Папка была тоненькая, легкая как перышко.

Хелена Кристина Стормберг, урож. Исакссон, 621130-1261
Пропала 14.08.1990

Он опустил в свое рабочее кресло, которое громко заскрипело под ним. Положил дело на стол, открыл, перелистал бумаги, нашел нужную.

Записка, которую она оставила на кухонном столе. Вернее, фотокопия. Угловатый почерк, звездочка в углу. Открыв верхний ящик стола, он достал перчатки. Вытащил из внутреннего кармана конверт, достал письмо, положил рядом. Сделал глубокий вдох.

Явное сходство, и в почерке, и в фирменном знаке. Впрочем, насколько явное?

Звезда на письме Маркуса была больше и небрежнее, чем на записке. Почерк ровнее, несколько мельче. Можно ли сказать, что обе бумаги написаны одним и тем же человеком? Вероятно, но не обязательно. Для того, чтобы это определить, нужна графологическая экспертиза, а у него такой возможности нет.

Он провел пальцем по логотипу на бумаге.

HOTEL INTERNATIONAL STOCKHOLM

Включил компьютер, погуглил название отеля.

Стильный и элегантный. Hotel International – эксклюзивный отель, расположенный на улице Страндвеген в самом сердце Стокгольма...

Страндвеген он знал, а вот такого отеля не помнил.

Он внимательно осмотрел конверт. На нем была приклеена марка с изображением писателей Шёваль и Валё, штамп поставлен в Стокгольме 11 августа 2020. Во вторник. Неужели письмо из Стокгольма в Стентрэск в наше время идет целых три дня? Или же оно долго пролежало в почтовом ящике у Маркуса?

Еще раз посмотрел на звездочку в углу листа.

Кто, кроме них двоих, знал о ней?

Легко предположить: все, кто видел дело. Стало быть, длинная череда его коллег, здесь в Норрботтене и в Стокгольме. Коллеги Хелены, ее друзья. Его семья, мама Карин и Свен, вероятно, еще и подруги Карин.

Викинг посмотрел на часы. Народ скоро начнет просыпаться.

Он вышел к машине.

Его мама Карин жила в доме, где он вырос, – типичный дом модели «Эльвбю» на улице, пересекающей Кварндаммсвеген. Когда Викинг вошел на веранду, она сидела в гамаке с чашкой кофе в руке. У ее ног лежал и посапывал пес Хуго, кокер-спаниель. Викинг поприветствовал маму на расстоянии и из чувства долга погладил спаниеля – на самом деле он был не в восторге от домашних питомцев. Пса Карин завела себе несколько лет назад, после операции по установке кардиостимулятора – ей нужна была мотивация, чтобы двигаться. Гуляя с Хуго, она полностью восстановилась.

– Есть апельсиновый сок, – сказала она, когда Викинг оставил собаку в покое.

Он пошел в кухню и налил себе стакан сока. Потом уселся на садовый стул. Подушка была влажная. Он должен рассказать маме о своей болезни, не оттягивая.

– У меня к тебе вопрос, – произнес он и отпил сока. – О Хелене.

Карин быстро приподняла брови, но ничего не сказала. Они редко говорили о его умершей жене. Неприятность, давно сданная в архив.

– Тебе известно, как она подписывала свои записки?

Карин заморгала.

– Записки?

– Когда она писала письмо или оставляла записку на столе в кухне. Тот значок, который она использовала вместо подписи.

– А, ты имеешь в виду звездочку?

Викинг сглотнул.

– Ты знаешь, с кем она общалась в свободное время? Здесь, в городке, помимо сослуживцев?

– Почему ты спрашиваешь? Ты ведь тоже знаешь.

– У меня на такое плохая память.

Карин посмотрела на него долгим взглядом.

– Много времени она проводила здесь, со мной и Свенном.

– Да-да, а еще?

Его мать развела руками.

– Они с Сусанной вместе ходили в спортзал, рядом со стадионом, пока Кристер и Сусси жили здесь.

Только не Сусанна Шильтц, ее он не сможет расспрашивать про Хелену, это просто невысказано. Вдова Кристера теперь именуется себя журналисткой-фрилансером, она лопнет от любопытства.

– Я понял, какой зал ты имеешь в виду. А еще? Кажется, она иногда встречалась с Кариной Бюрстранд?

Карин на мгновение задумалась.

– Точно, ты прав. Они вместе пили кофе и обсуждали книги. Карина организовывала какие-то мероприятия в библиотеке, Хелена всегда на них ходила, когда у нее была возможность. И еще она общалась с женщиной, которая тогда владела пансионатом...

– Керстин, – подсказал Викинг. – Керстин Линдгрэн. Она умерла осенью 1990 года.

– Да-да, знаю, – ответила Карин. – Дочь Керстин, Эва-Лена, тоже работала в отеле. После смерти матери она не хотела заниматься им одна и продала дело этому, как его.

– Она по-прежнему живет в «болоте»? – спросил Викинг.

– Не называй его так, – проговорила Карин. – Но в целом – да, Эва-Лена живет в «болотном квартале».

Викинг допил сок.

– Ты придешь в понедельник? – спросила Карин.

– Юсефин велела мне забрать по дороге бутербродный торт, – сказал он и двинулся к машине.

Для утра субботы на улицах было необычно оживленно. Кто-то совершал пробежку, кто-то шел с палками для скандинавской ходьбы, перед светофором образовалась небольшая пробка. И продуктовый супермаркет, и строительный магазин в промзоне открывались в 7 утра, а народ, живущий у Северного полярного круга, привык пользоваться дневным светом на всю катушку.

В целом он ощущал вокруг ту надежду и веру в будущее, которую принесли с собой инвестиции в северную часть Норрланда: планы построить неподалеку от Питео крупнейший в Европе наземный ветропарк, экологический сталелитейный завод в Будене, гигантский завод по производству аккумуляторов в Шеллефтео. На север текли миллиарды – или, по крайней мере, обещания. Лично Викинг от восторга не трепетал и ничего особенного не ожидал.

Если выразаться языком рекламы, назвавшей «Hotel International» стильным и элегантным, «Stone Swamp Inn» можно было бы описать как живописный бутик-отель. Низкие процентные ставки по кредитам дали возможность Бритт-Мари, нынешней владелице, сделать ремонт в соответствии с эстетикой нового времени: природные материалы землистых тонов и экологически чистые копии дизайнерской мебели. На вкус Викинга, получилось мрачновато.

У девушки, стоявшей за конторкой метрдотеля, волосы были собраны в конский хвост, глаза подведены черным, в каждом ухе красовалось по четыре кольца. В сером переднике и ослепительно белой блузке она производила очень профессиональное впечатление. Вся норвежская бомбовая компания уже поднялась и накинулась на шведский стол.

– Урбан Ланден сегодня на месте? – спросил Викинг.

Урбан был на пару лет старше Викинга. После двух недель в первом классе учителя констатировали, что мальчик еще не созрел для школы. Ему дали подрасти – сперва год, потом еще год, однако это не дало особых результатов. Кварндаммскую школу он закончил в так называемом вспомогательном классе.

– Он убирается на заднем дворе, – ответила девушка.

Выйдя из ресторана и пройдя за стойку администратора отеля, где никого не было, он вышел через черный ход к мусорным контейнерам.

Там стоял мужчина мощного телосложения и сплющивал картонные коробки.

– Урбан, – окликнул его полицейский. – Привет, это я, Викинг.

Мужчина выпустил из рук коробку.

– Привет, Викинг, – ответил он. – Как дела?

Викинг протянул ему сжатый кулак – одно из новых коронавирусных приветствий, казавшееся ему не самым идиотским. Урбан сразу включился и ответил тем же.

– Какой денек! – сказал Викинг, щурясь на голубое небо. – Хорошо работать на свежем воздухе.

– Да, на улице лучше всего, – согласился Урбан.

С гор тянуло ветерком, в воздухе повисло первое ощущение приближающейся осени.

– Знаешь, – начал Викинг, – у меня к тебе вопрос. Надеюсь, ты сможешь ответить. Помнишь Хелену, мою жену? Она работала здесь – сперва в ресторане, потом в отеле...

Урбан опустил глаза и покраснел.

– Ясное дело, – ответил он. – Ясное дело, я помню Хелену. Такая девушка!

Одной рукой он сделал жест, показывавший, что у нее была большая грудь, но потом, кажется, понял, как неуместно делиться такими наблюдениями с ее мужем и принялся снова плющить картонки.

– Дело давнее, – сказал Викинг, желая загладить ситуацию. – Я хотел спросить – может быть, ты помнишь, как она писала записки.

Урбан запихнул очередную коробку в контейнер, отряхнул ладони и энергично закивал.

– Конечно, – ответил он. – Она писала мне списки, чтобы я не забыл, что надо сделать и в каком порядке. Она была очень добрая, Хелена. И красивая. Когда я не успевал закончить вовремя, она иногда помогала мне.

Он снова покраснел.

– Ты помнишь, как она подписывала свои сообщения?

Урбан уставился на него в недоумении.

– Своим именем или как-то иначе? – уточнил Викинг.

– Она писала «Урбану». Я их все сохранил.

Сохранил?

– Ты хочешь сказать, что они у тебя где-то лежат? – спросил
Викинг.

Урбан наподдал ногой одну из коробок.

– Можешь мне показать?

– Она писала мне, – сказал Урбан. – Это мои письма.

– Само собой, – ответил Викинг. – Мне нужно только обследовать
их.

Урбан стиснул зубы и покачал головой, взялся за новую коробку.

– Ты воспринимаешь это как тайну? – спросил Викинг. – То, что
она писала тебе лично? Все так и есть. Я хочу только посмотреть, как
она их подписывала и, возможно, обследовать некоторые из них в
участке.

– Зачем?

Глаза Урбана сузились, взгляд стал колючий. Викинг с серьезным
видом посмотрел на него.

– Они – часть полицейского расследования, – сказал он. –
Надеюсь, мне не придется идти к прокурору и просить, чтобы их у
тебя изъяли.

Его собеседник покрылся потом.

– Я позабочусь о том, чтобы тебе их вернули, – продолжал
Викинг. – Но на сто процентов обещать не могу.

Потоптавшись на месте, мужчина снова выпустил из рук коробку
и двинулся к задней двери отеля. Внутри он не пошел к стойке, а
свернул налево, в подвал. Здесь потолки были низкие, Викингу
пришлось пригнуться. Старый письменный стол из сосновой фанеры
рядом с котельной, судя по всему, был личной территорией Урбана
Ландена. Выдвинув второй ящик, он достал и положил на стол
толстую пачку бумаг с логотипом пансионата.

Викинг подошел и прочел верхнюю.

Урбану!

Доброе утро!

Надеюсь, ты хорошо выспался.

Задачи на сегодня:

1. Сдать пустые бутылки.
2. Подмести на заднем дворе.

3. Заменить перегоревшую лампочку в коридоре на втором этаже.

4. Вставить новые батарейки в сейфе в номере 15, код от всех сейфов 1468.

5. В три часа придет трубочист, покажи ему трубу.

Хорошего дня!

Хелена

И конечно же, звезда. Вот она. Викинг стиснул зубы, почему-то ощущая обиду. Ему казалось, что об этой звездочке знали только они вдвоем, что это была их тайна.

– Спасибо, – сказал Викинг. – Я хотел бы взять записку с собой на анализ.

– Зачем?

Голос у дворника дрожал.

– Мне надо проверить одну вещь, но я возьму только эту бумажку. Остальные можешь оставить себе.

Достав из кармана пакетик для вещественных доказательств, он положил туда сообщение. Урбан долго смотрел вслед записке, но потом осторожно убрал остальные в ящик. Вместе с Викингом они вышли обратно на задний двор.

– Ты в последнее время навещал своего дядю? – спросил Викинг, когда они вернулись на солнце. – Дядю Эверта?

Эверт Ланден более двадцати лет руководил Ракетной базой.

Урбан покачал головой.

– Корона, – ответил он. – В дом престарелых не пускают.

Естественно, как он сам не догадался.

– Да, ужасное дело, – проговорил Викинг. – А еще кого-нибудь на базе ты знаешь?

Дворник взял коробку, которую раньше пнул ногой, и принялся ее расплющивать.

– Только Оскара, охранника, – ответил он. – Мы с ним играем в FIFA.

Викинг улыбнулся ему.

– Всего тебе, – сказал он и вышел через ворота прямо на тротуар.

Жилой квартал Стентрэск Эльвстранд находился на окраине городка, рядом с трассой, ведущей к побережью и Эльвбю. Грохот

лесовозов смешивался с гулом реки, между домами бродил ветер с гор. Место это обычно именовали не иначе как «болото». Дома были частью миллионной программы^[2] шестидесятых: трехэтажные казармы для сдачи в аренду, с обшитыми металлическими листами фасадами и сквознячными лестничными клетками. В городке был распространен стереотип, что здесь селятся люди социально опустившиеся, недавно приехавшие и разведенные, а сам квартал являет собой подборку низших социальных слоев. Это было неверно. По крайней мере, не совсем верно.

Правда, тут можно было встретить граждан с ограниченными экономическими возможностями, но здесь селились также рабочие и служащие, не желавшие отдавать все свое свободное время уходу за садом и ремонту дома. Кроме того, часть квартир уже была выкуплена и принадлежала недавно образованному товариществу собственников жилья. У новых хозяев за свежеразкрашенными оконными рамами пышно цвели флоксы и эхинацея пурпурная.

Эва-Лена жила в том доме, который по-прежнему состоял из квартир, сдаваемых в аренду.

Она открыла ему в леггинсах и неоноворозовой майке. Худенькая женщина с ясным взглядом и задорной стрижкой.

– Полиция! – воскликнула она и округлила глаза. – Что я такого натворила?

Викинг миролюбиво улыбнулся.

– Я не вовремя? Ты собиралась на пробежку?

– Аштанга-йога в «Студии», – ответила она, бросив взгляд на настенные часы, и сделал шаг назад. – Но проходи, проходи, хочешь кофе?

– Спасибо, не надо, – ответил он.

У него не было сил объяснить, что он не пьет кофе.

– И к тому же я тут не по работе, а чисто по личному делу.

Эва-Лена Линдгрэн похлопала ресницами, тщательно удлиненными в вышеупомянутой «Студии».

– Так чем я могу быть полезна?

Он вошел в кухню. Квартира оказалась в точности такой, в какой жила когда-то Агнета Мякитало. В других комнатах было пусто и тихо – Эва-Лена жила одна. Викинг решил разыграть сентиментальную карту.

– Речь идет о Хелене, – проговорил он. – Моей жене. Тридцать лет с тех пор, как она умерла. Вчера исполнилось.

Улыбка женщины стала печальной.

– Неужели так давно? Как бежит время. Ужасная трагедия.

– Что ты о ней помнишь? – спросил Викинг и сел на скамейку с подушкой из овечьей шерсти, стоявшую там, где у Агнеты был деревянный раздвижной диванчик.

– Ну...

Она потянула паузу, устремив взгляд в окно. Похоже, помнила она немного.

– Она ведь работала в пансионате, в основном с моей мамой.

Да-да, он в курсе.

– Вы с ней когда-нибудь работали вместе? – спросил он.

– Видишь ли, – начала Эва-Лена, – Хелена умудрялась быть одновременно везде. Мама говорила, что она – как швейцарский карманный ножик, пригодится в любом деле.

Викинг усмехнулся.

– Она изучала гостиничный бизнес в Швейцарии...

– Да, именно, – подхватила Эва-Лена. – Квалификация у нее однозначно была слишком высокая для наших широт. Ты, должно быть, уж больно лакомый кусочек.

Глаза у нее заблестели. Викинг улыбнулся в ответ.

– Я знаю, что она писала сотрудникам записки, – сказал он. – Списки дел, которые надлежит сделать. Урбану, например.

Эва-Лена рассмеялась.

– Бедный Урбан! Так и есть, она писала ему списки, что он должен сделать. Он был без ума от нее, до сих пор не в состоянии ее забыть.

Она видела эти списки – стало быть, может знать, как они были подписаны.

– Ты не захотела продолжить дело сама? После того как умерла твоя мама?

Улыбка на лице у женщины погасла.

– Я пыталась, но это пришлось на самый разгар экономического кризиса. Банковские ставки составляли 500 %. Это было невозможно.

– И ты нашла себе другую работу?

– В ресторане «Мюрхеден», – ответила она.

Он кивнул – да, он верно помнил, она директор ресторана на Ракетной базе.

Она снова взглянула на часы.

– Приятно было поболтать, но мои занятия начинаются ровно в десять, так что я должна...

Он поднялся.

– Мы не можем допустить, чтобы они начали без тебя, – сказал он.

– А они без меня и не начнут, – ответила она. – Их веду я.

Из квартиры они вышли вместе.

Она сказала, чтобы он заходил выпить кофе в другой раз. Если ему захочется поговорить о Хелене. Или еще о чем-нибудь.

На Ракетном испытательном полигоне Стентрэска – так звучало официальное название Ракетной базы – несмотря на субботу, кипела бурная деятельность. Викинг миновал ракеты, стоявшие с двух сторон от въезда: «Bristol Bloodhound Mk1» на стартовой площадке и дрон «СТ-20», установленный на столбе. Опустив стекло возле проходной у главного входа, он всем телом ощутил вибрацию сверхзвуковых реактивных самолетов.

– Высокий гость, – констатировал охранник в форме, подходя к машине.

Викинг не мог вспомнить, как его зовут.

– Чем мы можем быть полезны полиции?

– Я ищу Херманссона, – сказал Викинг.

Артур Херманссон, директор базы, был не из этих мест. Он происходил с юга Швеции, и Викинг знал его лишь поверхностно.

– По предварительной договоренности? – спросил охранник.

– Нет, – ответил Викинг. – По срочному делу.

– Подождите здесь, – сказал охранник и исчез за стальными кабинками и железными воротами.

Викинг окинул взглядом территорию. За железным забором в левой части главного здания он увидел электростанцию, помещенную в клетку Фарадея для защиты от электронного шпионажа. Вся эта часть здания была укреплена против «внешнего воздействия», то есть бомб. Справа – ресторан «Мюрхеден». Рядом с ним музей истории Ракетной базы, созданный несколькими энтузиастами. Викинг там бывал – интересно и трогательно. Самое сильное впечатление произвел на него монумент сотрудникам, погибшим или получившим

тяжелые травмы во время экспериментов на заре существования базы. А вдали, за кронами хвойных деревьев – взлетно-посадочная полоса и самолетные ангары, откуда и доносились звуки реактивных двигателей. В легких покалывало от выхлопов авиационного топлива.

– Подъезжайте и паркуйтесь у выхода «Е», кто-нибудь из руководителей проектов вас встретит, – сказал охранник.

Он указал рукой на одну из дверей в длинном фасаде здания, открыл стальной шлагбаум и откатил железные ворота. Викинг поднял стекло, чтобы не дышать парами газов, и помахал рукой в знак благодарности.

Машину он поставил в указанном месте. Парковка была снабжена приспособлением для обогрева двигателя – стало быть, парковочное место для сотрудников. Может быть, даже Маркуса.

Выйдя из машины, он потрогал ручку двери. Заперто. Ему пришлось подождать несколько минут, прежде чем дверь открылась. За ней стояла Анна Берглунд, его соседка по двору. Он вздрогнул. Было нечто странное в том, чтобы встретиться с ней вот так – они привыкли видеть друг друга полуголыми и едва проснувшимися. Вместо рукопожатия она поприветствовала его локтем, на пандемический манер.

– Артур занят, у него совещание в зуме, – сказала она. – Хочешь пока выпить кофе?

– стакан воды, если можно, – сказал Викинг. Он шел за ней по зданию – ее знакомая флегматичная походка.

Раньше ему никогда не доводилось бывать в самом сердце базы.

Обстановка напоминала все шведские государственные учреждения. Оранжевый линолеумный пол, белые оштукатуренные стены, гудение вентиляции, пробковые панели на потолке. Мигающие лампы дневного света, пластмассовые корзины для бумаг.

Анна провела его в зал для совещаний. Шкафы из буковой фанеры, незатейливые картины маслом, изображающие боевые самолеты из шведской военной истории. А вот стулья вокруг стола вполне элегантные.

– Я скажу, чтобы тебе принесли воды. Ты посидишь один? Мне надо заняться нашими посетителями.

Он кивнул, снял куртку и положил на спинку стула рядом с собой.

Через открытую дверь он слышал, как она рассказывает о телеметрии, теодолитах, геодезии и самонаводящихся ракетах, БПЛА и воздушных целях. Все эти слова были ему незнакомы. Викинг прикрыл глаза. Стул оказался такой удобный. То, что он сейчас подслушивал, скорее всего, представляло собой материалы высшей степени секретности, однако все его внимание было сосредоточено на стуле. Прохладный воздух легонько овеивал лоб, от него начинало першить в горле. Какое приземленное существо человек, насколько же все изыски и важные подробности смешиваются в сознании в единое месиво, где невозможно расставить приоритеты.

– Викинг Стормберг, – произнес властный голос. – Чем могу быть полезен?

Викинг поднялся и поздоровался. Закрыв дверь, Артур Херманссон уселся по другую сторону стола.

– На прошлой неделе в доме у одного из ваших сотрудников произошла кража со взломом, – сказал Викинг. – Это Юхан Бьёркман из Польберга. Обнаружилось это только вчера, поскольку Юхан был в отпуске. Украли весь его сейф с оружием и патронами.

– Ах черт, – сказал Артур Херманссон.

Когда в отношении человека, имеющего доступ к секретной информации, совершалось преступление, это означало повышенный риск. Возможно, в сейфе находилось что-то еще, помимо оружия: все, что угодно, от черного нала до наркотиков или порнографического видео, что открывало возможности для шантажа и других угроз. Викинг не собирался всем этим заниматься, однако считал, что Херманссону в высшей степени важно это знать.

– Я понимаю, что Бьёркман имеет секретные допуски, – сказал Викинг, – и что вы не можете раскрыть мне все детали по поводу вашей работы и распорядка, однако у меня есть несколько вопросов, ответы на которые мне необходимы, чтобы вести следствие дальше.

– Само собой, – ответил Херманссон. – Что вы хотели бы узнать?

– Кому известно о том, когда сотрудники уходят в отпуск?

– Это не общедоступная информация, но и не особая тайна. Сотрудники и административный персонал получают эти сведения, чтобы планировать работу и выплату зарплат.

Достав из кармана куртки блокнот и ручку, Викинг кратко записал ответ Херманссона.

– Вопрос, вероятно, затрагивающий конфиденциальную информацию, – проговорил он, – но не было ли у вас здесь людей из К4, скажем, в последние полгода?

Херманссон сделал глубокий вдох.

– К4 – это егерское подразделение, легкое мобильное, призванное гибко выполнять задачи и вести разведывательную деятельность за линией обороны противника. У них нет тяжелой техники. Вероятно, это ответ на твой вопрос...

Викинг кивнул.

– Если можно, я хотел бы, в свою очередь, задать вопрос, – сказал Херманссон. – Есть ли у вас зацепки, вы задержите злоумышленника?

Викинг провел пятерней по волосам.

– Ситуацию, в которой ведется следствие, нельзя назвать оптимальной. Мы даже не знаем, в какой день произошло преступление. Соседи ничего не заметили. Но у нас есть другие следы.

На несколько секунд он задумался.

– Может ли на базе существовать угроза безопасности в отношении Юхана Бьёркмана? Или кого-то еще? Может ли кто-то быть заинтересован в том, чтобы использовать информацию об отдельных сотрудниках для собственной выгоды?

Херманссон нахмурил брови.

– На что вы намекаете?

Викинг пристально посмотрел на директора.

– Расположение вашей базы в нашем полицейском округе всегда является осложняющим фактором в полицейской работе, – сказал он. – Мы должны постоянно держать в голове это обстоятельство. Я понимаю, что вопрос носит абстрактный характер, но какова вероятность, что существует угроза сотрудникам?

Директор откашлялся.

– Я не назвал бы риск доминирующим, но он существует. Мы имеем дело исключительно с секретными материалами...

Викинг поднялся.

– Больше не буду отвлекать, у вас тут, я смотрю, оживленная деятельность.

Херманссон последовал его примеру, осторожно задвинув стул.

– Да, у нас сейчас много проектов.

– Маркус рассказал, что его повысили, – сказал Викинг, надевая куртку.

– Мы все этому рады, – произнес директор базы. – Маркус талантливый молодой человек.

– Как обстоит дело с такого рода информацией? – спросил Викинг, – является ли она общедоступной?

– Кто идет на повышение? Я бы сказал, что да.

Открылась дверь. В помещение вошла молодая женщина со стаканом воды.

– Я учту ваши вопросы, – сказал Херманссон. – Найдете дорогу к выходу?

В участке было пусто и тихо. Викинг направился напрямик в кабинет Роланда Ларссона. Комната была больше, чем у него, поскольку Роланд хранил множество материалов, необходимых для осмотра места происшествия. Помимо небольших кусков брезента, осветительных ламп и камер, здесь имелись также скотч для снятия отпечатков пальцев, различного рода порошки с сажой и прилагавшейся кисточкой, магнитные кисточки, штемпельные подушечки для отпечатков пальцев, мелки, стеклорезы, желатиновые пластины для снятия отпечатков подошв, силиконовые препараты, аминокислотные реактивы и множество других баночек и коробочек, назначения которых Викинг не понимал. Он был в курсе технических новшеств, пока сам выезжал на задания, но с тех пор, как стал шефом полиции, ни разу не прикасался к техуглероду.

На полках теснились упаковки с клейкой красно-коричневой массой, применяемой для отливок с повреждений замка при краже со взломом, мощные лампы, запечатанные упаковки с тестами ДНК, еще смеси с техуглеродом – он испытал чувство, похожее на отчаяние.

Что Роланд обычно наносит на бумагу? Для старых чеков он точно не использует порошок с кисточкой, окунает их в какую-то жидкость – как она там называется?

Несколько пластиковых емкостей и бутылка рядом с ними. «Эвидент 32 унции. Нингидриновый латентный реагент для отпечатков пальцев NFE-7100, готовый раствор». Точно, оно! Субстанция прилипает к аминокислотам. То, что ее можно использовать для выявления отпечатков пальцев, обнаружили шведы. Кажется, где-то должен быть спрей, если ему не изменяет память...

Само собой, на Роланда можно положиться. Флакончик с нингидрином стоял на полке ниже. Взяв с собой спрей, Викинг вернулся в свой кабинет. Зажег лампу под потолком, достал из внутреннего кармана пакетик с запиской Урбана. Положив его на пол рядом с письмом, сделал несколько фото своим телефоном. На конверт махнул рукой, тот слишком контаминирован.

Затем тщательно попрыскал химикатом и на письмо, и на записку. Помещение наполнилось острым запахом спирта – народ подумает, что он сидит и пьянствует на рабочем месте. Ну и ладно. Когда он поднял бумаги, под ними на полу остались сухие прямоугольники.

Он внимательно рассмотрел письмо. Ничего особенного не видно, только текст и влажность. Может, он перестарался?

Впрочем, нет, оно же должно сначала высохнуть. Может быть, положить в духовку? Нет, дело кончится тем, что он его сожжет.

Усевшись на стул, он принялся ждать.

В ту ночь тридцать лет назад он шел в цепи, прочесывавшей южную часть Кальмюрена. Там на кочках больше всего морошки, поиски сосредоточили в том квадрате. Около полуночи ему сообщили, что обнаружена машина, вскоре после этого нашли дочь. Он ехал в больницу как в трансе, вокруг машины вился туман. Когда он вошел, главврач отделения скорой помощи, Гунилла Ланден, сидела с ребенком на руках. Девочке только что дали бутылочку молочной смеси, малышка была завернута в большое шерстяное одеяло. Передав ребенка медсестре, врач повела его в свой кабинет. Пояснила, что жизни дочери ничто не угрожает, что она полностью восстановится. Это сообщение не принесло ему никакой радости. Запомнилось только облегчение, когда доктор Ланден сказала, что малышку оставят до утра на отделении под наблюдением – по поводу того, что ему не придется нести за нее ответственность.

До сих пор его жгло чувство вины. Оно мешало ему догнать сегодняшний день. Элин ускользала от него, как тот ангел, которым была ее мама.

Он склонился над столом. Лист бумаги высох. На нем материализовалось множество розовато-лиловых пятен. Он зажег настольную лампу, склонился, изучая результаты. Начал с письма.

Большинство пятен оказались вытянутые и фрагментарные, не отпечатки пальцев, а какие-то другие следы. Возможно, сливочный

соус от ужина. Он слишком поверхностно знаком с криминалистикой, чтобы оценить детали. Но внизу в левом углу виднелся отчетливый отпечаток большого пальца. Ничто другое не могло так выглядеть. Основание пальца было шире верхушки. На всякий случай он посмотрел на свою руку. Да, так выглядит только большой палец.

Липкими от нингирина пальцами он перелистал тоненькую папку дела об исчезновении Хелены. Там был целый набор отпечатков пальцев, которые коллеги сняли у них в доме после ее исчезновения – на ее кофейной чашке, стакане для чистки зубов, на пакете с подгузниками и бутылочке с соской. В его экземпляре содержались ксерокопии перефотографированных снимков, то есть копии с копий, мутные и с зерном.

Найдя отпечатки ее больших пальцев, он положил их рядом с письмом для сравнения. Отпечатки пальцев не меняются с возрастом.

Трудно что-то увидеть. Его копии слишком мутные. Да и оригиналы были не очень, это он помнил.

Но один отпечаток очень похож. Викинг исследовал папиллярные линии, поперечные черточки, форму пальца. Совпадает? Невозможно сказать.

Он потянулся к записке из пансионата – листу бумаги, который она точно держала в руках. В целом отпечатки пальцев можно снять только по свежим следам. Но пористые материалы вроде бумаги могли в самом лучшем случае хранить отпечатки до тридцати лет. Если повезет, он найдет тут материал для сравнения.

Но записка Урбана за десятилетия была захватана целиком и полностью. Практически весь лист стал розовым, и все отпечатки, которые он мог разглядеть, были одинаковыми. Ни один из них не походил на отпечаток большого пальца на письме. Должно быть, бедняга все эти годы перелистывал и перечитывал записки.

Выбросив записку в корзину для бумаг, Викинг взял конверт.

Hotel International Stockholm.

Зачем логотип на анонимном письме?

Потому что оно вовсе не анонимное.

В эту самую минуту с грохотом хлопнула дверь, ведущая с улицы в холл. Викинг уставился на закрытую дверь своего кабинета – что за чертовщина?

Он оглядел помещение, бросил взгляд на стол, на пол – боже милостивый! Нельзя, чтобы кто-то все это увидел. Он вскочил, потом снова сел, сгреб бумаги со стола и запихнул их в верхний ящик. Услышал чуть шаркающие шаги в коридоре – это Карина Бюрстранд. Быстрым шагом он подошел к двери, распахнул ее и вышел в коридор, плотно закрыв ее за собой. Администратор, шлепавшая по коридору в своих кроксах, удивленно уставилась на него.

– Как хорошо, что ты сегодня пришла, – сказал Викинг. – У меня к тебе один вопрос.

– Я только пополню автомат с газировкой, – ответила она и пошла в кухню.

Он последовал за ней, встал, опершись о столешницу.

– Речь идет о моей жене, – произнес он.

Теперь Карина посмотрела на него, выпрямила спину, опустив сумку с банками шипучки.

– Что случилось?

– Вы ведь с ней общались? Обсуждали книги?

– А что?

Она смотрела на него скептически. Они знали друг друга с семи лет, всю школу отходили в один класс и тридцать два года проработали вместе. Ее он не сумел бы обмануть.

– Я нашел странную записку, – сказал он. – Возможно, ее написала она.

Администратор осторожно поставила пакет из магазина на пол.

– Викинг, – сказала она. – Я знаю. На прошлой неделе исполнилось тридцать лет с тех пор, как она умерла. Это как-то связано?

Викинг сделал быстрый вдох – он и не подозревал, что она помнит.

– Не знаю, – ответил он. – Может быть.

– Что за записку ты нашел?

Он провел ладонями по лбу.

– Просто записку, которую она написала давным-давно.

– Ты копался в старых воспоминаниях?

Он опустил глаза, стал смотреть на свои руки. Пусть она подумает, что он предается сентиментам, жалеет себя.

– Она любила Ульфа Лунделя, – произнесла Карина необычно мягким голосом. – И Джека Керуака. Классики ее утомляли, ей казалось, что все это слишком далеко. Но Набоков ей нравился. Хелена единственный человек из всех, с кем я когда-либо общалась, кто тоже высоко оценил «Лолиту».

– Ты знаешь, как она подписывала свои письма? Неформальные: сообщения, записки?

Она взглянула на него, нахмутив брови.

– Что ты хочешь выяснить?

Точно не знает или притворяется?

– А как вообще дела? – спросил он. – Хокан так и работает на Ракетной базе?

Карина Бюрстранд сложила руки на груди.

– Думаешь, мой муж, авиационный техник, мог бы найти себе другую работу в Стентрэске? Ты вообще о чем?

Он отлепился от столешницы.

– Не буду тебе мешать, можешь спокойно распаковать сумку. Я расследую кражу оружия в Польберге, возможно, мне придется съездить в Стокгольм.

– В участке в Эльвбю у всех ковид, – сказала она. – Может быть, тебе лучше остаться здесь на всякий пожарный?

– Эльвбю справится без меня, – ответил он.

Вернувшись в свой кабинет, он снова плотно затворил дверь, открыл нараспашку окно и спрятал спрей и документы в ящик стола. Слышал, как она возится в кухне с банками лимонада и капсулами для кофемашины. Придвинув к себе клавиатуру, вошел в Центральную систему оперативного планирования, сокращенно ЦСОП. Эта странная аббревиатура его больше не забавляла. Прочел дополнительные сведения по поводу кражи со взломом у владельца оружия. В пятницу во второй половине дня коллеги из Ярвы задержали подозреваемого в квартире последнего на Рисингеплан 40 в Тенсте.

На самом деле это была квартира его родителей, где подозреваемый проживал вместе с пятью братьями и сестрами. Под кроватью в одной из спален были обнаружены АК-4, 1 штука, вскрытый ящик с патронами калибра 7,62, в котором изначально находилось 800 штук. Пистолет «Глок 88», 1 штука. Охотничье ружье

«Sako 85», 1 штука, ружье «Sako Vixen 222», 1 штука, а также дробовик «Husqvarna» двадцатого калибра.

Вот оно – все украденное оружие минус некоторое количество патронов, ныне засевших в стенах пиццерии в центре Тенсты, а также в трех молодых людях из соперничающей группировки, которые чудесным образом остались живы. Какое-то иное объяснение представлялось Викингу совершенно невероятным.

Само собой, ему не было нужды ехать в Тенсту – коллеги прекрасно справятся с делом без него.

Дверь открылась без стука. Администратор заглянула в кабинет.

– Проветриваешь?

Он поднял на нее быстрый взгляд, снова вернулся к компьютеру.

– Мне показалось, что тут какой-то странный химический запах, – проговорил он.

Она топталась в дверях, глядя на него с подозрением.

– Я включу сигнализацию, когда буду уходить, – заверил он.

Она закрыла за собой дверь. Он слышал, как она прошелестела по коридору и вышла на улицу. Дождался, пока в здании все стихло. Затем достал письмо и нингидриновый спрей, поставил его на прежнее место в кабинете Роланда Ларссона, спрятал бумагу в пакетик для улик.

Когда он уже выезжал с парковки, затренькал телефон. Звонила заместитель начальника региональной полиции из Умео.

– В Эльвбю массовая вспышка ковида, – сказала она. – Ты не мог бы взять на себя дежурство в выходные?

Викинг сделал глубокий вдох. В горле скреблась рыбья кость. Девять дней до операции.

– Ответ «нет», – сказал он. – Я занят расследованием кражи оружия. Целый арсенал, который...

– Это может подождать до понедельника. Мы хотели бы, чтобы ты взял на себя дежурство.

На пару мгновений он крепко зажмурился.

– Увы, – ответил он. – Очень сожалею. Но никак не получится.

Прямо из машины он забронировал себе авиабилет.

Стентрэск – муниципалитет лена Норрботтен в Лапландии. Центр – Стентрэск. Город называют «Воротами к порогам», это выражение

сохранилось со времен путешествия Карла Линнея в Лапландию в 1732 году.

Стентрэск расположен на реке Питеэльвен в регионе Норрботтен, ближайшие населенные пункты на юге – Эльвбю и Арвидсьяур, на востоке – Буден, а также Йоккмокк на севере.

В церковном плане с 1809 года принадлежит к общине Стентрэск, до того – к общине Недерлулео.

До 1893 года населенный пункт подчинялся окружному суду Йоккмокка, затем до 1928 года существовал суд Стентрэска. С 1971 по 2002 год Стентрэск относился к судебному округу Будена, а с 2002 года входит в судебный округ Лулео.

В муниципалитете проживает 9031 человек.

В последние четыре десятилетия наблюдалась умеренно отрицательная динамика населения.

(Из книги «Факты о муниципалитетах Швеции») Когда Викинг был маленьким, он очень любил музыку. Мама Карин играла мелодии из оранжевого песенника «Поем под фортепьяно», он стоял рядом на табуреточке и пел. Он все легко заучивал наизусть, в особенности песенные тексты, а также библейские изречения и диалоги из телепрограмм. Его мальчишеский голос не отличался красотой, но в узком регистре точно брал все ноты.

Папа Густав находил его манеру все время петь утомительной, чтобы не сказать идиотской. Он мог довольно резко сказать сыну при всех, чтобы тот заткнулся, но Викинг не слушался отца. Густав никогда не бил его на глазах у других, однако дома мог вlepить пощечину и задать березовой каши.

Знаменитый хит Анны-Лены Лёфгрэн «Счастливая улица» стал одной из первых песен, которые он выучил целиком на слух по радио, возможно, одновременно с «Сегодня ночью мне приснился сон». То было летом 1967-го, ему еще не исполнилось пяти. Обе песни он до сих пор помнил наизусть. Но теперь он знал, что текст песни «Сегодня ночью мне приснился сон» написал Корнелис Вресвик, а «Счастливая улица» – кавер итальянского оригинала.

В Тенсте он не бывал тридцать лет. Еще до того, как он попал туда, там уже все было закатано в бетон – если, конечно, сравнивать с Буллербю. Как тогда, так и теперь дома возвышались высоко над землей. Возможно, фасады теперь стали посветлее в результате

волевого политического решения сделать новостройки миллионной программы менее стигматизированными. Получилось не очень.

Площадь Рисингеплан, место жизни задержанного подростка, состояла из нескольких семиэтажных бетонных домов, построенных над подземной парковкой. Плоские крыши, лоджии вместо балконов. Высокие дома создавали идеальные тоннели для ветров, берущихся из ниоткуда, так что жители вечно ходили со слезящимися глазами, лоя ртом воздух. Площадь Сутингеплан, где Викинг жил в годы учебы в Полицейской академии, находилась в полукилометре от этого места или даже еще ближе, по другую сторону торгового центра.

Он заплатил за такси, водитель уехал, резко взяв с места. Закинув рюкзак за одно плечо, Викинг взглянул на карту в телефоне.

Место, которое он искал, оказалось позади него.

Сороковой подъезд был одним из вереницы совершенно одинаковых подъездов в домах-близнецах. Сообщалось, что подозреваемый проживал на третьем этаже. Викинг покосился на блестящие оконные стекла. Подросток, комната которого забита огнестрельным оружием. Вопрос в том, как оно туда попало. Задержанный не имел прямого отношения к Стентрэску. Знали ли его младшие братья и сестры, что он держит под кроватью? Как они это восприняли? Со страхом или с восхищением?

Те, кто не находит себе места в обществе, обычно обустроивают себе убежище за его пределами. Вечная истина.

Он огляделся. Вокруг повис запах выхлопных газов и только что срезанной травы. К этому сочетанию он всегда испытывал слабость. Чуть вдалеке он разглядел лесок с рослыми соснами и пышными лиственными деревьями. Это немного напоминает о зелени вокруг квартала Трескет. Он где-то читал об итальянских телевизионщиках, поехавших в самый бедный и преступный шведский район, чтобы сделать скандальный репортаж о нищете – добравшись до места, они подумали, что ошиблись адресом. Он прекрасно понимал почему. Здесь, как уже сказано, не Буллербю, но с домами все в порядке. И с улицами тоже. В том, что общество не выполняет свою функцию, виноваты не здания – и не деревья или земля.

Сзади к нему приблизилась стайка мальчишек школьного возраста, лет одиннадцати-двенадцати. Он не обратил на них внимания. Они остановились у стойки для выбивания ковров, в

толстовках с капюшонами и кедах с болтающимися шнурками. Кричали ему что-то, спрашивали, не «айна» ли он. Он знал, что это слово означает «полиция», но остального не понял. Слова и мелодия их речи были Викингу незнакомы.

– Я не понимаю, что вы говорите, – сказал он.

Один из мальчишек кивнул в сторону фасада, на который смотрел Викинг. Спросил, что он высматривает.

– Ваше предположение совершенно верно, – ответил Викинг. – Я из полиции. Расследую кражу оружия. Вы что-нибудь о ней знаете?

Мальчик грубо сплюнул и произнес что-то издевательское. Остальные рассмеялись. Викинг обернулся к ним.

– Я хочу только рассказать вам, что имею право изымать несовершеннолетних в соответствии с законом о принудительной реабилитации. В Арбоге есть дежурный дом, готовый вас принять.

Дети продолжали смеяться, но уже не так уверенно. Скорее всего, слова не дошли до их сознания, но создали неприятное чувство. Некоторые отступили на шаг.

– Полицейские имеют право носить оружие, – продолжал Викинг. – Это совершенно законно. Они приглядывают за всяким жульем, это их работа. Смотрите, не попадайтесь, а то потом вас не возьмут в Полицейскую академию.

Он пошел обратно в сторону улицы, краем глаза наблюдая за мальчишками, чтобы не получить камень в затылок. Они долго смотрели ему вслед, но напасть не пытались. Что из них вырастет, какие у них шансы в жизни?

Иногда Викинг застревал в размышлениях. Считается, что люди в объятиях цивилизации могут делать свободный выбор, однако на самом деле возможности сурово ограничены предпосылками и ожиданиями. Сам он стал полицейским, как его отец, в том же участке и в конце концов в той же должности. Мальчики возле стойки для ковров тоже могли бы стать полицейскими в Стентрэске, но вероятность крайне мала. Куда более вероятно, что они погибнут в перестрелке между противоборствующими группировками или же умрут от наркотиков, если только не найдут себе нишу банального мещанского существования, с которым готовы мириться.

Викинг двинулся в сторону полицейского участка Ринкебю.

Следователя, который оказался при исполнении в субботу, звали Абдул Мухаммад – он поприветствовал коллегу из Норрботтена сердечно, но на расстоянии.

– Вы не из Стокгольма, – констатировал Викинг, когда они уселись в его кабинете.

– Нет, я из Мальмё, – ответил полицейский с характерным южным акцентом. – Чем могу помочь?

– Меня интересует перестрелка в Тенсте на этой неделе, – сказал Викинг. – Я расследую кражу оружия в Стентрэске. Есть новости?

– Они действовали по заданию руководства «Тенста Х», это все, что нам известно, – ответил Абдул Мухаммад и взял со стола пачку бумаг.

Пару минут он молча читал.

– Да, у него там в сейфе был целый боевой склад, – проговорил он затем. – У меня сразу возникают два вопроса: откуда воры знали, где находится оружие? Что оно именно в этом доме посреди необжитой местности. И что они сделали с сейфом?

У коллеги зазвонил телефон, он сбросил звонок.

– На первый ответить легко, – сказал Викинг. – О том, что Юхан Бьёркман охотник и член местного отряда самообороны, в Стентрэске известно большому количеству людей. О том, что он живет в доме своих родителей в Польберге, тоже многие знают. Кроме того, это можно нагуглить за три секунды, если даже вдруг не в курсе. Думаю, похитители точно не представляли себе, какое оружие у него хранится, но улов был вполне ожидаемый. Стандартный набор боевого оружия для ополченца, обычное охотничье оружие для члена охотничьего клуба. Сейф мы пока не обнаружили. Расспрашивали соседей, проверили все машины, попавшие на камеры за превышение скорости, но пока безрезультатно.

Отложив от себя материалы следствия, коллега посмотрел на часы на своем мобильном телефоне, показывая, что у него нет на все это времени.

– Должно быть, это сделано по заказу, – сказал Викинг. – Или, по крайней мере, существовали уже налаженные связи. Иначе им не удалось бы так быстро перевезти оружие. У меня есть версия, как это могло произойти.

Абдул Мухаммад поднял глаза, за стеклами очков блеснула искорка интереса.

– Стентрэск расположен в паре часов езды от инженерного батальона в Будене, – проговорил Викинг. – Это большое подразделение. В часе езды в другую сторону – егерский полк К4 в Арвидсьяуре плюс F12 в Лулео, воздушная флотилия... Не знаю, сколько народу проходит в наших местах армейскую службу, но, должно быть, не меньше тысячи новобранцев каждый год. Стало быть, большие возможности для контактов.

Следователь отметил что-то в блокноте.

– Думаете, тут есть армейский след?

– В каком-то смысле – да. И традиционно Стентрэск более всего связан с Арвидсьяуром, то есть в первую очередь К4.

Викинг подался вперед, склонившись над рабочим столом.

– Ни один человек, осужденный за преступление, за которое предусмотрено тюремное заключение, не может проходить военную службу, – продолжал он. – Но, может быть, есть другие в их окружении, кого СЭПО^[3] и военная разведка не учитывают: родственники, братья, друзья.

Абдул Мухаммад кивнул.

– Если я представлю вам список всех, кто проходил службу в Арвидсьяуре в прошлом году, вы сможете проверить, нет ли такого рода связей? – спросил Викинг.

– У Обороны получить такие сведения невозможно, – возразил Абдул Мухаммад. – Можно сделать запрос на конкретного человека, можно получить и списки всех, проходящих начальную военную подготовку по всей Швеции, но там не указано, в каких подразделениях они служат...

– Знаю, знаю, – ответил Викинг, – но если мне удастся достать такой список? Всех егерей в К4 за последний год? Вы сможете проверить их окружение?

Коллега криво улыбнулся.

– В любое время дня и ночи, – ответил он.

Викинг поднялся. У следователя снова зазвонил телефон. Викинг встал и вышел из кабинета.

Стоя на площади перед полицейским участком, он отправил сообщение Матсу Викандеру.

Я в городе. Отчасти по работе. Успеем встретиться?

После этого он спустился в метро.

«Hotel International» находился в самом начале Страндвеген, в сотне метров от Королевского Драматического театра. Викинг посмотрел там два спектакля вместе с Хеленой весной 1986 года, когда она ждала Маркуса. «Надо пользоваться случаем, – заявила она. – После его рождения мы еще сто лет не попадем в театр».

И они посмотрели «Макбета» на Большой сцене и «Игру снов» на Малой несколько недель спустя. Первая пьеса, написанная Шекспиром, описывала убийства и борьбу за власть такого уровня, что современные разборки и перестрелки между преступными группировками на этом фоне казались ссорами на школьном дворе. Из второй постановки Ингмара Бергмана по пьесе Стриндберга он ничего не понял. На сцену выходили и снова исчезали мужики в больших париках. Ближе к концу он заснул. Должно быть, отель находился там уже тогда, просто он не обратил на него никакого внимания.

На входной двери красовалась наклейка, возвещавшая, что в этом отеле не принимают наличные. Когда он вошел в холл, за стойкой администратора никого не было. Часы показывали четыре, поток желающих заселиться иссяк. Здесь все действительно было стильно и элегантно, как обещал сайт – по крайней мере, к этому стремились. Он позвонил в старомодный звонок на стойке и стал ждать. Через пару минут из задних комнат появилась очень молодая женщина в строгом костюме. Она окинула взглядом его фигуру, рюкзак на плече и помятую куртку Nelly Hansen. С натянутой улыбкой она произнесла:

– Добро пожаловать. Вы забронировали у нас номер?

Как будто он стоял перед ней во множественном числе. Он протянул полицейское удостоверение.

– Я расследую кражу оружия, имеющую отношение к перестрелке в Тенсте в среду на этой неделе, – сказал он.

Улыбка слетела с лица женщины, он спрятал удостоверение.

– Мне необходимо посмотреть все регистрационные карточки за прошлую неделю.

Администратор сделала шаг назад, оглянулась через плечо.

– Боюсь, что я не...

На несколько секунд она зависла, ища глазами кого-то в помещениях позади себя. Судя по всему, поддержки она оттуда не

получила. Викинг ждал. Она расправила плечи и выпрямила спину.

– Можно увидеть ордер на обыск?

Викинг оглядел ее. Она была красива тем вычурным образом, который сразу выдает одинокую женщину вне зависимости от того, есть у нее партнер или нет. Слишком гладкий лоб, слишком длинные ногти, неестественно пухлые губы и чересчур блестящие волосы. Это те, у кого куча свободного времени, кто следит за десятками инфлюенсеров в соцсетях и слишком много смотрит Netflix.

– В соответствии с Законом о полиции, параграф седьмой, вы обязаны немедленно предоставить регистрационные карточки отеля, – сказал он тихо и веско.

Девушка побледнела.

– Моего начальника нет на месте, – ответила она, и теперь в ее речи отчетливо слышались признаки даль-ского диалекта. – Я не уверена, что могу...

– Вы не имеете права отказать полиции в сотрудничестве, – заявил Викинг, и в последовавшей за этой репликой тишине таилась угроза.

Пока администратор колебалась, он достал фотографию Хелены, которую обычно носил в бумажнике. Снимок остался с тех пор, когда она получала новый паспорт. Теперь же он заранее положил снимок в пакет для улик.

– Это фотография тридцатилетней давности, на ней женщина, которую мы разыскиваем.

Большая компания людей, не соблюдающих социальную дистанцию, вывалилась из ресторана и проследовала далее на улицу за спиной у Викинга. Администратор взяла пакет в руки и принялась разглядывать фото через полиэтилен.

– Что она сделала? – спросила девушка, поднимая на Викинга округлившиеся глаза.

– Ничего, – ответил Викинг. – Вероятно, свидетельница.

– Понятно, – пробормотала девушка, как будто она что-то понимала.

Вернула фото.

– Вы ее видели? В начале недели в отеле не останавливался человек, похожий на нее?

– Я только что вернулась из отпуска, работаю сегодня первый день.

Трижды проклятое дерьмо.

– Стало быть, вы лично ничего не знаете о людях, заполнявших карточки?

– К сожалению. И их заполняют отнюдь не все проживающие, только иностранцы.

Викинг кивнул.

– Бумага для писем, – продолжал он. – С логотипом и конвертом. Она лежит во всех номерах?

Девушка с удивлением посмотрела на него.

– Во всех. А что?

– Ее можно еще где-то раздобыть?

– Нашу почтовую бумагу? Не думаю. Откуда ей еще взяться?

– А в ресторане она есть?

Администратор посмотрела в сторону стеклянных дверей.

– Нет, – ответила она. – Совершенно точно нет.

– А у вас на стойке?

Администратор наклонилась вперед, стала рыться в ящике.

– Кажется, где-то здесь было несколько листов...

– Но в целом ее можно достать в ваших номерах? Она кивнула, задвинула ящик.

– Теперь я могу увидеть регистрационные карточки? Девушка откашлялась.

– Отель был переполнен весь август. У нас сто тридцать номеров.

– Мне придется стоять тут за стойкой или есть офисное помещение, которым я могу воспользоваться?

Опустив голову, она двинулась за кулисы. Викинг последовал за ней.

Таким образом, те десять дней, до которых ограничил поиск Викинг, охватывали 1300 потенциальных ночевков в отеле. Впрочем, отель все же не был забит под завязку во все дни месяца, и некоторые проживающие оставались по несколько дней, а с учетом ковидной ситуации большинство проживающих были шведы, однако ему удалось обнаружить сто тридцать четыре регистрационные карточки, собственноручно заполненные иностранными гражданами.

Они выглядели совсем не так, как те, что использовались в пансионате в Стентрэске – теперь каждому предпринимателю разрешалось разрабатывать их по своему усмотрению. Однако здесь

имелись те сведения, которые ему требовались, – по крайней мере, часть из них. Фамилия и имя, национальность, адрес, дата рождения, электронная почта. Впрочем, многие оказались заполнены небрежно или фрагментарно.

Взять, к примеру, Бенте и Йеспера Йенсенов из Осло, она 1963, он 1985 года рождения. Мать и сын или нетрадиционная супружеская пара? Адрес не указан.

Однако он отметил Бенте в своем блокноте, она подходила по возрасту. Адрес электронной почты в карточке присутствовал.

Томас и Антоние Пеетерс из Гронингена, это ведь в Голландии? Антоние – это мужчина или женщина? Этого он не знал. Однако оба родились в 1970-е. Викинг отложил карточку в сторону.

Он пропустил Джеймса Брауна 1962 года рождения, как и Педро Фернандеса из Ольяна в Португалии, и семью Уилсон с четырьмя детьми из Ноттингема в Великобритании. Пролистнул Винцента Гончаренко из Киева и его жену Ангелину, а также Пекку Аро из Кеми и супругов Халкиас из Афин, родившихся в 1947 году.

В конце концов у него образовался список – вероятно, абсолютно бесполезный – из четырнадцати потенциальных кандидаток.

Анетт Андерссен, Копенгаген, 1962.

Сандра Бойль, Солт-Лейк-Сити, 1964.

Бриджет Седерс, Лондон, 1958.

Инес Эглитис, Рига, 1963.

Мария София Фернандес, Фуэнхирола, 1965.

Эмманюэль Фонтань, Лион, 1962.

Коринне Грубер, Грац, 1961.

Бенте Йенсен, Осло, 1963.

Владлена Иванова, Москва, 1959.

Даниэлла Марак, Прага, 1960.

Анастасия Степанова, Санкт-Петербург, 1962.

Марианн Тейлор, Мельбурн, 1964.

Элизабет Тверски, Тель-Авив, 1962.

Кристина Уильямс, Сидней, 1961.

– Папа?

Удивление в голосе дочери проникало даже через мембрану мобильного телефона.

Автобус громко гудел «Рендж-Роверу», припарковавшемуся прямо на остановке в двух шагах от него. Плотнo прижав аппарат к уху, Викинг заткнул другое указательным пальцем.

– Привет, Элин, как у тебя дела?

Мимо прогрохотал трамвай с визжащими тормозами, такого в центре Стокгольма раньше не было. Зачем их запустили? Вернуть ностальгическое чувство? Но кому?

– Папа, что-то случилось? Что за ужасные звуки? Где ты?

– Перед «Драматеном». Ты как себя чувствуешь? Маркус сказал, что у тебя сегодня выходной.

На светофоре у него за спиной зажегся зеленый свет, дружно взвыли двигатели.

– Мне пришлось выйти не в свое дежурство. Чего ты хотел?

Он отвернулся к стене, чтобы хоть частично защититься от шума, проглотив свое раздражение и пытаясь отрешиться от помех.

– Хотел спросить, успеем ли мы повидаться. Я здесь по работе.

– Иду, – сказала она кому-то, находящемуся с ней в одной комнате.

В трубке стало тихо, только легкий шорох. Она что, отложила телефон?

– Алло!

– Буду дома около полуночи. Можешь переночевать у меня, если хочешь.

Она отключилась.

Матс Викандер жил в пригороде Мэлархёйден, в полумиле к югу от района Сёдер. Викинг решил пойти пешком. Конечно, он мог сесть в метро – вряд ли он рискует заразиться ковидом, поскольку уже, вероятно, переболел им. Когда он заболел, в больнице Стентрэска не оказалось тестов, так что точно он не знал, однако толкаться в подземелье не хотелось. Пока не выяснили, вырабатывается ли на болезнь иммунитет, а болеть по второму кругу ему совершенно не хотелось. Ощущение такое, словно тебя переехал поезд. Так он описывал это тем, кто готов был его выслушивать.

Он подозревал, каким образом заразился. Кража со взломом на Олимпе, в роскошной старой вилле Эверта Ландена. Потерпевшие – семья, только что переехавшая из Лулео – проводили спортивные каникулы в Альпах, а вернувшись домой, обнаружили, что дверь на

веранду взломана. Воры не заинтересовались произведениями современного искусства на стенах, сумочками от «Шанель» в шкафу, сервизом с Нобелевского банкета в горке за стеклом, шерстяными коврами на полу – украли DVD-проигрыватель и баночку с мелочью для оплаты парковки, стоявшую в прихожей. Из-за школьных каникул в участке не хватало народа, так что Викингу и следователю по осмотру места происшествия пришлось выехать на место в роли обычного патруля. Роланд Ларссон обнаружил отпечатки пальцев и следы ног, ему почти не понадобилось искать совпадения в реестре – он знал их наизусть. В ту же ночь они задержали местных специалистов, которые в подобных ситуациях часто оказывались виновными, и посадили их в камеру для отрезвления в ожидании прокурора.

И мама, и сын в потерпевшей семье кашляли и казались вялыми, когда Викинг принимал у них заявление. Через пять дней он и сам заболел.

Прикованный к постели адским кашлем, он размышлял о двух вещах:

Неужели он умрет?

И зачем ездить в Альпы кататься на лыжах, когда у тебя всего в паре часов езды Кобдалис и Дундрет^[4]?

Викинг был бегуном, пробежал три марафона. После болезни он задыхался от малейшего напряжения. Легкие громко протестовали. Однажды Маркусу пришлось приехать и забрать его. Это было в день летнего солнцестояния, во второй половине дня – он попытался выйти на небольшую пробежку и рухнул без сил на склоне, ведущем из квартала Трескет к мосту на Грансель. После этого он в основном ходил. Это тоже работало. Прочищало голову. Единственный побочный эффект, который создавал ему неудобства, – это рыбья косточка в горле, хотя на самом деле это оказалось нечто другое.

Он прошел через парк Кунгстрэдгорден, мимо Королевской оперы. Выгоревшая на солнце афиша, оставшаяся с доковидных времен, возвещала о том, что там давали «Cosi fan tutte» Моцарта. Вопрос в том, каким будет мир, когда опера снова сможет принять публику. Если он сам все еще будет тут.

Темные волны залива Риддарфьярден бились о набережные. Воздух был теплый и влажный, как никогда не бывает в Стентрэске.

Викинг втянул его так глубоко, как только мог, почти до боли в легких. В Норрботтене солнце всегда стояло низко, воздух казался бодрящим. Здесь он более насыщенный, с запахом моря и выхлопных газов. На самом деле Викинг с удовольствием остался бы в Стокгольме. Это Хелена захотела переехать на север. Когда его отец вышел на пенсию, он лишился последнего аргумента, почему он не хочет возвращаться домой.

Если бы они остались здесь, она была бы жива. Эта мысль не отпускала его.

Он прошел по Бастугатан на юг, через парк Ивара Лу и Улле Адольфсона. Остановился, замерев у самого неба, высоко над водой. Вспомнил, что самая известная песня явилась Улле Адольфсону во сне – рассказ об измене, мести и неудаче. Ее он тоже помнил наизусть.

Как счастливо мы жили здесь с тобою
И с кошкой, не заботясь о спасенье.

После Лильехольмена он перестал идти вдоль воды, побрел по улицам и пешеходным дорожкам. Идти оказалось дальше, чем он себе представлял. Или все дело в легких. Или в рыбьей косточке. Дома стали низенькими, дорожки извилистыми. Мэлархёйден – довольно новое название старой застройки: большие хутора, которые в XIX веке превратились в летние дачи для высших городских слоев. Дачники приезжали на пароходе к причалу Фридхемсбрюгган. И причал, и пароход сохранились, да и многие постройки на старых хуторах тоже. Более поздние коттеджи нельзя было назвать ни особо роскошными, ни оригинальными, однако стоили они весьма дорого. Это территория для состоятельных людей, как сказала бы Хелена. Ухоженные газоны, сдержанные цвета, беседки, в которых вкушали экологический лимонад и дорогие вина. Мекка среднего класса. Он с удовольствием поселился бы тут.

Наконец он миновал родник, у которого отдыхал и который воспевал Бельман, прошел метров семьдесят в сторону озера Мэларен и постучал.

Матс и его жена Марина, врач больницы святого Йорана, жили в кирпичном доме постройки пятидесятых с большой террасой,

обращенной к воде.

– Викинг! – произнес Матс, открыв ему дверь. – Выглядишь ужасно.

Они поздоровались без рукопожатия. Матс спросил, не хочет ли друг джина с тоником. Викинг ответил утвердительно. Они поднялись на несколько ступенек вверх, на террасу. Матс смешал напитки, оба уселись в плетеные кресла.

– Ты общался в последнее время с Франком? – спросил Викинг и попробовал коктейль. Как обычно, в нем доминировал тоник. Матс сладкоежка – это у них общее. Оба любили лимонад и сласти.

– Ходил к нему по делу пару недель назад. Он тоже выглядел плоховато.

Их друг студенческих лет, третий в их тройке, за несколько лет до этого оказался в банке в Абрахамсберге в момент ограбления. В свой выходной, в штатском. Ему удалось разоружить одного из грабителей, когда другой нанес ему мощный удар ногой в позвоночник. С тех пор Франк сидел в инвалидном кресле. Задержать грабителей так и не удалось.

– Где у тебя Марина?

– С марта месяца я ее почти не вижу.

Викинг кивнул – примерно то же самое, что и у него с дочерью. Он посмотрел в сторону озера Мэларен – грузовое судно, пыхтя, двигалось из города куда-то на острова.

– К тебе вернулись твои легкие? – спросил Матс.

– До какой-то степени, – ответил Викинг и сделал глубокий вдох, боли не было. Подумал, что надо рассказать о рыбьей косточке.

– А теперь тебя в срочном порядке отправили сюда?

– Скорее я сам себя сюда послал, – ответил Викинг.

Он рассказал о краже оружия у Юхана Бьёркмана из Польберга, о трудном положении следствия, связи с перестрелкой в Тенсте в среду. Констатировал очевидное: те, кто взял сейф в Польберге, были прекрасно осведомлены. Не о том, что находилось в доме, но о потерпевшем. Для того, чтобы вынести сейф, их должно было быть не меньше трех, а то и больше, то есть какая-то форма организованной преступности. Кроме того, оружие тут же увезли на юг страны – вероятно, еще до того, как открыли сейф. Стало быть, работали на заказ. Контакты установлены заранее. Естественно, существовало

несколько возможных сценариев, как могли возникнуть подобные контакты, но, учитывая характер преступления, они, скорее всего, имеют отношение к армии.

Матс был одним из начальников Офиса по сбору особых сведений в самом секретном отделе разведки при штабе обороны. В своей работе он каждодневно имел дело с полицией и армией, как в Швеции, так и за ее пределами.

– Мне нужен список всех, кто проходил срочную службу в егерском полку К4 за последний год.

– Это военная тайна.

– Да-да, я в курсе.

– Только за последний год? Не дольше?

– Такое ощущение, что это свежачок. Да и зачем им ждать? Узнай они об этом раньше, и ограбление произошло бы раньше.

– Я раздобуду тебе этот список. Что именно ты ищешь?

– Мои догадки? Уже сложившиеся контакты между человеком, приближенным к «Тенста Х», недавно отслужившим егерем, и человеком, прекрасно знающим Стентрэск.

Матс кивнул. Он никогда ничего не записывал.

Викинг отпил из своего стакана.

– Проходил мимо оперы, – сказал он. – До пандемии они играли «Cosi fan tutte».

– Мы смотрели, – ответил Матс. – Отличная постановка. Дирижировал Лоуренс Рене с.

Некоторое время они сидели молча. Ветер рвал маркизу у них за спиной. Они нечасто говорили об этом – о событиях той ночи, когда они узнали, что такое «Cosi fan tutte».

Холодный, как в Арктике, вечер пятницы, растянувшийся до утра субботы во время их практики – 28 февраля 1986-го. Ночь, когда убили Улофа Пальме. Они выехали каждый со своим нарядом полиции, Викинг – с полицией Норрмальма, Матс – с полицией Сёдермальма. Оба обратили внимание на людей с рациями, стоявших в разных местах в центре города. Викингу сказали, что это «СЭПО проводит «Cosi fan tutte». Матсу в его наряде сообщили, что «Отдел по борьбе с русской мафией готовит задержание шишки». Викинг стоял и управлял автобусом на заправке у площади Норра Банторгет, когда по рации сообщили о покушении. Последовавшая растерянность.

Окровавленный мужчина, скорая помощь, истерично плачущая женщина. Красно-белые ленты, натянутые вокруг места убийства. Они с Матсом стояли в разных углах ограждения, охраняя место преступления. Кровь на тротуаре замерзла и превратилась в лед.

В ту ночь они разговаривали друг с другом всерьез. Поняли друг о друге все – про все отношения и тайны. Ночь убийства. Ночь «*Così fan tutte*».

Матс смешал ему еще один коктейль. В этом было чуть побольше алкоголя. Викинг повертел куски льда в стакане, сделал глубокий вдох.

– Кроме того, есть еще одно дело.

Друг молча ждал.

Он должен рассказать о диагнозе.

Вместо этого он засунул руку во внутренний карман. Вытащил письмо, извлеченное из почтового ящика Маркуса, взвесил на ладони. Легкое как перышко. Матс надел очки для чтения, протянул руку к конверту. Викинг не знал, куда девать руки, чувствовал себя полным идиотом. Матс внимательно изучил переднюю и обратную сторону конверта, потом почтовую бумагу. Вопросительно взглянул на него поверх очков.

– Розовые пятна – это?..

– Нингидрин.

– Удалось найти совпадения?

Викинг сглотнул.

– Напрямую нет, то есть... Нет. Возможно.

Начальник военной разведки молча прочел письмо. Несколько раз.

– Полагаю, ты знаешь, что такое QATS, – произнес Викинг.

Матс не ответил.

– Маркус уже согласился, – продолжал Викинг. – Подписал бумаги. Это повышение.

Сложив лист бумаги, Матс убрал его в конверт. Протянул Викингу. Снял очки.

– Мне кажется, тебе не стоит из-за этого переживать, – сказал он, убирая очки в нагрудный карман.

На этот раз настал черед Викинга промолчать.

– Испытания QATS известны очень узкому кругу людей. Осмелюсь сказать, что большинство находится там, на этой базе, –

сказал Матс. – Это, должно быть, кто-то из них. Кто-то, кто сам метит на это место.

– Я размышлял над этим, – ответил Викинг. – И наводил справки. Эта версия не проходит.

– Звездочка ничего не значит, – продолжал Матс. – Это просто звездочка. Как крестик или смайлик. Народ подписывается таким образом.

Викинг кивнул.

– Есть целый ряд перекрестных связей между тем, как Хелена подписывала свои сообщения, и персоналом на Ракетной базе, дело не в том. На сегодняшний день я не вижу какую-либо личность, знавшую и о звездочке, и о QATS, но существование такого человека нельзя назвать невозможным. Загадкой для меня остается комбинация этих двух факторов. Зачем так все запутывать? Зачем делать вид, что мама Маркуса посылает анонимное письмо, которое вовсе не анонимное, через тридцать лет после своей смерти? Это полный абсурд.

– Так твой логический вывод – что мама Маркуса послала это письмо с небес?

Матс произнес это без насмешки, деловито.

– Бумага, – сказал Викинг. – Логотип «Hotel International». Отпечатки пальцев. Письмо не анонимное. Она хочет, чтобы я догадался.

Матс откинулся в плетеном кресле, допил свой джин с тоником.

– Полагаю, ты уже побывал там. В отеле.

– Там не принимают наличные. В Швеции действительно можно десятилетиями оставаться невидимкой, но при этом невозможно одновременно иметь банковскую карту. Стало быть, у нее иностранный паспорт.

Он протянул Матсу блокнот с именами четырнадцати иностранок подходящего возраста. Друг быстро пробежал глазами список и вернул блокнот.

– Есть много способов жить, оставаясь невидимкой, – негромко произнес Матс Викандер. – Но это трудно осуществить, если ты умер.

Викинг сглотнул. Никто среди знакомых, кроме него, Франка и Марины не знал, чем на самом деле занимается Матс. Он посмотрел вверх ухоженных коттеджей, поднимавшихся по склону. Низкое солнце отражалось в окнах. Все соседи считали, что Матс работает

актуарием в страховой фирме. Его дети тоже. Родители, пока были живы. Его сестра и племянники.

«Актуарий? Я даже не знаю, что это означает», – заявил Викинг, впервые услышав о прикрытии.

На лице Матса отразилась тень улыбки.

«Вот видишь! Идеально».

Актуарий – это специалист в области страховой математической статистики, рассчитывающий страховые продукты с точки зрения рисков. Строго говоря, именно этим он и занимался, только исходил из безопасности государства, а не из страховок домашнего имущества.

«Если тебе приходится врать, старайся держаться как можно ближе к правде», – сказал тогда Матс.

– Возможно, она и жила невидимкой, – произнес теперь Викинг. – Помнишь эту историю с Транспортным управлением несколько лет назад? Они слили реестр водительских прав на какой-то сервер то ли в Сербии, то ли в Чехии и раскрыли секретные данные агентов как в Швеции, так и за границей.

– Викинг, послушай.

– И у вас, и у СЭПО есть готовые подложные документы, которые лежат на случай необходимости, не так ли? Новые фамилии и личные номера, банковские счета – бери и пользуйся, верно?

Матс бросил на него растерянный и встревоженный взгляд.

– Ты опять ездил на болото? Скажи, ездил?

Викинг сглотнул, опустил глаза на свой блокнот.

– Имена мне ничего не говорят, – продолжал он. – Если бы я увидел фотографии. Может, кто-то из них похож.

– Ты должен выбросить это из головы, Викинг.

– Велик риск, что она каким-то образом изменила внешность, сделала пластическую операцию.

– Это полнейшее безумие, – заявил Матс.

– Так кто же тогда написал письмо?

– Ты совсем сошел с рельсов?

Зима 1985 года

Тридцатью пятью годами раньше

– Парень, ты сошел с рельсов?

Викинг обернулся и увидел двух молодых мужчин своего возраста – один лучезарно улыбался, второй с сомнением поглядывал на него. Он стоял, держа за руль велосипед мамы Карин, и смотрел на карту возле въездных ворот старинной казарменной части в Сёренторпе – не то чтобы совсем заблудившись, но в легкой растерянности. От остановки, выпустив облачко дизельных газов, отъехал красный автобус – должно быть, на нем и приехали эти двое. Он кивнул на карту.

– Актовый зал, – сказал он. – Тут не помечено. Может, он еще как-то называется?

Оба встали рядом с ним, улыбчивый – широко расставив ноги. Он был с бритой головой и явно одевался исключительно в магазине по продаже армейских излишков. Серьезный чуть позади. Короткая аккуратная стрижка, джинсы со складками. Такого Викинг никогда раньше не видел. На обоих были черные куртки.

– Это тест на IQ, – сказал улыбчивый. – Тех, кто не найдет дорогу, отчислят еще до начала занятий.

Тут он громко расхохотался. Викинг почувствовал, как немного расслабился, руки уже не так сжимали руль.

Серьезный указал пальцем.

– Номер шестнадцать. Самое большое здание после спортивного зала.

Он пошел вперед, не дожидаясь остальных. Викинг двинулся следом.

Первый день семестра в Полицейской академии, набор 1985 года. В воздухе повисло предвкушение весны, хотя была всего лишь вторая неделя января. Ему трудно было описать, из чего складывалось это предвкушение: возможно, из запаха талого снега, шуршания велосипедной покрышки по прихваченным ледком лужам, шепота ветра в голых ветвях деревьев – все это появлялось в Стентрэске не раньше середины апреля.

– У тебя на велике покрышки шипованные? – спросил улыбчивый.

Получив в ноябре сообщение о зачислении, Викинг полетел в Стокгольм, чтобы подыскать квартиру и сориентироваться на местности. По правде говоря, это была его первая поездка в Стокгольм. Нашел парочку объявлений о сдаче квартиры, из которых выбрал самую большую. Находилась она в пригороде под названием Тенста. Хозяйка, пожилая дама, сдавала часть четырехкомнатной квартиры. У него были отдельная ванная и холодильник в комнате, а вот коридор и кухня – общие с хозяйкой. Знай он город немного получше, наверняка выбрал бы квартирку в Росунде или ту, что у площади Уденплан. Но он ничего не знал и оказался в самой гуще миллионной программы.

При первом посещении Стокгольма его более всего удивили улицы без снега и велосипедные дорожки, пересекавшие парк Ярвафельт в разных направлениях. В Норрботтене даже не пытались посыпать дороги солью, но здесь это, похоже, работало. Рассчитав, что будет гораздо быстрее добираться от Тенсты до Сёренторпа на велосипеде, чем пользоваться общественным транспортом, он выпросил у мамы ее велосипед.

– У меня и зимние цепи тоже есть, если понадобится, – ответил он, и улыбчивый снова расхохотался. Его имя было Франк Нильссон. Серьезного звали Матс Викандер.

Они попали в одну и ту же группу, Б6.

После вступительного слова в актовом зале, действительно располагавшемся в шестнадцатом корпусе, студенты разошлись по классам и получили списки обязательной литературы. Викинг разглядывал других, особенно девушек, стараясь делать это незаметно. Франк таким талантом не обладал.

– Посмотри на эту, – сказал он так громко, что девушка, вероятно, услышала. – Как там ее зовут?

– Анна Монссон, – тихо подсказал Матс.

– Сразу видно – отличница и задавака.

Анна Монссон бросила взгляд в их сторону и закатила глаза. Франк широко ей улыбнулся.

Группа оказалась совсем не такой однородной, как представлялось Викингу. Он опасался, что будет сильно выделяться своим норрландским выговором и университетским образованием, а все

остальные будут бритые двадцатилетние парни из стокгольмского региона. Но оказалось совсем не так. Матсу было двадцать шесть, он был родом из Линчёпинга, в звании лейтенанта армии. В Полицейскую академию он поступил, чтобы получить учебный отпуск и жить со своей девушкой, которая училась на врача в Каролинском институте. Франк родился в столице и официально проживал у своей бабушки на Кунгсхольмене.

– Если я буду прописан у нее достаточно долго, то смогу впоследствии переписать на себя контракт на аренду, – заявил он, и это прозвучало так, словно он выиграл в лотерею. Это произошло еще до того, как Викинг понял, насколько запутанно и несправедливо обстоит дело на рынке жилья в Стокгольме.

Франк был по образованию журналист, с неискоренимым желанием преобразовывать мир. Отработав три года в вечерней газете, он решил сменить путь и сделать «нечто стоящее», как он сам выражался. Еще несколько студентов в группе имели похожее прошлое. Анна Монссон, например, была дипломированным социологом, ее подруга Линда – учительницей. Таким образом, то, что Викинг – инженер, закончивший Высшую техническую школу в Лулео, воспринималось скорее как норма, чем как исключение.

– А что плохого в том, чтобы быть инженером-механиком? – спросил однажды вечером Франк после долгих рассуждений об увлекательных методах работы вечерней прессы.

Они сидели и пили пиво в огромной старинной квартире его бабушки – он, Франк и Матс. У бабушки очень кстати имелся еще и домик в Марбелье, где она проводила холодную часть года.

Таких квартир, как эта, Викинг никогда раньше не видел. На потолке красовалась лепнина в виде виноградных лоз и гирлянд из цветов, в каждой комнате блестели огромные изразцовые печи. Стены были обшиты высокими деревянными панелями, а выше висели картины в толстых рамах. Окна с мелкой расстекловкой тянулись к потолку. Все это называлось «модерн».

Викинг сидел, ковыряя оторвавшийся уголок этикетки на банке с пивом.

– Я поступал туда больше потому, что так хотел мой друг Кристер, – сказал он. – Хотя после первого семестра он ушел и переехал со своей девушкой в Тебю. А я – да, я так и остался там.

– Но почему ты пошел учиться на полицейского? – допытывался Франк.

– Папаша был полицейский. А его папаша был прокурор.

– Вау, – усмехнулся Франк. – Ты и вправду прокладываешь новые пути.

Матс с Мариной жили в тесной студенческой квартирке в Сольне. Тройка редко собиралась там – Марина постоянно занималась и нуждалась в тишине. Это была серьезная женщина с темными волосами и острым взглядом. Викинга не покидало чувство, что от нее ничего не скроешь.

Ему она нравилась. Марина с Матсом дружили с первого курса гимназии^[5].

– Мы заведем детей, когда она закончит интернатуру, – заявил Матс.

– Вы и трахаетесь по календарю? – спросил Франк.

По лицу Матса пробежала тень улыбки. Смеяться он не умел вовсе.

– Мне всяко перепадает чаще, чем тебе, – ответил он.

– Вопрос времени, – ответил Франк. – Я, считай, уже почти поладил с Анной Монссон.

Викинг сделал вид, что у него случился приступ кашля.

Каждый день во второй половине дня все трое ходили вместе тренироваться. Силовые упражнения, волейбол, а потом бег. Матс был бегуном на длинные дистанции, Франк спринтером. Викинг привык носиться за мячом или шайбой, но теперь научился просто бегать. Кроме того, каждый день он ездил на велосипеде из Тенсты до академии и обратно, что развивало выносливость. По вечерам он часто садился на голубую ветку метро и отправлялся к Франку на улицу Шелегатан.

Однажды, возвращаясь домой после серьезной тренировки в бассейне академии, он столкнулся в центре Тенсты с компанией подростков. Их было семеро, родители их явно были выходцами с Ближнего Востока и Северной Африки. Парни встали вокруг него, их главный подошел совсем близко.

– Послушай, парень, – негромко и с нажимом проговорил главный, – сколько времени?

Викинг посмотрел на часы.

– На моих без пяти одиннадцать, но на самом деле без десяти, – ответил он и повернул запястье к собеседнику, показывая циферблат. – Я поставил их на пять минут вперед, чтобы иметь запас времени. Если вы хотите уехать в город на поезде в 22.57, то как раз успеете.

Все пятеро уставились на него с выражением недоумения на лицах.

– К тому же поезд иногда запаздывает, – продолжал Викинг. – Железные дороги не привыкли, что выпадает снег. Странное дело, ведь здесь, на юге, тоже каждый год наступает зима.

Парни переглянулись. Викинг кивнул на киоск за спиной у лидера.

– Хотел купить себе шоколадку, – сказал он, – а киоск вот-вот закроется. Так что извините...

Лидер обернулся и с удивлением посмотрел на павильон «Пресс-бюро», словно никогда его раньше не замечал. Потом снова взглянул на Викинга и сделал шаг в сторону. Остальные, поколебавшись немного, тоже пропустили его.

– Хорошего вечера, – сказал Викинг, купил свою шоколадку и пошел в свою съемную комнатку.

Только много времени спустя до него дошло, что парни, вероятно, собирались его ограбить.

Франк, который заставил его постричься – «не можешь же ты, черт подери, ходить с хоккейным причесом», – снабдил его черным бомбером и мартенсами. К этому моменту шайка подростков у метро привыкла к нему и с некоторыми сомнениями отвечала на его приветствие, хотя он выглядел как скинхед.

За семь недель он прочел всю обязательную литературу и попросил дать ему список на следующий курс. Администратор с удивлением уставился на него.

– Это и был весь список обязательной литературы. А ты что думал?

Иными словами, учеба, мягко говоря, не требовала чрезмерного интеллектуального напряжения. Этические дискуссии по поводу профессии полицейского, которым другие предавались со всей душой, Викинг слышал еще с детства, для него они не несли в себе ничего нового. Монополия на насилие, уголовное право, разрешение конфликтов, криминальная экспертиза, общение с потерпевшими,

судебный процесс, обращение с оружием – о таком папаша, Ларс-Ивар и другие мужики обычно болтали в пятницу вечером, сидя за столом, хотя с меньшей серьезностью и увлеченностью, чем студенты в Сёренторпе. Пропустив пару-тройку кружек пива, папины коллеги из участка Стентрэска заводили леденящие душу истории про автокатастрофы, кровавые самоубийства и оружие, дававшее осечку в самый ответственный момент. Про преступников, которым удалось избежать наказания, и преступников, которых посадили невесть за что. Про отпечатки подошв в мокром цементе и отпечатки пальцев на внутренней стороне книжного переплета. Про истеричных баб, которые получили по заслугам, и перепуганных детей, которых находили под кроватью на месте убийства. Про ленивых прокуроров, безнадежно тупых начальников, коррумпированных судей и красивых секретарш.

Со временем Викинг начал узнавать эти истории – с годами они не становились хуже. Здесь они возвращались, прикрывшись академическими одеждами.

В целом ему было хорошо в Тенсте и в академии. К тому же там было несколько девушек, в которых сочетались ум и красота: подтянутые, с конскими хвостиками, водолазными часами на запястье и бутылкой воды. Франк сразу прилип к Анне Монссон, а вот Викинг никого особенно не выделял.

До того самого вечера в ресторане «Гамла Мессен» в конце марта. В Сёренторпе было много групп, вплоть до Б11, но эта девушка была не из студенток. Она работала в фирме по кейтерингу, стояла в баре, разливая пиво. В ней была какая-то сдержанность, она словно парила над оживленным гулом голосов в зале.

– Как тебя зовут? – спросил Викинг.

– Смотреть можно, но руками не трогать, – ответила она и демонстративно отвернулась.

16 Августа 2020 года, воскресенье

Во дворе дома, где жила Элин, он нашел скамейку рядом с песочницей. Розы на клумбе рядом распространяли тяжелый ночной запах. Сидя с закрытыми глазами, Викинг ощущал лицом влажную прохладу. Сладкие коктейли Матса оставили след в виде легкой головной боли и повышенного пульса. Руки и ноги затекли. Он точно не знал, связано ли это с напитками, но заметил, что двигаться ему все труднее.

«Живи вовсю, умри молодым и лежи в гробу красивым», – сказал прошлой осенью Кристер незадолго до того, как умереть от рака. Правда заключалась в том, что они уже не молоды и не особо красивы, и притом довольно давно.

Отец Викинга, Густав, ушел на пенсию в возрасте шестидесяти двух лет. Если он намерен подражать отцу, то ему предстоит закончить работу через четыре года. Трудно сказать, какие чувства вызывала у него эта мысль – предвкушение или отвращение.

– Ты что, заснул сидя?

Перед ним стояла Элин со связкой ключей в руке и маской на лице. Викинг улыбнулся и поднялся. Дочь инстинктивно попятилась. Да-да, социальная дистанция. Нормы нового времени.

– Ты был у Матса, и вы напились, – констатировала она и направилась к своему подъезду.

Временами ему становилось жутковато от того, до чего же она напоминает мать. И не тем, как держит голову, и не легкими светлыми волосами, хотя и это тоже очень похоже. Было что-то такое в ее тоне, в ее взгляде на мир. Это чуть заметный мрачный холодок, в котором он иногда винил Кальмюрен – если быть до конца честным, в Хелене это тоже было.

Они поднялись на лифте на третий этаж.

Только войдя в прихожую собственной квартиры, Элин сняла маску и бросила в мусорную корзину.

Квартира у дочери была очень хорошая: просторная, двухкомнатная, с балконом и видом на небольшой парк. С покупкой жилья внукам помогла бабушка Карин – и Элин с ее квартирой

неподалеку от Южного вокзала, и Маркусу с его виллой модели «Эльвбю» на Турнвеген. У самого у него в банке особых сбережений не водилось. Зарплата приходила на счет, все неизрасходованное оставалось там. Перед отпуском он обычно брал то, что накопилось, и тратил на поездку в какую-нибудь теплую страну вместе с детьми. Иногда к ним присоединялась Карин.

– Хочешь чаю?

– Чаю хорошо бы.

Не зажигая света, он тяжело уселся на синий замшевый диван, слушая, как она возится с чайником. Чайник шумел и бурлил. Балконная дверь была приоткрыта – должно быть, дочь оставила ее так, уходя на работу. С улицы доносились выкрики и смех – как всегда в большом городе в субботу вечером. Викинг решил ничего не говорить о том, что в окно могут залезть воры. Как-никак Элин живет на третьем этаже.

– Мне звонил Маркус, – сказала она, ставя на журнальный столик две большие кружки. – Что за странное письмо он получил?

Покачнувшись, она опустилась на диван рядом с ним. Несмотря на плохое освещение, он заметил, какое у нее изможденное лицо. Она исхудала, под глазами пролегли морщины. Вокруг губ и на щеках экзема, не желающая проходить.

– Как ты? – спросил он.

В ответ она поморщилась, взяла кружку обеими руками и подула на горячий напиток.

– С утра до вечера наблюдаю, как одинокие люди умирают от удушья, – ответила она. – А так все нормально. Сам-то ты как? Что показала биопсия?

Она осторожно отхлебнула чая.

– Ты должна беречь себя, – сказал он. – Не буду рассказывать тебе о выгорании, об этом ты знаешь лучше меня. Но я волнуюсь за тебя.

– Так что с письмом?

Вздохнув, он извлек из внутреннего кармана конверт. Она взяла его, зажгла торшер рядом с книжным шкафом, достала и развернула письмо.

– Я проверил отпечатки пальцев, – сказал он. – Это ничего не дало.

Дочь молча прочла коротенькую записку.

- Что это такое? – спросила она, указывая на звездочку.
- А ты как думаешь? – спросил Викинг. – На что похоже?
- Почему ты так странно повел себя, когда прочел его?
- Странно?
- Маркус так сказал.

Он взял у нее из рук письмо, спрятал обратно в конверт.

– Очень неприятный тон. Не прямая угроза, но тон угрожающий.

– Почему там сказано, что Маркус должен показать его тебе?

– Может быть, потому что я полицейский? И могу оценить степень опасности?

– Ты же сам только что сказал, что там нет угрозы.

Он не ответил.

– Это не она, – проговорила Элин. – Мертвые не разговаривают.

Поверь мне.

Викинг засунул конверт во внутренний карман куртки. Из открытой двери машины внизу на улице вырывалась музыка, отдавалась от фасада дома и проникала в квартиру на третьем этаже. Между домами зазвучала сирена, эхо пролетело между домов и удалилось в сторону района Хунштуль. Викинг отпил чая. Элин налила ему молока – помнила, что он любит чай с молоком.

– Завтра у тебя выходной? – спросил он.

– Работаю в вечер, – ответила она и поднялась, пошла в спальню.

Он слышал, как она открывает дверцы шкафа, потом дверь ванной, в раковине зашумела вода. Через пару минут, умывшись и затянув волосы в хвостик на затылке, дочь вернулась в гостиную, держа в руках охапку постельных принадлежностей.

– Спасибо, – сказал он и отставил кружку. Взял у нее из рук одеяло, подушки, простыни. Она снова уселась в уголок дивана, подтянув под себя босые ноги, стала пить свой чай, поглядывая на него поверх кружки. Громко сглотнула.

– Ты никогда не думал о том, чтобы завести себе кого-нибудь? В смысле – новую женщину?

Женщины у него были, но домой к детям он никого не водил. Он подумал о том, чтобы снова взяться за кружку, но в руках было слишком много подушек.

– Поначалу вы были маленькие, а потом – сама знаешь, в Стентрэске выбор невелик.

– Да ну, – сказала Элин. – Ты мог заставить любую переселиться на север. Маму, например. Дочь дипломата.

Он закрыл глаза.

– Это верно. Хотя она была единственная в своем роде.

ВЕСНА 1985 ГОДА

«Руками не трогать».

Какой странный ответ на вопрос, как тебя зовут. Викинг ощутил приступ раздражения. Пожалуй, не такая уж она и красивая.

Он отпил тоника со льдом и лимоном, который она поставила перед ним. Обернулся, опершись спиной о стойку бара, и стал оглядывать помещение. Франк стоял, склонившись над Анной Монссон, которая показывала ему что-то в своих водолазных часах. Матса не было. Они с Мариной уехали домой в Линчёпинг по какому-то семейному поводу, он точно не помнил по какому. Народ болтал и смеялся, гул голосов смешивался с музыкой. Несколько самых смелых девушек танцевали у динамиков. Он сделал еще один большой глоток.

– Ты поедешь на Пасху домой?

Линда Дегерман, подруга Анны Монссон, стояла рядом, улыбаясь ему. Он заставил себя ответить на ее улыбку.

– Что? Нет, в Стентрэск не поеду, останусь здесь. А ты?

Ее улыбка стала шире.

– Я тоже остаюсь. Может, придумаем чего-нибудь вместе? Отпразднуем?

– Ты имеешь в виду – смерть и воскрешение Иисуса? Улыбка дрогнула – черт, не хочется быть невежливым.

– Это или что-то другое, – ответила она.

Ему вспомнились слова мамы Карин, когда он оказался в полном одиночестве на учебе в Лулео, куда на самом деле не хотел – только потому, что друг затащил его туда, а сам ушел. «Может быть, хватит уже плыть по течению?» Он понимал: Карин права. У него есть тенденция выбирать самый легкий путь. Зачем все усложнять и отказываться, если на то нет весомого повода? Как сейчас – поддаться на уговоры и пообщаться с будущей коллегой, которая ему на самом

деле не особо нравится? А какие варианты – сидеть одному на праздниках в съемной квартире?

– Может, позвонишь мне как-нибудь? – услышал он свой голос, и не понял, доволен ли он таким своим ответом.

Линда Дегерман посмотрела на него сияющими глазами и ушла обратно к Анне Монссон. Допив свой напиток, он повернулся к бару.

– Послушай, «Руками не трогать», – сказал он, показывая свой стакан. – Можно повторить?

Они с Франком, Анной, Линдой и еще несколькими приятелями остались до закрытия. День выдался солнечный и мягкий, но вечер оказался морозным. Ясное звездное небо. Светила полная луна, белая и холодная. Весь вечер он поступал так, как обычно делал Матс – пил только тоник со льдом и лимоном, чтобы поехать домой на велосипеде. Правда, управлять двухколесным железным конем в подпитии не запрещено, пока соблюдаешь все правила и не падаешь, но стоит тебе пропустить знак «стоп» – и тебя могут замести. В Законе о транспорте, глава третья, параграф один, записано, что «не разрешается управлять транспортным средством (что включает в себя и велосипед), если по причине болезни, усталости, влияния алкоголя или других стимулирующих или седативных веществ или же других причин водитель не в состоянии обеспечивать безопасность».

Участник движения, в значительной степени пренебрегавший внимательным и осторожным поведением, необходимым для того, чтобы избежать аварий, мог быть осужден за небрежность на транспорте с лишением прав и штрафом. Необязательно, чтобы произошла авария, достаточно было поехать против хода по улице с односторонним движением. Для студента Полицейской академии это могло означать крах еще не начавшейся карьеры. А вот тем, кто приехал на автобусе, думать обо всем этом не приходилось. Таким образом, компания, вывалившаяся во двор ресторана «Мессен» около полуночи, вела себя весело и шумно. Однако из-за холода они не стали задерживаться во дворе. В три минуты первого от остановки «Сёренторп» отходил автобус, идущий до метро «Чиста», – все заторопились, чтобы успеть на него. Викинг стоял, глядя вслед Линде, которая обернулась, чтобы помахать ему.

С ней все вроде было в порядке. Она немного напоминала Биргитту, с которой он встречался во время учебы в гимназии дома, в

Стентрэске. Не настолько умная, но грудь больше. Вопрос в том, компенсирует ли одно другое.

Он пошел к своему велосипеду. Из дверей ресторана вышли двое парней-официантов, запрыгнули в старый «амазон» и укатили. Светловолосая барменша, недотрога, вышла последней, неся большую сумку. Она погасила наружное освещение, заперла двери, включила сигнализацию – видимо, она у них старшая. Викинг отстегнул велосипед. Посмотрел вслед недотроге, когда она побрела в сторону автобусной остановки. У нее были стройные ноги и легкие летящие волосы – несмотря на холод, она была без шапки. Куртка, казалось, ей великовата, словно с чужого плеча. Переброшенная через плечо сумка билась о бедро при каждом шаге.

«Заносчивая девица», – решил он и покатыл в сторону дома при свете луны. Барменшу он догнал перед выездом на Соллентунавеген. Она шла, куря на ходу, и не подняла глаз, когда он проехал мимо. Зная, что это неправильно, он все же не остановился у знака «стоп» и поехал дальше. В островке света у автобусной остановки он заметил мужчину в черной куртке с накинутым капюшоном – тот ждал, повернувшись спиной к улице, кажется, держа что-то в руке. Вероятно, он тоже стоял и курил.

Викинг успел проехать метров пятьдесят, когда услышал надрывный и испуганный женский крик. Он резко затормозил, колеса занесло на обледеневшем асфальте, не посыпанном солью. Викинг упал, велосипед оказался под ним. Выпутавшись из рамы, он обернулся. Недотрога добралась до остановки. Мужчина в черной куртке рвал у нее из рук сумку. Крики женщины потонули в звуке проезжавшей по трассе фуры. Бросив велосипед, Викинг кинулся обратно к остановке. Мужчина в черной куртке вскинул руку – в ней оказался какой-то тяжелый предмет, которым он со всей силы ударил женщину по голове. Тонкие ноги подогнулись, женщина выпустила сумку и опустилась на землю. Мужчина в куртке, видимо, услышал быстрые шаги Викинга – бросив на него быстрый взгляд, он кинулся в противоположную сторону, к трассе.

– Стоять, полиция! – проревел Викинг, что, естественно, не дало ни малейшего результата. Мужчина скрылся под виадуком. Викинг бросил взгляд на женщину, лежавшую без сознания, однако продолжил преследовать грабителя – гнаться ли за преступником или помочь

пострадавшей? Почти добежав до трассы, он заметил, как в другом конце тоннеля зажглись красные задние огни, и услышал звук заводимого мотора. Увидел, как машина понеслась прочь.

Он остановился, задыхаясь, поколебался секунду и кинулся обратно к остановке. Женщина как раз пыталась сесть.

– Как ты? – спросил он, опускаясь на землю рядом с ней.

Она посмотрела на него округлившимися глазами и открыла рот, словно собираясь закричать. Попыталась встать с холодной земли, но поскользнулась и ударилась копчиком, от чего слезы хлынули градом.

– Касса, – всхлипнула она, – он забрал всю выручку. О боже!

На лбу у нее росла большая шишка.

– Тебе надо в больницу, – сказал он. – У тебя сотрясение мозга.

Она снова попыталась подняться, Викинг помог ей. Огляделся в темноте по сторонам, взглянул на часы. Двадцать минут первого – вернее, пятнадцать. До следующего автобуса восемнадцать минут. Женщина высвободилась, оперлась о павильон остановки. Плач стих, она вытерла рукавом слезы и сопли.

– Боже мой, – повторила она, – начальник меня убьет.

Она снова расплакалась навзрыд.

– Ты должна заявить в полицию, – сказал он и положил руку на ее рукав. – Я все видел. Я свидетель.

Она подняла на него красные заплаканные глаза, принялась разглядывать его, словно только что заметила.

– Я полицейский, – сказал он. – Вернее, учусь на полицейского. Могу помочь тебе сделать заявление. Но сперва нужно поехать в больницу и проверить голову, я видел, как ты отключилась. Тебя тошнит, голова кружится?

– Тоник со льдом и лимоном, – сказала она.

– Руками не трогать, – ответил он. – Тебе холодно?

Она закрыла глаза, покачала головой.

– По крайней мере, надень капюшон, – скомандовал Викинг и помог ей это сделать.

– Самая главная одежда зимой – это шапка, – продолжал он. – Через голову уходит больше тепла, чем через другие части тела, потому что лоб и затылок не могут сжиматься, как руки, ноги и корпус.

Она подняла голову и с изумлением уставилась на него.

– Что?..

– Я служил в егерском полку в Кируне. Во время учений возле Риксгрэнсен в феврале месяце я потерял и шапку, и шарф – при температуре минус тридцать два и снежной буре. Большой прокол с моей стороны, но их попросту унесло ветром. Я всерьез опасался, что замерзну насмерть. По-настоящему. Мой лучший друг Кристер отдал мне свой шарф, и я обмотал его вокруг башки, иначе бы точно окошел...

Она посмотрела на него так, словно не поняла ни слова из того, что он только что сказал. Викинг снова взглянул на часы.

– Ты его раньше видела?

– Кого?

– Грабителя.

Она сделала шаг назад.

– Никогда, – ответила она. – А почему ты спрашиваешь?

– Куда ты должна была сдать выручку?

Она взглянула в сторону Чисты.

– В бокс самообслуживания перед зданием «Хандельсбанкен». Я всегда ее туда сдаю.

Викинг посмотрел в сторону тоннеля. Оттуда появился 178-й автобус, сильно раньше расписания.

– Мой бумажник остался в сумке, – сказала она. – У меня нет проездного.

Викинг достал полоску с купонами. Когда автобус остановился и они вошли в салон, он попросил водителя погасить купоны за двоих.

Ему пришлось сидеть в холле, пока женщину осматривал дежурный интерн в круглосуточной травме в центре Ринкебю. Она сдала анализ крови, но на рентген ее отправлять не стали. Врач счел, что у нее легкое сотрясение мозга с возможными последствиями в виде отеков и болей.

– Не пей спиртного и не занимайся спортом, пока не почувствуешь себя полностью здоровой, – сказал врач, протягивая ей медицинское заключение и два снимка, сделанных «полароидом». Викинг увидел их мельком, прежде чем женщина засунула их в карман куртки: два изображения ее травмированного лица – одно анфас, другое в профиль.

Полицейский участок находился всего в сотне метров. К счастью, никаких компаний подростков они по пути не встретили. Волосы у

Викинга отросли, так что он уже не походил на скинхеда, однако понимал, что к следующей зиме придется купить новую куртку – в бомбере разгуливать по пригородам небезопасно.

В приемной участка Ринкебю горел яркий свет, и никого не было.

– Мы хотим заявить о нападении с целью ограбления, – сказал он мужчине за стойкой. Женщина стояла рядом с ним, глядя в пол. Шишка у нее на лбу стала ярко-красной.

Им предложили пройти в кабинет за стойкой.

– Ты можешь меня не ждать, – сказала она, покосившись на Викинга. – Дальше я сама.

– Я свидетель, – возразил Викинг. – Я должен сообщить о том, что видел, – сейчас или потом. Лучше уж сделать все сразу.

Откуда-то появился пожилой мужчина в форменной рубашке и замызганных штанах. Не поздоровавшись, он спросил тоном полного безразличия:

– Так, что у нас тут?

Он опустился на стул, вставил в пишущую машинку лист бумаги.

– Меня... ограбили, – ответила женщина.

– Зовут?

– Хелена, – сказала женщина. – Хелена Кристина Исакссон, 621130-1261.

– Адрес?

– Нэкрусвеген 33.

– В Сольне?

Она кивнула и уставилась на свои руки. Полицейский не спеша стучал на пишущей машинке. Викинг боролся с чувством легкого головокружения, которое, однако, не имело никакого отношения к алкоголю. Полицейский участок казался знакомым и вместе с тем совсем другим. Планировка и функционал такие же, как в Стентрэске, однако другие звуки, более отчетливые запахи. Полицейский по другую сторону стола был предпенсионного возраста, тяжело дышал. Он сильно напоминал Ларса-Ивара. За дверью появлялись и уходили патрульные – полицейские в тяжелых ботинках с мощными дубинками. Они проходили мимо стойки администратора вразвалочку, типичной для полицейских походкой, характерным образом ставя ноги, покачивая бедрами и плечами. Перебросившись несколькими словами с дежурным у стойки, уходили за двери.

Полицейский, сидевший перед ними, вздохнул.

– Так что же произошло?

Женщина по имени Хелена Исакссон громко сглотнула.

– Я шла домой с дневной выручкой, – сказала она. – Какой-то мужчина вырвал у меня сумку и...

– Стало быть, вырвали сумку, – сказал полицейский и принялся стучать на своей машинке.

– Вам следовало бы выслушать потерпевшую до конца, прежде чем определять характер преступления, – сказал Викинг.

Полицейский перестал стучать и уставился на Викинга поверх очков.

– Что, простите? – сурово произнес он.

– Я только хотел сказать, что вам следовало бы узнать, что именно произошло, прежде чем писать, иначе придется все переделывать.

– Однако, – произнес полицейский и продолжил стучать.

Викинг сделал вдох и выдох.

– Учитывая травмы, полученные потерпевшей, я описал бы произошедшее как ограбление и нанесение тяжких телесных повреждений, – продолжал он. – Восьмая статья Уголовного кодекса, параграф пятый.

Как раз на прошлой неделе им прочли длинную скучную лекцию по поводу этой части Уголовного кодекса.

Полицейский поднял брови.

– А ты кто такой?

– Учусь в Сёренторпе, – ответил Викинг. – А мой папа – шеф полиции в Стентрэске.

Полицейский громко вздохнул, сделал многозначительный жест, опустив плечи и полуприкрыв глаза.

– Послушай, парень, – произнес он, – твой папаша может быть шефом полиции в дырявом Треске, сколько ему вздумается, но если ты не заткнешься, пока я составляю заявление, то мигом вылетишь отсюда.

– Если вы не составите заявление, как положено, я подам на вас рапорт в Особый отдел.

Хелена Исакссон закрыла глаза – вид у нее был такой, словно ей больше всего на свете хочется умереть. Несколько долгих секунд Викинг в упор смотрел на полицейского, потом мужик выдернул из

пишущей машинки лист бумаги, скомкал, кинул в мусорную корзину и вставил новый. Прокрутив новый бланк до нужной позиции, он сложил руки на груди.

– Ну, так что произошло?

Женщина бросила на Викинга быстрый убийственный взгляд.

– Я работаю в фирме «Росунда Кейтеринг» и отвечала за организацию вечеринки в «Гамла Мессен» в Сёренторпе сегодня вечером, – сказала она. – В 23.30 я закрыла бар и помещение, сложила вещи и пересчитала дневную выручку. Она составила 9660 крон...

Полицейский молча ждал продолжения. Она откашлялась.

– Около полуночи я заперла дверь и пошла к автобусной остановке на Соллентунавеген. Когда я подошла, на остановке стоял какой-то мужчина и ждал автобуса.

– Вы собирались забрать выручку домой?

– Нет, я должна была оставить ее в боксе самообслуживания «Хандельсбанкен» в Чисте.

– И этот мужчина вырвал у вас сумку?

– Он попытался, но я сопротивлялась. Тогда он ударил меня по голове чем-то тяжелым – кажется, я потеряла сознание.

Она невольно поднесла руку к шишке на лбу.

– Я осталась лежать на земле, а мужчина с моей сумкой исчез.

Глаза ее наполнились слезами, она сглотнула.

– Можете описать преступника?

– Он был в темной куртке – кажется, в черной. Или синей, точно не знаю. Честно говоря, я и не обратила на него внимания, пока он не стал рвать у меня из рук сумку.

– Мужчина в черной куртке, – сказал полицейский. – И в синих джинсах?

– На нем была коричневая куртка ниже бедер, – сказал Викинг. – Капюшон был поднят, с меховой опушкой по краю. Джинсы не синие, а темно-серые. Большие кроссовки, белые с красной полосой. Темные волосы, светлые глаза, белокожий. Левша. Он побежал к машине, припаркованной под виадуком на Соллентунавеген, красный «Вольво 164» выпуска после 1972 года. Предполагаю, с автоматической коробкой передач...

Полицейский внимательно посмотрел на него.

– А номер ты не запомнил? – спросил он почти без иронии.

– Последняя цифра – двойка, – сказал Викинг. – Орудием, судя по всему, послужила бутылка. Преступник бросил ее в канаву сразу за автобусной остановкой, скорее всего она так и лежит там с отпечатками пальцев. Перчаток на нем не было.

В кабинете стало тихо. Где-то гудел вентилятор.

– Потерпевшая находилась без сознания примерно минуту, – продолжал Викинг. – Она обследована врачом, у нее констатировано сотрясение мозга.

Он кивнул Хелене Исаксон – та достала из кармана куртки заключение врача и снимки «полароидом», протянула полицейскому. Тот взял, не взглянув на них.

– Ты узнал бы преступника? – спросил полицейский. Викинг заколебался.

– Я видел его в течение нескольких секунд.

Полицейский смерил Викинга долгим взглядом.

– «Вольво 164» выпуска после 1972 года, – пробормотал он. – Почему не семьдесят первого?

– В семьдесят втором они изменили задние фары.

– И точно не 144-й?

– Передняя часть длиннее, чем у 144-го.

– Ты, должно быть, очень интересуешься машинами.

Викинг опустил глаза в пол. Это не он, это Кристер был без ума от машин. А он читал автомобильные журналы за компанию.

Полицейский повернулся к женщине.

– Что было в сумке?

– Дневная выручка, бумажник, записная книжка, сигареты и зажигалка, паспорт, ключи от квартиры...

Она замерла.

– У него мои ключи от квартиры! А в записной книжке есть адрес! А вдруг он будет поджидать меня, когда я вернусь домой.

Она встревожено заерзала на стуле.

– Как выглядела сумка?

– Синяя, виниловая, с темно-синим ремнем на плечо. Полицейский тяжело вздохнул, склонился над пишущей машинкой и принялся печатать.

Часы на руке у Викинга уже показывали без четверти четыре, когда они с Хеленой смогли наконец покинуть полицейский участок

Ринкебю и вышли на темную площадь. Луна скрылась за облаками, поднялся ветер. Хелена Исакссон мерзла в своей черной куртке, под глазами пролегли черные тени, губы побелели.

– Боже мой, – пробормотала она. – Как я доберусь домой? И как попаду в свою квартиру? Когда начинает ходить метро?

– Только через час, – сказал Викинг, указывая на стоянку такси, где стояли две машины с включенными на холостых оборотах двигателями. – Здесь пытаться дозвониться слесарю нет смысла. В Тенста Ринкебю все телефонные каталоги из автоматов украдены.

Она вопросительно посмотрела на него.

– Я здесь живу, – ответил он. – И уже не раз с этим сталкивался. Поедем к тебе, проверим, не поджидает ли тебя там этот парень. Есть ли рядом с Нэкрусвеген телефон-автомат? Или какой-нибудь отель.

– Но, – возразила она, – тебе вовсе незачем...

– Я точно не оставлю тебя одну на улице в четыре часа утра, – заявил Викинг и двинулся в сторону стоящих такси.

До Нэкрусвеген они доехали в полном молчании. Викинг расплатился.

– Пассажиры обычно дают чаевые, – сказал водитель, пересчитывая мелочь. – Мы платим налоги с учетом чаевых.

– Все вопросы к Чель-Улофу Фельдту^[6], – ответил Викинг и вылез из машины.

Улица Нэкрусвеген петляла в окрестностях Сольны, номер 33 оказался длинным семиэтажным кирпичным домом постройки 40-х годов. С двух сторон от него стояли точно такие же дома. Квартира располагалась на первом этаже. Тиковая дверь, фамилия «Исакссон» пластмассовыми буквами над щелью для писем.

Неподалеку, на улице Росундавеген, обнаружился телефон-автомат, где лежал на месте телефонный каталог. Открыв «Желтые страницы», Викинг разыскал слесаря, дежурящего по ночам. Тот приехал через четверть часа.

– Удостоверение личности есть? – спросил он.

– Тут живу я, – проговорила Хелена Исакссон. – Нет, у меня ничего нет, потому что...

– Я не смогу открыть дверь, если вы не предъявите документ и не докажете, что это ваша квартира – надеюсь, вы это понимаете.

Женщина, которая так долго держалась, снова расплакалась.

Викинг достал свой ученический билет Полицейской академии и показал слесарю.

– Ее ударили по голове и ограбили, – сказал Викинг. – Мы всю ночь провели у врача и в полиции.

Бросив быстрый взгляд на его удостоверение, слесарь достал свои инструменты.

Три минуты спустя дверь была открыта и снабжена новым замком. Все это обошлось Викингу в 1200 крон.

– Хочешь, я проверю, что там никого нет? – спросил он.

Хелена Исакссон кивнула.

Это была довольно маленькая двухкомнатная квартирка. Он зажег везде свет, заглянул в ванную и встроенный шкаф. Кухня выходила на парковку, бетонный балкон стоял прямо на земле. Диван и телевизор. Никакого видео. Односпальная кровать с коричневым покрывалом.

– Все чисто, – сказал он, выйдя на лестничную площадку.

Она перевела дух, закрыла глаза.

– Ты все получишь назад до последнего эре, – сказала она. – И за слесаря, и за такси.

– Да все в порядке, – проговорил он, глядя в пол.

– Нет, я серьезно. В ближайшее время. Сегодня нет, я не успею, но, может быть, в субботу? Ты занят в субботу вечером?

Мысль о Линде Дегерман пронеслась в голове и растаяла.

– Нет, – ответил он. – Вообще нет. Я ничем не занят.

– Можно, я угощу тебя ужином? В знак благодарности. Приходи в восемь.

Не поднимая на него глаз, она закрыла дверь.

На улице началась метель – легкие неуверенные снежинки, не знавшие, лететь им или приземляться. Викинг порылся в карманах. Купоны все использованы, денег не осталось. Велосипед, если его никто не спер, валяется в канаве возле остановки на Соллентунавеген. Засунув руки глубоко в карманы, он двинулся на север.

24 августа 2020 года, понедельник

Викинг зашел в кондитерскую Хольмдаля и забрал бутербродный торт к празднованию 75-летия Карин. Там были все обязательные мегакалорийные ингредиенты: майонез, лосось, рулетики из тонких ломтиков сыра чеддер, икра зубатки, печеночный паштет, креветки и вареные яйца. Викингу выдали его в коробке, которая была чуть-чуть велика – роскошное творение болталось в ней, как кусок масла на сковородке. Художественно расположенные по бокам тончайшие ломтики свежего огурца оказывались где угодно, только не там, где нужно.

На улице было сыро, воздух казался серым и вязким. Утром с гор спустился туман, он все еще не рассеялся. Окруженный липким туманом, Викинг пересек улицу Фёренингсгатан и двинулся к парковке, крепко держа коробку с тортом обеими руками. Подойдя к машине, он выровнял пассажирское сиденье при помощи своей форменной куртки, чтобы торт не заваливался набок, и придерживал его рукой, пока ехал. На Кварндаммсвеген начался дождь. Он запустил «дворники», но дождь оказался слабенький, и резиновые щетки стеклоочистителя почти сразу закрипели по стеклу.

Лето скоро закончится. Его маме семьдесят пять. Все эти дни, которых уже не вернуть.

Карин встретила его без особого энтузиазма.

– Не знаю, с чего Юсефин взяла, будто я люблю бутербродные торты, – сказала она. – Проходи. Обувь можешь не снимать.

Форменную куртку он повесил на вешалку в прихожей. По дороге майонез протек, образовав пятно на рукаве. Остановившись в дверях кухни, он застыл. Викинг не бывал здесь с тех пор, как зимой началась пандемия.

– О чем ты хотел поговорить? – спросила она, не поднимая глаз.

Достала две свечи в форме семерки и пятерки – видимо, они тоже лежали в коробке. Он стиснул зубы.

– Может быть, мне стоит остаться снаружи? – спросил он.

– Я накрыла на веранде. Закрой за собой дверь.

Когда он вошел в кухню, Карин стояла спиной к нему, вставляя в торт свечи. Здесь, как всегда, пахло мылом и эскалопом. Пол только что намыт, еще поблескивает в углах. На плите горшочек – там томится очередное жарко е.

Он посмотрел на нее – помнил ее в разном возрасте. Первое воспоминание – когда ему было два, а ей только что исполнилось девятнадцать. Ее голубое платье в белый горошек. У них были одинаковые глаза и волосы, одинаковые вытянутые лица, хотя у нее маленькое, а у него большое. Сегодня на ней джинсы и фланелевая рубашка, как она обычно ходит. Она показалась ему меньше, чем он ее помнил, – или это кухня кажется больше. Серый свет из дождливого окна падал на нее, как туман. Волосы жидкие и хрупкие, под ними просвечивает кожа. Мама стареет. А вдруг он и вправду серьезно болен? Он должен рассказать.

– От Свена что-нибудь слышать? – спросил он. Брат жил в квартире группового проживания в Видселе вместе с несколькими другими взрослыми, страдающими снижением интеллектуальной функции. Крупные социальные мероприятия типа дней рождений он не любил, они вызывали у него тревогу и страх.

– У Свена все хорошо, мы с ним сегодня разговаривали. Он меня поздравил.

Викинг посмотрел на дождь за окном. Свен строго следил за днями рождения, хотя и не любил само празднование. Все важные даты были записаны у него в календаре, он всегда звонил и поздравлял – неизменно ровно в три часа.

Грохот и жуткий вопль, донесшийся с веранды, возвестили о прибытии внуков. Надрывный крик Юсефин:

– Эллиот! Что я тебе говорила? Нельзя залезать на стулья!

– Иди спасай их, пока они там не убились, – сказала Карин.

Карин заранее сообщила, что не желает подарков, хотя дата наполовину круглая: у нее есть все, чего можно пожелать в этой земной жизни, а больше пылесборников ей не нужно. Однако Эллиот подарил ей рисунок, который должен был представлять собой динозавра, а лучшая подруга Сив Юханссон привела с собой дочь Сусанну с шоколадным тортом собственного производства. Викинг принес еще тарелки и подлил воды в кофеварку.

Маркус приехал позднее, прямо с работы. Викингу показалось, что вид у сына бледный и усталый. Тот был раздражен и растерян, не участвовал в разговоре за столом. Выпил несколько чашек кофе, хотя был чувствителен к кофеину, а время уже перевалило за пять вечера. Плохо будет спать ночью.

Пока они сидели на веранде, снаружи все сильнее лил дождь, неумолимо и неритмично грохоча по крыше из кровельного железа. Викинг зажег инфракрасный обогреватель.

Эллиот, вернувшийся в садик после лета, с большим энтузиазмом напевал детскую песенку. Оказывается, дедуля сумел кое-что передать будущим поколениям.

В ресторан пришел барашек,
Наложил под стол какашек.
Ай-ай, кто наклал?
Это Мартин Юнг насрал!

Ребенок хохотал до икоты над словами песни.

– Кто такой Мартин Юнг? – спросила Юсефин, но Эллиот уже завел новый стишок.

Ты скажи, барашек наш,
Сколько шерсти ты нам дашь?
Не стриги меня пока,
Дам какашек три мешка^[7].

– Это комик из группы Повела Рамеля^[8] «Чердак снесло», – пояснила Карин. – Кстати, он был родом из Лулео. Скорее всего, ты помнишь его в роли Йокке с ножом в фильме «Пеппи на семи морях».

Юсефин нахмурила брови.

– Я слышала, что один парень из тех, кого подстрелили на прошлой неделе в Тенсте, умер, – вкрадчивым тоном сообщила Сусанна Викингу, что заставило его извиниться и начать собирать тарелки.

Журналистка-фрилансер Сусанна Шильтц, вдова Кристера, после смерти мужа все больше времени проводила в Стентрэске, ссылаясь на то, что маме Сив требуется ее помощь во время пандемии – возможно, так оно и было. Но он избегал общаться с ней. Во всех ее разговорах таилась какая-то своя цель – то она готовила подкаст, то пост в социальных сетях. С ней он всегда чувствовал себя сырьем для ее творческих задумок. Если быть до конца честным, он никогда до конца не понимал, что такого нашел в ней Кристер, но Кристер готов был целовать землю, по которой она ходила, и это было красиво: любить вот так кого-то всю жизнь.

Стоя в кухне, Викинг ополаскивал тарелки от остатков еды, когда рядом с ним появился Маркус и принялся ставить посуду в посудомойку.

– Как у тебя дела? – спросил Викинг. – Ты, случайно, не заболел?

– Я отказался от должности, – ответил сын.

Викинг чуть не уронил тарелку в раковину.

– Почему?

– Потому что я передумал.

Маркус избегал встречаться с ним глазами, вокруг губ у него побелело, а вокруг глаз появились красные круги. Догадка осенила Викинга – ледяной холод растекся в груди.

– Что-то случилось, – сказал Викинг. – Что именно?

Сын отмахнулся.

– Ничего такого, о чем стоило бы...

– Рассказывай.

Маркус сделал глубокий вдох, зажмурился.

– Я получил еще одно письмо.

Внезапно у Викинга закружилась голова, он вынужден был вцепиться руками в край мойки.

– Что в нем?

– Я не хотел тебе говорить. В прошлый раз ты так странно отреагировал.

Викинг сфокусировал взгляд.

– Оно у тебя с собой?

Сын кивнул, приложил руку к внутреннему карману летней куртки. Викинг пошел и закрыл кухонную дверь. Голоса с веранды

звучали теперь как отдаленная, едва различимая мелодия. В раковине шумела вода.

– Покажи.

Маркус вытащил конверт, протянул его Викингу. Логотип отеля «Hotel International», как на прошлом, но на этом не было ни адреса, ни марки. Только надпись: «Маркусу».

– Когда оно пришло?

– Вчера вечером.

– Вчера вечером?

Маркус стиснул зубы. Викинг взвесил письмо на ладони – оно было довольно тяжелое. Конверт был не заклеен, он достал содержимое. Это был сложенный лист бумаги и три фотографии, сделанные «полароидом». На одной был Эллиот, играющий во дворе садика. На второй – Майя в коляске, на третьей – Юсефин с детьми возле дома на Торнвеген.

– Прочти письмо, – сказал Маркус.

Они следят за тобой.

Ты должен отказаться от должности, иначе умрешь.

И снова звездочка вместо подписи.

– Оно лежало на полу в прихожей, – сказал Маркус, – когда мы с Эллиотом вернулись вчера домой. Кто-то побывал в нашем доме. В нашем доме!

Викинг искал слова, но не находил. Мир вокруг словно остановился, в нем двигались только он и Маркус.

– Я сообщил руководству сегодня утром. Сказал, что не могу взять на себя такую ответственность, по личным причинам. Грудной ребенок дома и все такое.

Викинг закрыл кран. Маркус смотрел на него остановившимся взглядом.

– Это не просто угроза, – произнес он. – Этот чертов писака преследует нас. Фотографирует наших детей. Заходит к нам в дом. Прикинь, как это мерзко!

Во рту у Викинга пересохло, рыба кость рвала горло. Все слова о том, что надо запира́ть дверь и быть начеку, опоздали.

– Что говорит Юсефин?

– Я не стал ей рассказывать.

Викинг кивнул – вероятно, так лучше.

– А на работе мне конец, – проговорил Маркус. – Второго такого шанса не будет.

Забрав письмо и фотографии, он засунул их обратно во внутренний карман, с громким стуком закрыл посудомоечную машину и ушел обратно на веранду.

В голове у Викинга зазвучал на высокой ноте резкий дискант – помесь страха и гнева от несправедливости. Много ошибок он совершил, но эти трижды проклятые письма... Угроза или предупреждение? Или мольба?

– Поскольку один из пострадавших умер, перестрелка в Тенсте превратилась из покушения на убийство в убийство, – проговорила Сусанна прямо над ухом. Он вздрогнул и уронил тряпку в раковину. Сусанна умела подкрадываться незаметно.

– Это должно стимулировать следователей, – продолжала она. – Теперь, когда изменился состав, убийство должно быть раскрыто.

Он кашлянул, сделал шаг назад.

– На самом деле это не меняет ход следствия, – ответил он. – Работа коллег из Ярвы продолжается по тому же алгоритму.

Она склонила голову набок.

– А как обстоит дело с другими потерпевшими? Их состояние стабильное или будут другие трупы? Массовое убийство?

Она говорила тем же тоном, который использовала в своих подкастах, с напором и убежденностью. Несколько раз Карин заставила его послушать – в целом звучало вполне профессионально.

Он выловил тряпку, выкрутил ее и повесил на кран.

– Как я уже сказал, работа полицейских...

– А что говорит об этом Юхан Бьёркман? О том, что его оружие использовалось при массовом обстреле? Ему, должно быть, нелегко.

Викинг не ответил. Оружие производится для того, чтобы убивать. Это прекрасно знают и солдаты, и охотники. А Юхан Бьёркман и то, и другое.

– Во всей этой истории он тоже потерпевший, – продолжала Сусанна свои риторические рассуждения. – Кстати, когда ему вернут его оружие?

– Хочешь бокал вина? – спросил Викинг. – Уверен, у Карин найдется в запасе парочка бутылок.

Сусанна Шильтц просияла.

– С превеликим удовольствием. Пино нуар, если есть...

Он вышел на веранду и спросил, не хочет ли кто-нибудь вина. Юсефин и Маркус восприняли это как сигнал, что им пора домой. Собрав детей, соски и игрушки, они побежали под дождем к машине.

Еще август, а уже настоящая осень.

На полках в гараже он действительно обнаружил несколько бутылок вина. Открыл одну из них, достал три бокала и поставил перед дамами на стол на веранде.

– А ты разве не составишь нам компанию? – обиженно спросила Сусанна.

– Я прошу прощения, – проговорил он, – но мне надо еще заскочить на работу. Хорошего вечера.

Он ретировался, прежде чем остальные успели запротестовать. По пути к машине форменная куртка намокла, пятно от майонеза растворилось под струями дождя.

Однако в участок он не поехал, спустился с пригорка и припарковался у своего подъезда.

Маркусу нет никакого смысла идти с письмом в полицию. Ничего не удастся выяснить, не за что зацепиться. Дело придется закрыть.

Медленно поднявшись на второй этаж, он повесил верхнюю одежду на вешалку, сел за компьютер, уставившись на пустой экран.

Погуглить? Нет, гуглить он не будет. Надо слушать врача, а не лазить по интернету.

Он включил компьютер.

Каждый третий швед хотя бы однажды за свою жизнь заболевает раком. Стало быть, он вовсе не уникален. Самые распространенные формы – рак простаты и рак груди. Самый смертоносный – рак легких. На сайте «интернет-медицина» под рубрикой «прогноз» он прочел, что в группе «рак гортани» есть несколько подгрупп с различной частотностью и показателями смертности. Поэтому цифры для группы в целом следует воспринимать с осторожностью. Относительная выживаемость через пять лет для этой группы составляла 65–75 %.

Затем он нашел американский сайт с куда более мрачными цифрами. Среди пациентов с трудноизлечимым раком только 20 процентов оставались в живых через столько-то лет. А у него трудноизлечимый? Что, собственно, сказал доктор Чанг – что он излечим? Надо было записать разговор.

А вот гуглить не стоило.

Выключив компьютер, он вышел в кухню, не зажигая света. В квартире Анны Берглунд по другую сторону двора было темно и тихо, сегодня она не попивает вино за сериалом по Netflix. Может, ему самому открыть что-нибудь алкогольное? Это полезно или вредно при раке? Бутербродный торт все еще стоял где-то позади мягкого нёба. Открыв холодильник, он некоторое время разглядывал его унылое содержимое: кетчуп, соленый огурец, банка с засохшим брусничным вареньем, три банки пива. Апельсиновый сок закончился.

Кто-то следит за Маркусом и его семьей. Этот кто-то находится поблизости или в самом Стентрэске, что может означать кого-то из сотрудников базы. Этот человек имел доступ к почтовой бумаге «Hotel International» и подписывал свои письма звездочкой. Достаточно ли в полиции персонала, чтобы круглосуточно охранять семью? Без заявления в полицию это невозможно, впрочем, и с заявлением тоже. У полиции нет таких ресурсов.

В гостиной звякнул мобильник.

Это была эсэмэска от Матса Викандера.

1. Список всех срочников в Арвидсъяуре за 2019–2020 годы отправлен тебе на почту. 2. Какой у Хелены персональный номер?

Он прочел сообщение быстро, потом еще раз – медленно. Ответил, набирая ответ большими пальцами, как его научила Юсефин.

1. Отлично, спасибо. 2. 621130—1261, а почему ты спрашиваешь?

Сидя с телефоном в руке, он ждал ответа. Прошло пять минут – куда больше, чем обычно.

Поговорим завтра.

Он сидел, уставившись на дисплей.

Матс был его самым давним другом из ныне живущих, при этом аналитик до мозга костей. Задержка с ответом указывала на то, что он что-то взвешивал – а это, в свою очередь, не сулило ничего хорошего.

Или же сам он реагирует неадекватно? Может, ему мерещится то, чего нет? Возможно, Матс не ответил сразу, потому что сидел в туалете или еще по какой-то причине. Но зачем откладывать разговор до завтра? О краже оружия они могли бы переговорить за десять минут, стало быть, речь о Хелене.

А что, если Матс ее разыскал?

Какая идиотская мысль – ясное дело, нет. Иначе он бы сказал. К тому же она умерла.

Он встретится с ней на той стороне?

Боже, у него совсем крыша съезжает.

Поднявшись, Викинг заметался по квартире, мысли беспорядочно роились в голове.

Анонимные письма преследовали одну явную цель: убедить Маркуса отказаться от должности руководителя проекта по испытанию системы QATS. Когда первое письмо не сработало, автор писем пустил в ход тяжелую артиллерию. Стало быть, ему исключительно важно убрать Маркуса с этой должности. Почему?

Если за этими угрозами, или предупреждениями, или мольбами что-то стоит, то Маркусу теперь ничто не угрожает. Хотя – почему кто-то хотел его убрать? Он кому-то мешает? В таком случае кому и в чем? Кто на базе заинтересован в том, чтобы он ушел в тень? Кто претендует на это место?

Викинг снова вышел в кухню. В квартире Анны по-прежнему темно. Может быть, она решила пуститься во все тяжкие по случаю вечера понедельника и сидит, попивая пиво, в «Stone Swamp Inn»? Случалось, что им с Роландом приходилось отвозить ее домой, когда она была в подпитии и не помнила своего адреса. Или же она задержалась на работе – ведь она руководитель проекта с норвежцами.

Снова открыв дверцу холодильника, он взял пиво.

Вернулся к компьютеру, скачал список срочников в полку К4 и переслал Абдулу Мухаммаду.

Затем снова достал список женщин, проживавших на прошлой неделе в «Hotel International». Он думал, что их легко будет разыскать в социальных сетях, но его ждало разочарование. Анетт Андерссен из Копенгагена, Бриджет Седерс из Лондона, Коринне Грубер из Граца в Австрии и Анастасию Степанову из Санкт-Петербурга он нашел сразу же. Имя, фотография, дата рождения – все совпадало с данными из отеля, но ни одна из них нисколько не походила на Хелену.

На имя Сандры Бойль ему выпало более 22 000 совпадений, однако ни одну из Сандр он не мог связать с Солт-Лейк-Сити. Во всем интернете не нашлось ни одной Инес Эглитис, зато масса Владен Ивановых. Мария София Фернандес из испанской Фуэнхирола более всего походила на Хелену внешне, но ее открытый аккаунт показывал,

что у нее есть дети и старше, и моложе Маркуса. Эмманюэль Фонтань из Лиона и Бенте Йенсен из Осло он, как ему показалось, нашел и отбросил – это не Хелена. На Даниэllu Марак (с двумя «л») выпала только одна ссылка – рецепт апельсинового супа. Женщина, создавшая его, не была Хеленой. Он нашел только одну женщину по имени Элизабет Тверски, она была заместителем генерального директора американской компании и жила в Нью-Йорке. Не в Тель-Авиве. На имя Кристины Уильямс выпало более полумиллиона ссылок, более пятидесяти тысяч с добавкой Сидни. На Марианн Тейлор и Мельбурн выпало всего три тысячи ссылок, но это все равно неподъемно.

Все бессмысленно.

Ночь обещает быть долгой.

Весна 1985 года

ИСАКССОН – пластиковые буквы над щелью для писем на двери.

Он сделал глубокий вдох, прежде чем нажать на кнопку звонка. Представил себе комнаты внутри, парковку, видневшуюся из кухонного окна, балкон с металлическими перилами. Односпальную кровать с потрепанным покрывалом.

Он размышлял над тем, не взять ли с собой цветы, или бутылку вина, или хотя бы коробку конфет – сам он не знал, а спрашивать ни у кого не хотелось. В конце концов решил купить бутылку португальского молодого вина. Не слишком крепкое и не слишком дорогое. Нечто достаточно нейтральное.

– Привет, – сказала она, открыв ему дверь. Похоже, она тоже немного нервничала. Отступила на несколько шагов назад.

Только тут он заметил, что все еще задерживает дыхание, и выпустил воздух из легких.

– Привет, – сказал он и почувствовал, как губы сами собой расплываются в улыбке.

На ней была вязаная кофта поверх футболки, на ногах шерстяные носки. Волосы схвачены в пучок, норовивший развалиться.

– Проходи, – сказала она. – Лучшеними ботинки.

Она махнула рукой в сторону полки для обуви. Кофта была ей великовата, рукава скрывали кисти рук. Она закатывала их неосознанным движением, показывавшим, что она делала это много раз. В квартире стоял резкий запах жареного лука и мяса. Он протянул пакет с бутылкой вина, Хелена заглянула внутрь и улыбнулась.

– Спасибо, – сказала она и положила руку на бутылку, все еще прохладную после ночи, проведенной в холодильнике его квартирной хозяйки. – Может быть, сразу и откроем?

– Разумно, – ответил он и вытер пот со лба.

Он приехал на метро и пошел не в ту сторону – эти два обстоятельства привели его в состояние цейтнота. К тому же как раз в тот момент, когда он собирался выйти из дома в Тенсте, позвонила его одноклассница Линда Дегерман, воркующая, радостная и преисполненная ожиданий. У него совершенно выпало из головы, что

он почти пообещал ей встретиться. Решив не врать, он кратко сказал ей, что у него, к сожалению, изменились планы. Хватит уже бесхребетности.

У него вспотели ноги, от носков на пробковом коврикe остались влажные следы. В душе он надеялся, что от него не пахнет.

Хелена Исакссон накрыла в кухне на двоих. Стоя у мойки, возилась с бутылкой и открывашкой.

– Там, кажется, винтовая пробка, – сказал Викинг.

Девушка удивленно взглянула на бутылку и покраснела.

– Точно, – воскликнула она. – Какая же я дура!

Но тут же рассмеялась и повернула пробку. Разлила вино в два бокала, почти до краев.

– За твоё здоровье, – сказала она.

– За твоё здоровье, – ответил Викинг.

Они чокнулись, не сводя друг с друга глаз. Она пила большими глотками. Он кивнул в знак одобрения.

– Пьешь как истинная жительница Норрланда, – сказал он. – Где ты такому научилась?

– Долгими упорными тренировками, – ответила она и отошла к плите. – Зато готовлю я не очень. Любишь котлеты с луком?

– Мое любимое блюдо, – сказал он, ощущая, что это истинная правда. Сейчас он съел бы и горсть речных камешков – и ему бы понравилось.

– Возможно, не самая уместная еда на Пасху, но я не в восторге от яиц.

Викинг любил яйца, но ничего не сказал. Котлеты оказались немного подгоревшие, но хорошо приправленные. Немного похожи на те, что жарила его мама. Карин тоже была повариха так себе.

Он спросил, слышала ли она что-нибудь от полиции. Она ответила отрицательно и допила свой бокал.

– Как ты думаешь, они будут искать грабителя? – спросила она.

– Искать они должны, – ответил он, – но насколько настойчиво они будут это делать, зависит от того, сколько у них других дел. Что сказал твой начальник?

Она поморщилась.

– Кстати, – проговорила она и поднялась. – Я должна отдать тебе деньги...

– Да не к спеху, – ответил он, но она уже вышла в прихожую и рылась в какой-то сумке. Вернулась с тысячной и пятью сотенными в руке.

– Вот, – сказала она. – Спасибо, что одолжил.

– Но ведь там было не так много, – возразил он.

– Да нет, – ответила она. – Слесарь, такси и все остальное.

Он неловко взял купюры, достал из заднего кармана бумажник и засунул их туда.

– Спасибо, – произнес он.

– Это я должна тебя благодарить, – ответила она, глядя ему прямо в глаза. – Что бы я без тебя делала?

Лицу стало горячо, он опустил глаза в тарелку. Боковым зрением увидел, как она засунула в рот большой кусок котлеты.

– Послушай, это правда, – заговорила она, прожевав, – то, что ты сказал тому полицейскому? Что твой папа – шеф полиции?

– Да, – ответил он и отпил из своего бокала. – В Стентрэске, в Норрботтене.

Она разлила остатки из бутылки.

– Там красиво?

Он растерялся. Народ обычно спрашивал, где это, очень ли там холодно, как он вообще выдерживает.

– Да, – ответил он. – На мой взгляд, там очень красиво. Город расположен в долине между двух невысоких гор, на реке Питеэльвен. А всего в полумиле ниже по течению водопад Стурфорсен.

Она поднялась и подошла к холодильнику, достала еще бутылку. Показала ему с вопросительным выражением на лице.

– Давай, – сказал он.

Открыв бутылку штопором, она протянула ее ему. Он прочел на этикетке: «Leibfraumilch». Молоко любимой женщины.

– Стало быть, ты тоже решил стать полицейским?

– Зачем менять удачную концепцию? – спросил он.

Она рассмеялась.

– А ты? – спросил он. – Ты откуда родом?

Она улыбнулась и пригубила вина.

– Я родилась в Дохе, – ответила она. – В Катаре.

Он почувствовал, как глаза у него округлились. Он не знал, где находится эта страна, а про такой город и вовсе не слышал.

– Полуостров между ОАЭ и Бахрейном, – пояснила она, словно поняв его замешательство. – Мой папа был дипломат, там находилось их представительство.

– Вау, – произнес он, мгновенно почувствовав себя пещерным неандертальцем. – А как... какво было провести детство в таком месте?

– Да я и не помню. Мне было полгода, когда его перевели в Бангкок. Там моя мама умерла.

Он положил приборы.

– Как печально, – сказал он.

Она грустно улыбнулась и опустила глаза в тарелку, погоняла вилкой кусок вареной картошки по сливочному соусу.

– Туда приехала бабушка, она и вырастила нас с братом, – ответила она. – Так что мое детство прошло с ней, можно так сказать.

– В Бангкоке?

– Среди прочего. И в Анкаре и Найроби.

– Вау, – снова произнес он.

В кухне стало тихо, он не знал, что еще сказать.

Она шумно сглотнула.

– Все это было совсем не так гламурно, как ты себе представляешь, – негромко проговорила она. – Папа так и не стал послом или кем-то в этом роде. Его кидали то в одно, то в другое второразрядное представительство – вероятно, потому что он много пил. Иногда он работал пару лет в Sida^[9] или каком-нибудь торгпредстве. Мы с братом ходили в плохие международные школы, где нас ничему особо не научили. То, что я знаю и умею, нигде не применимо...

– Ты умеешь наливать пиво, – сказал он и тут же готов был откусить себе язык, но она не обиделась. Вместо этого она от души рассмеялась.

– Да, черт подери, в этом ты прав, – сказала она. – Выпьем за это!

Они снова чокнулись бокалами.

– Лучше ты расскажи, – заговорила она. – Водятся ли в Стентрэске грабители и бандиты?

– К счастью, да, – ответил он. – Иначе папаша сидел бы без работы.

Она засмеялась еще громче, так что глаза превратились в щелочки, и выступили слезы. Когда смех отзвучал, она вытерла пальцами уголки глаз.

– Ну ладно, – сказала она, – кто был самый большой преступник, которого ты задержал?

– Я учусь в Сёренторпе первый семестр, гоняться за преступниками я еще не начал.

– Хорошо, а твой папа?

– Самое крупное преступление, которое он расследовал?

Хелена подлила ему еще, он откинулся на спинку стула, немного подумал.

– Должно быть, взлом сейфа в Калтисе, – проговорил он. – Слышала о таком?

Она покачала головой.

– Ну да, – кивнул он, – вряд ли об этом писали в газетах Катара, да и ты еще не родилась...

Из полицейского допроса он запомнил ее персональный номер, но все же спросил:

– Сколько тебе лет?

На мгновение она опустила глаза, словно устыдившись.

– Тридцатого ноября будет двадцать три.

– Мы с тобой оба шестьдесят второго года, – сказал Викинг. – Хотя я старше. Ровно на два месяца.

Похоже, ей не нравились разговоры о возрасте.

– Так что произошло там, в Каллисе?

Еще вина в бокал, в основном в его.

– В Калтисе, – поправил он. – Это было в 1962 году, когда фирма «Ваттенфаль» строила дамбу в Мессауре, выше по течению от Стентрэска. Их офис располагался на туристической станции в Калтисе, и там стоял сейф с деньгами. Ночью накануне выдачи последней зарплаты сейф взломали. Воры проникли снизу.

Он отпил вина. Она слушала, округлив глаза, полуоткрыв рот.

– Снизу?

Он кивнул и сглотнул.

– Из-под пола. С полицейской точки зрения, преступление раскрыто, хотя никого не осудили. Это было первое дело моего папы, оно преследовало его всю жизнь. Все это время знать, кто это сделал...

Она заморгала.

– Но подожди, – проговорила она. – Почему же вора не задержали?

Похоже, ее по-настоящему увлекла эта история.

– Он исчез, – ответил Викинг. – И его сын тоже. Двадцать пять лет спустя сына нашли утонувшим в Стурфорсене, а вот про вора так ничего и не известно. Он унес с собой почти миллион крон.

– Какая история! – воскликнула Хелена. – Но откуда было известно, что это он? Кто именно вор?

Викинг выпил из своего бокала, она тут же подлила ему еще. Ему пора уже перестать пить, иначе вся квартира поплывет. Хелена поднялась, достала из холодильника еще одну бутылку того же сорта.

– Имелись все доказательства, – сказал он, – но поскольку никого не смогли задержать или допросить, уголовное дело не возбуждалось.

Она разлила вино, откинулась на спинку стула и посмотрела на голые ветки берез за окном. Там прыгала белка.

– Мне надо в туалет, – сказал он.

Она указала в сторону двери ванной.

Ему едва удалось попасть струей в унитаз.

– Почти миллион крон, – сказала она, когда он вернулся за стол. – Тогда, в шестьдесят втором. Сколько это по сегодняшним меркам?

Он уселся на стул и посмотрел на нее.

– Куча денег, – ответил он и взялся за бокал. – А если бы он сразу разместил их на бирже, был бы сейчас как Скрудж МакДак.

– Кто?

Она смотрела на него с таким изумлением, что он рассмеялся и поперхнулся вином.

– Так ты и мультики про Дональда Дака тоже пропустила?

Она закатила глаза.

– «Тоже»? Потому что я не слышала про ограбление в Каллисе?

В животе и ниже разливалось приятное тепло. Девушка казалась ему такой симпатичной – хотелось протянуть руку и погладить ее по волосам, но он сдержался.

– А чему тебя учили в твоих международных школах – кроме как разливать пиво?

– Мне рассказывали о безупречности Мустафы Кемалея и Джомо Кеньятты. А бабушка научила меня печь. У меня обалденно

получается бисквит.

Вскочив со стула, она подошла к плите, где под красно-белым клетчатым полотенцем скрывалось довольно унылое произведение кулинарного искусства.

– Ну, этот конкретно получился не очень, – извиняющимся тоном проговорила она и попыталась поставить его на стол между миской с картофелем и соусницей.

– Наверное, надо сперва немного убрать со стола, – сказал Викинг, поднимаясь на непослушных ногах. Собрал приборы, салфетки и грязные тарелки.

– Нет-нет, я сама, дай мне, – сказала она и тоже взялась за тарелки, оказавшись таким образом рядом с ним, близко-близко. Они держались за разные концы, она подняла на него глаза, а он наклонился и поцеловал ее. У нее был вкус вина и лука и чего-то еще, что он не мог назвать, у нее был свой запах, свой неповторимый вкус, язык горячий и шершавый, тут же вступивший в игру. С грохотом отставив тарелки на стол, они запустили руки друг другу в волосы. Ее резинка для волос запуталась в его левой руке, он смахнул ее, положив руку на затылок девушке – боже милостивый! Вторая рука уже забралась ей под кофту, через тонкую футболку он ощущал тепло ее тела. Она учащенно дышала ему в рот. Член горел огнем – казалось, он сейчас кончит от одного прикосновения к ее бедру.

Он поднял ее на руки и покачнулся, она высвободилась и взяла его за руку. Не говоря ни слова, потянула его за собой в спальню. Пол накренился. Они рухнули на кровать, которая громко закрипела. Хелена оказалась на нем сверху, стянула с себя кофту и футболку. Лифчика на ней не было. У нее были большие тяжелые груди. Приподнявшись на подушке, он стал сосать один сосок. Она застонала. Но тут в голове у него зазвучал строгий голос – не такой, как у мамы Карин, но слова принадлежали ей.

– Подожди, – прошептал он, пытаясь вытащить из заднего кармана бумажник.

– Что? – спросила она.

Он ощупью искал презерватив в отделении для купюр.

– Не нужно, – сказала она, поняв, чем он занят. – Я пью таблетки.

– А я нет, – ответил он.

Несколько секунд она с удивлением смотрела на него, потом поцеловала.

– Давай я, – сказала она и взяла из его непослушных пальцев презерватив. Открыла его зубами, свет фонаря с улицы блеснул на зубах, выплюнула упаковку и взяла в ладонь его орган.

Закрыв глаза, он откинул голову назад, изо рта у него вырвался звук, которого он никогда раньше не слышал. Не будь он настолько пьян, кончил бы мгновенно. Ей все же удалось натянуть на него презерватив, она сорвала с себя джинсы и трусики и села на него верхом. Он вошел в нее одним движением, должно быть, она уже вся намокла, черт-те что, он чуть не потерял сознание. Несколько мгновений она сидела неподвижно, закрыв глаза, слегка пощипывая себя за соски. Казалось, его член заполнил ее всю, Викинг закрыл глаза и взлетел под потолок. Дыша громко, толчками, она начала двигаться на нем, медленно-медленно, он чувствовал, как основание члена трется о ее бугорок Венеры, головка была где-то глубоко-глубоко, он понял, что такого секса у него еще никогда не было – и это была последняя мысль перед тем, как его вырвало. Его вытошнило ей на грудь и живот, вином, луком и котлетами, она закричала от ужаса – проклятье, черт, черт, что он наделал? Она соскочила с него, быстрый холод вокруг осиротевшего члена – и тут она расхохоталась в голос. Совершенно безумная сцена – она стояла совершенно голая в свете фонаря с улицы, облитая блевотиной, и хохотала до слез. Потом рванула к себе одеяло, стянула пододеяльник и стала вытираться.

– Викинг-Викинг, – выпалила она, продолжая хохотать, – не удержал ты свой мед.

Скомкав простыню, она вытерла и его тоже, и грудь, и живот, и подбородок, комната завертелась, и он понял, что его сейчас снова вытошнит.

– Сюда, – сказала она, подставляя ему наволочку, и его вырвало в подушку.

А потом он отвернулся к стене – и разревелся бы, если бы мог.

Если бы стыд имел цвет, то его стыд был бы кроваво-красным – вернее, коричневатым, как запекшаяся кровь, как когда бабушка Агнес заколола теленка, а ему поручили увезти на тележке кровь. Он не знал точно, откуда взялась эта картинка, но она отчетливо нарисовалась в мозгу, когда он проснулся в свое обычное время, без четверти пять –

жидкость в ведре, быстро загустевавшая, плескавшаяся вокруг него, вкус кровяной колбасы во рту. Его давил стыд, красно-коричневый и удушливый.

В какой-то момент ему всерьез показалось, что голова разорвется на куски.

Дождь стучал по стеклу, по барабанным перепонкам. Викинг был один в кровати. Снаружи все еще полная тьма. Свет уличного фонаря, процеженный сквозь крону березы, лег на стену асимметричным подрагивающим узором. Викинг сглотнул, в горле резануло. Он приподнялся, оперся спиной об изголовье кровати. Презерватив застрял на внутренней стороне бедра. Он отлепил его, скомкал в руке. Сердце тревожно стучало в груди. Осторожно перебросив ноги через край кровати, он поставил подошвы на пробковый коврик. Пока полет нормальный. Похоже, его уже не тошнит.

Боже-боже.

Посидев несколько долгих минут с закрытыми глазами, он встал на ноги. Разыскал под кроватью трусы. Осторожно прокрался в кухню. Кухонный стол протерт, посуда стоит в сушилке. Он прошел в ванную. Запах там стоял чудовищный. В ванной лежали пододеяльник и испорченная подушка. Выбросив в унитаз презерватив, он помочился, но жидкости из него вышло мало. Когда он спустил воду, презерватив не уплыл. Пришлось его выловить, завернуть в туалетную бумагу и попробовать еще раз, на этот раз получилось. Фу, гадость. Взяв с полочки стаканчик для зубной щетки, он стал пить воду из-под крана большими глотками, сперва один стакан, потом второй. Похмелье на самом деле не что иное, как обезвоживание, как объяснила ему Марина, девушка Матса. Алкоголь приводит к увеличению выделения мочи, отсюда обезвоживание, а тошнота возникает от продуктов разложения, возникающих тогда, когда печень расщепляет алкоголь.

Опустив крышку, он сел на унитаз, окруженный своей собственной вонью. Чувствовал, как во всем теле бродят продукты разложения, ощущал себя полнейшим неудачником. Крышка сиденья была холодная, как лед – так ему и надо. В глазах стало жечь. Вот это и называется «пропить свой шанс».

Потом он вышел обратно в прихожую. Затаив дыхание, заглянул в гостиную.

Она спала на диване, натянув на себя покрывало с кровати, бесформенная куча, негромко и неравномерно посапывавшая. Несколько светлых прядей лежали на подлокотнике дивана. Все же хорошо, что она здесь. Он подумал, что она куда-то ушла ночевать к подруге, оставив его одного с его стыдом на произвол судьбы. Стало быть, хорошо, что она не ушла? Или ей просто некуда пойти?

Мимо по улице проехала машина, шурша колесами по лужам.

Может быть, поспешить, собрать свои шмотки и свалить, пока она не проснулась?

Маловероятно, что ему это удастся. Она проснется либо от его шумного одевания, либо когда он уже будет стоять одной ногой за дверь. И это окончательно закрепит представление о нем как о полном лузере. Сначала наблевать на нее, а потом уйти крадучись, как воришка. Тогда он уже никогда ее больше не увидит. Вероятно, если он останется, то тоже не увидит, но уйти, не сказав ни слова, показалось ему еще хуже. На самом деле это было более активное решение – то, чего он обычно избегал.

Так что он проскользнул обратно, с раскалывающейся головой и самым вялым членом в Швеции, и забрался обратно на поролоновый матрас. Натянул на себя одеяло без пододеяльника, еще раз пожалел, что не может заплакать и, как ни странно, тут же снова заснул.

Комнату заливал белый весенний свет. Несколько секунд Викинг пребывал в состоянии счастливого опьянения, прежде чем включилось сознание и вернулся стыд. Затаив дыхание, он прислушался. Снаружи доносился гул транспорта, а вот в квартире стояла звенящая тишина.

– Хелена!

Голос прозвучал хрипло, Викинг откашлялся.

Ответа не последовало.

Поднявшись, он собрал с пола свои вещи и оделся, почувствовал себя на удивление собранно. В груди и в голове ощущалось похмелье, но не такое паническое, как ранним утром. Он взглянул на наручные часы. Половина одиннадцатого. Большая часть продуктов распада уже вышла из организма.

Тихо, ступая почти на цыпочках, он вышел в кухню. В раковине стояли кофейная чашка и тарелка с хлебными крошками, хозяйка дома позавтракала бутербродом. На всякий случай он заглянул в гостиную – пусто. Покрывало лежало, свернутое, на подлокотнике дивана.

Постельное белье из ванной исчезло.

Он уселся за кухонный стол и стал ждать. У нее в квартире не тикали часы. Снаружи лился немилосердный свет. Дождь прекратился, но ветер рвал ветки березы.

Поднявшись, он открыл холодильник. Молоко, спред, сыр и ветчина, малиновое варенье, яйца, кетчуп, зернистая горчица, упаковка сосисок, еще одна бутылка «Молока любимой женщины». Она предполагала, что они прикончат и эту бутылку тоже? Сколько же они выпили? Как минимум две, плюс его португальское, и в основном пил он.

Он закрыл холодильник, полез в кладовку.

Спагетти, макароны, сухое картофельное пюре, сахар, мука, соль и, смотри-ка – «Полярный хлеб»! Достав из пакета с оленем одну лепешку, он вытащил из холодильника спред и сыр, сделал себе основательный бутерброд. Сложил его, как всегда привык делать. Съел в четыре укуса. Сразу почувствовал, как ему полегчало.

Он ломал голову, куда она делась. Пошла на работу? Первый день Пасхи – возможно, подает блюда на каком-нибудь пасхальном обеде. Она ничего об этом не говорила – с другой стороны, он и не спрашивал. Или отправилась в магазин? Возможно, она просто ушла и ждет, пока он уберется восвояси.

Ну что ж, тогда ей придется ждать долго.

Он вернулся в спальню, огляделся. Возле кровати стояла тумбочка с небольшим ящиком, Викинг подошел и выдвинул его. Баночка таблеток от головной боли, маленькая черно-белая фотография: светловолосая девочка с пожилой женщиной. Обнявшись, они улыбались на камеру, прищурившись от солнца. Вероятно, Хелена и ее бабушка. Он перевернул снимок. Сзади ничего не написано.

Пошел в гостиную, потрогал диван. Тепло ее тела уже остыло. Попробовал присесть. Удобно. Журнальный столик идеально подходил, чтобы положить на него ноги. Огляделся. У Хелены была в точности такая же белая этажерка, как у него в его съемной комнатке. Там стояли книги, старый транзисторный приемник и большой кассетный магнитофон с двойными динамиками. Он поднялся, чтобы рассмотреть его поближе. Внутри была вставлена кассета, Викинг нажал на кнопку «play». Комнату разом заполнил высокий голос Майкла Джексона, Викинг подпрыгнул на месте и завозился с

кнопками, пытаясь уменьшить звук. Билли Джин не была его любовницей. Просто девушка, которая сказала, что ребенок от него.

Викинг перевел дух, ломая голову, не слышал ли кто-нибудь. Если Хелена пошла к кому-то из соседей, то она услышала, как он хозяйничает в ее квартире. Ну что ж, пусть так.

Он стал рассматривать книги, водя пальцем по корешкам. Названия мало что ему говорили, он больше читал литературу по специальности. И комиксы. «Имя розы». «Дочь Мистраля». «Отель „Нью-Гэмпшир“». «Интригантка». «Подобие правосудия». «Зима в раю». Имена авторов тоже были ему незнакомы: Умберто Эко, Юдит Кранц, Джон Ирвинг, Сидни Шелдон, Рене Шаталь, Ульф Лундель...

Погоди-ка, ведь он читал его книгу «Як», ему понравилось. Парень, мечтающий стать писателем, который выпивает, вкалывает, борется за существование. Викинг воспринял роман как автобиографический и пришел к тому, что сам не отказался бы стать Ульфом Лунделем. Отправиться в Стокгольм и на Готланд, научиться курить – для начала сигареты, пожить в коммуне хиппи, ища свою любовь. И песни у него супер.

Достав с полки «Зиму в раю» в бумажном переплете, он прочел текст на задней стороне обложки.

«Лежа навтыжку в „Вольво-Комби“, порезанный ножом, окровавленный, с выбитыми зубами, лишившись двух килограмм кокаина, Бенгт Павло Густавсон возвращается в Швецию, поболтавшись по миру больше пяти лет».

Черт, похоже, отличная книжка. Может быть, попросить почитать на время?

В эту минуту заскрежетал замок и открылась входная дверь. Словно обжегшись, Викинг поставил на место книгу, сделал три больших шага и встретил Хелену у дверей.

– Привет, – сказал он.

Она держала в руках охалку мятого, горячего от пара постельного белья.

– Привет, – коротко ответила она, пытаясь закрыть за собой дверь, не уронив белье.

– Погоди, я помогу, – сказал он и закрыл дверь.

Хелена прошла совсем рядом с ним, направляясь в спальню, ворс на шерстяной кофте коснулся его руки.

– Я украла время стирки у соседки по фамилии Андерссон, – проговорила она, не оборачиваясь. – Старушка появилась, когда я уже сворачивала свое белье, была вне себя от ярости. Кричала, что заявит на меня в полицию.

– За кражу? – спросил Викинг. – Времени стирки?

Он пошел вслед за ней в спальню.

– Она так орала – я испугалась, что ее хватит инфаркт. Чертова старушенция. Надеюсь, она скоро отбросит копыта.

– Или будет жить долго и мучиться, – ответил Викинг.

Хелена вздохнула и взглянула на него.

– Тебя часто выворачивает во время секса?

– Такое со мной впервые, – ответил Викинг, не отводя глаз, хотя смотреть было больно.

Она обхватила голову руками и рассмеялась, то ли от безнадежности, то ли от недоумения. По крайней мере, он так это истолковал. Все это происходит на самом деле или в кошмарном сне?

– Завтракать будешь? – спросила она, проходя мимо него кухню.

– Я сделал себе бутерброд, – сказал он, следуя за ней, как щенок.

– Вот как. И ты, конечно, осмотрел все мои шкафы и ящики?

– Шкафчик в ванной нет, – ответил он.

– Просто не успел, да?

– Фотография в тумбочке, – произнес он. – Это ты с бабушкой?

Хелена кивнула, не поднимая на него глаза.

– Ее звали Элин. Она была родом из Сёдерхамна.

– Можно я возьму почитать «Зиму в раю» Ульфа Лунделя?

Она обернулась, прислонилась к раковине и строго посмотрела на него, сложив руки на груди.

– В таком случае ты захочешь ее вернуть, не так ли? Ты ведь человек законопослушный. Стало быть, нам придется встретиться снова.

– Ты можешь мне ее подарить, – ответил он. – И отделаться от меня навсегда.

Ее взгляд трудно было истолковать. Глаза голубые, немного затуманенные. Руками не трогать. Он шагнул к ней, протянул руку, положил ей на локоть. Кофта под его ладонью была шершавая и колючая.

– Прости, – сказал он. – Правда, со мной такое впервые. Мне ужасно стыдно.

Она смотрела в пол, ему показалось, что она поморщилась. Но тут же подняла глаза – они сузились и засверкали.

– Да и со мной тоже, если честно.

Он крепко обнял ее и целовал, пока она не начала ему отвечать, и ему пришлось сделать вдох.

– Попробуем еще раз? – шепнул он.

На этот раз он положил ее на кровать и исследовал всеми доступными средствами. Не только груди у нее были крепкие – все тело горячее и упругое. На правой стороне живота у нее был шрам от операции. Викинг нежно покрыл его поцелуями. Аппендицит. У Свена такой же. Она показала ему, как ей нравится, быстро и мощно кончила от его пальцев и языка. То и дело заставляла его притормозить, поначалу ему это было странно – он привык, начавши, нестись вперед на всех парах. Пасхальный день сменился сумерками, прежде чем они выбрались из постели и сходили в киоск купить гамбургеров. Вечером они валялись на диване и смотрели телевизор, там показывали повторение передачи «За рулем». Викинг пытался читать «Зиму в раю», но не очень продвинулся.

В понедельник, на второй день Пасхи, они сели у «Т-Сентрален» на бесплатный автобус до крупнейшего магазина «Икеа» и купили кровать побольше. Три дня спустя, в четверг, Викинг собрал свои вещи и отказался от комнаты в Тенсте. Хозяйка слегка обиделась и заявила, что он должен был предупредить ее за три месяца, против чего Викинг стал возражать с такой силой, что пожилая дама дала задний ход и чуть ли не предложила оплатить ему переезд.

Вот так получилось, что с апреля 1985 года он жил и был зарегистрирован в муниципалитете Сольна, по адресу Нэкрусвеген 33, в квартире с табличкой «Исакссон» на двери.

25 августа 2020 года, вторник

Около половины четвертого ночи небеса разверзлись. Дождь полился на землю с такой силой, что Стурфорсен вышел из берегов, а по склонам гор стали съезжать земляные массы. Викинг разглядывал это действо из темноты, сидя на диване в гостиной. После полуночи ему удалось ненадолго заснуть, но сны о болотах, письмах с угрозами и больницах быстро заставили его вернуться к состоянию бодрствования.

Кто-то, находящийся в Стентрэске, написал угрожающее письмо и положил на пол в прихожей у Маркуса. Этот кто-то подобрался к семье Маркуса так близко, что смог их сфотографировать. А в горле росла рыбья кость. Относительная выживаемость в течение трех лет в группе «рак горла» – от 65 до 70 процентов. Один против трех, что он умрет в течение пяти лет. Какую соломинку он вытащит?

Может быть, уже начать наводить порядок перед смертью?

Он знал: мама Карин это проделала. Как только снова встала на ноги после операции по установке кардиостимулятора. Выпотрошила все шкафы и кладовки, собрала и сдала в переработку всю старую одежду, книги, календари, все старые квитанции и декларации, членские карточки в различных книжных клубах. Документы на дом лежали в папке в кабинете: закладные, договоры и счета на ремонт фасада. Она сохранила только самое важное, то, что требовалось в повседневной жизни, и то, что им со Свеном хотелось оставить себе. Иными словами, она подготовилась. А он?

В силу своей профессии он видел смерть столько раз, что уже и не мог припомнить все случаи. Люди истекали кровью, умирали от передозировок, сидели задавленные в разбитых машинах и захлебывались в собственной крови в ожидании, пока спасатели вырежут их резакom. Но чтобы он сам лишился жизни – такого он просто не мог себе представить.

Возможно, в этом нет ничего выдающегося. Типа как заснуть.

Он не очень бурно отреагировал, когда умер отец. Через год после выхода на пенсию с Густавом Стормбергом случился инсульт, после которого он так и не восстановился. Несколько месяцев он пролежал в

больнице в Кулосене, а потом умер. Они никогда не были особо близки. Визиты в больничную палату Викинг вспоминал с неприятным чувством – фигура большого мужчины, распростертого на постели, подключенного к разным приборам. Им не о чем было говорить, кроме как о работе, а это была перевернутая страница. Похороны доставили немало хлопот. Густав не оставил никаких распоряжений. Пришло множество людей – не потому, что он пользовался какой-то особой популярностью, но он был выходцем из этих мест, достигшим определенного положения в обществе. Общее представление гласило также, что он «ушел слишком рано», «ему бы еще жить и жить». Маркус был еще грудной и орал как резаный поросенок во время всей церковной службы. В конце концов Хелена вынуждена была выйти вместе с ним.

Сам он тщательно спланирует свои похороны, если до того дойдет. Не поступит так, как Густав. В его случае Карин, Маркусу и Элин не придется долго возиться, перебирая возможные варианты.

Он подумал о маме.

Когда он был маленьким, Карин училась на социолога, уезжая на неделю в университет в Умео. Им занималась бабушка Агнес – его детство чем-то похоже на детство Хелены с бабушкой Элин. Об отце у него практически не сохранилось никаких воспоминаний тех времен, но дело было в шестидесятые годы в лесной части Норрботтена. Тогда мужчины занимались одним, а женщины другим. Легко судить из 2020-х. На это он свое время тратить не намерен.

В такт дождю в нем нарастало ощущение хрупкости бытия. Зачем все это – все автомобильные журналы, которые он прочел, образование, которое с таким трудом получила мама Карин, полы, которые она намыла, все те блюда, которые она приготовила? Уходя, мертвые оставляют после себя черные дыры. Одни со временем затягиваются, другие нет. Остается вакуум. Будет ли Эллиот помнить его? А Майя?

Он ненадолго задремал на диване перед телевизором, прикрывшись пледом.

Когда он проснулся, Анна Берглунд уже уехала на работу. Строго говоря, ему надо было к девяти, но он обычно всегда приезжал гораздо раньше. Куда он так торопился?

Рабочую одежду он хранил дома, а не в шкафу на работе. Сегодня он дождался, пока утихнет дождь, потом натянул поверх униформы дождевик и выехал из дома. Припарковался на своем месте позади полицейского участка, заглушил мотор. Пару минут сидел неподвижно, закрыв глаза, слушая, как капли барабанят по крыше машины. Матс больше не звонил и не писал. Связь между кражей оружия в Польберге и егерями в Арвидсьяуре, конечно, интересная штука, но ему не давал покоя вопрос о персональном номере.

Громкий стук в боковое стекло заставил его вздрогнуть. Роланд Ларссон рывком распахнул его дверь.

– У Витваттнета легковушка слетела с моста в Питеэльвен. Аквапланирование^[10]. Похоже, никому не удалось выбраться из машины.

Викинг сделал глубокий вздох. Тьфу, проклятье. Смерть, всегда незримо присутствующая рядом, еще туже затянула ремень вокруг его груди. Он выбрался из машины. Чувствовал, что идет неуверенно, плохо оценивает расстояние до предметов – как будто только что приземлился после трансатлантического перелета.

Поселок Витваттнет располагался ниже по течению, на границе с муниципалитетом Эльвбю.

– Спасатели выехали? – спросил он, плюхнувшись на пассажирское сиденье рядом с коллегой. Обивка сиденья сразу потемнела от сырости.

– Две минуты назад, – ответил Ларссон, выводя патрульную машину на шоссе.

– Нам придется запросить помощь из Эльвбю.

– Они не могут, их покосил ковид.

– Что будем делать с водолазами?

– Андерссон только сегодня вернулся из отпуска, тут нам повезло.

Викинг неслышно сглотнул. От адреналина разом улетучились усталость и сухость во рту. Такой маленький муниципалитет, как Стентрэск, не мог позволить себе иметь собственных спасателей-водолазов, но Сигге Андерссон из пожарной команды активно занимался дайвингом в свободное время. Больше всего ему нравилось нырять к останкам кораблей в Карибском море, однако он прошел курсы при Управлении готовности и охраны общества и получил лицензию на проведение спасательных операций.

– Который? – спросил Викинг, хватая рацию.

– Девяносто первый.

Викинг выставил нужный канал для координации усилий полиции, скорой помощи и пожарной службы. Несколько мгновений, держа микрофон в руке, собирался с духом, психологически готовясь к тому, к чему всегда приходится быть готовым в подобных ситуациях: неизвестности.

– Вызывает сорок-восемнадцать, – сказал Викинг в рацию. – Что известно о происшествии, прием!

Прошло несколько секунд, прежде чем ему ответил Линдерссон, начальник пожарной команды. Поступило два сигнала, независимо друг от друга: один водитель ехал позади пострадавшего транспортного средства, другой навстречу. Оба позвонили одновременно, в 8.37. Их наблюдения были фрагментарны, но совпадали: легковая машина, марка неизвестна, похоже на аквапланирование. Водитель потерял управление, его резко занесло вправо, машина пробила перила и упала в реку.

Викинг откашлялся.

– Нам известно, сколько человек находилось в машине?

Ответ последовал отрицательный.

Попросив спасателей отрапортовать, когда они прибудут на место, Викинг закончил разговор. Ларссон включил сирену и, надавив на газ, понесся в сторону Эльвбю.

В кармане у Викинга звякнул мобильный телефон. Сообщение от Матса Викандера.

У тебя есть время в 9.30?

Он ответил тут же.

Еду на место происшествия, попробую в 9.30.

Дождь усилился. Окружающий ландшафт был уныло-серым. Шины визжали.

– Насколько глубоко посреди русла реки? – спросил Роланд Ларссон. – Там, в Витваттнете?

– Не знаю, – ответил Викинг.

Он никогда об этом не задумывался. На рыбалку не ходил, купался редко. Живя в Стентрэске, постоянно находишься недалеко от реки, она часть твоей жизни, как деревья, комары, обледенелые улицы. Официально река Питеэльвен – одна из национальных рек Швеции.

Одна из самых больших неприрученных, не считая гидроэлектростанции в Сикфорсе в нескольких часах езды вниз по течению. Более четырехсот километров в длину, она течет от горного массива Сулительма у норвежской границы по горам и лесам и впадает в Ботнический залив в нескольких милях к югу от Питео. Ее самый большой порог, Стурфорс, к тому же самый крупный в Европе. В Стентрэске гул реки и летящая с нее пена все время присутствуют на заднем фоне. Река Питеэльвен могучая, но Викинг не был уверен, что она очень глубокая.

Снова затрещала рация.

– Два-один-тридцать, докладываю обстановку, – сказал Линдерссон. – Видим машину в десятке метров от берега, в ста метрах ниже по течению. Подойдем как можно ближе. Где вы, прием?

Викинг бросил взгляд на навигатор.

– В одной минуте от вас.

Он покосился на Роланда Ларссона. Коллега умеет все, что делает он сам, в этом сомневаться не приходится. Есть ли незаменимые люди? Кроме как в эгоцентричном, эмоциональном плане? Изменилось ли что-то в результате перестрелки в Тенсте или от того, что машина слетела с моста в Витваттнете?

На мосту собрались люди, несколько машин припарковались на площадке сразу за съездом с моста. Викинг вышел из машины у северной опоры и быстро натянул сине-белую ленту ограждения, перегораживая проезжую часть. Роланд Ларссон проехал дальше по мосту и перегородил дорогу транспорту, направляющемуся на север, поставив патрульную машину поперек дороги. Викинг вытащил из кармана телефон, который тут же намок. Вытер его ладонью, позвонил в участок Карине Бюрстранд.

– Мы закрываем дорогу триста семьдесят четыре в обоих направлениях на уровне Витваттнета, – сказал он. – Народу придется ехать через Фюруберг. Опубликуешь это?

– Триста семьдесят четвертая, Витваттнет, Фюруберг, – повторила администратор. – Окей.

– И пришли эвакуатор.

Он нажал на кнопку и засунул телефон обратно в карман, пока тот совсем не размок.

– Это я вам звонила, – сказала женщина, стоящая перед ним. Она судорожно вцепилась в ручку зонтика, нисколько не помогавшего от дождя. Макияж у нее на лице размазался, она вся дрожала от холода.

– Подождите здесь, – произнес Викинг. – Я сейчас запишу ваши данные.

Он отошел к пробоине в перилах, посмотрел вниз. Увидел, как машина спасателей подъехала к песчаному пляжу в сотне метров ниже по течению, приложил ладонь козырьком к глазам и стал вглядываться в серую воду. Десять метров от берега, так сказал Линдерссон. Не колесо ли там торчит над поверхностью?

Снова вернулся к женщине с зонтиком.

– Я вынужден попросить вас сесть в вашу машину, – сказал он. – Иначе по такой погоде я не смогу ничего записать.

Он сел на пассажирское сиденье, оставив дверь открытой. Записал ее имя и фамилию, адрес, телефон.

– Так ужасно, – проговорила она дрожащим голосом. – Он несся так быстро – я боялась, что он столкнется с другой машиной. А потом случилось вот это.

– Мы обязательно свяжемся и попросим вас дать детальные показания, – сказал Викинг. – А сейчас мы должны сосредоточиться на спасательных мероприятиях и обследовании места происшествия. Вы можете ехать.

Выйдя из машины, он махнул женщине рукой, чтобы она ехала. Посмотрел вниз, увидел, как Сигге Андерссон заходит в воду с аквалангом, в гидрокостюме и с инструментами на поясе. Роланд Ларссон, записав данные пары, ехавшей в большом внедорожнике, помахал им рукой, чтобы они ехали – вероятно, это и есть другие свидетели. Скорая помощь съехала вниз к машине спасателей, Викинг побежал за ней. Роланд Ларссон разогнал с моста зевак.

Машину, упавшую в воду, переворачивало вверх дном – сценарий из кошмарного сна. Отсоединить пояс безопасности очень трудно, поскольку тот, кто им прикреплен, висит на нем. Из-за давления воды снаружи открыть дверь невозможно, пока весь салон не заполнится водой. Электрический привод стекла в воде обычно не работает. Возможно, водитель справился бы, имей он под рукой острый нож и молоток. Перерезать ремень безопасности, выбить окно. Но у кого есть такое оборудование и железная выдержка?

Если машина оказалась глубоко, возникает следующая опасность. Даже если водителю удалось выбраться, давление так велико, что воздух сжимается. Надо знать, что делать, чтобы не пострадать по время всплытия. Воздух надо выпускать постепенно, иначе легкие просто взорвутся. Впрочем, об этой опасности здесь речи не идет – если над поверхностью воды действительно торчит колесо.

Он жестом поздоровался с Линдерссоном и другими спасателями. Они были полностью сосредоточены на том, что происходило в воде.

Сколько времени прошло с момента поступления сигнала?

Викинг взглянул на свои наручные часы. Две минуты десятого. Стало быть, прошло двадцать пять минут. Надежда еще есть. Он не знал, какова температура в воде, но Питеэльвен всегда была холодная как лед. В данном случае это хорошо. Человек может продержаться под водой около часу, если он достаточно охлажден.

– Достал! Он тащит его на себе!

Сигге Андерссон плыл на спине, крепко держа левой рукой человека. Персонал скорой помощи завел машину, держа наготове носилки.

Как мог констатировать Викинг со своего места, пострадавший был мужчина. Одет в брюки, рубашку и галстук, ботинки уплыли. Лицо казалось приплюснутым, но не окровавленным, об этом позаботилась река. Большой живот, тонкие ноги. Светлые волосы, слегка поредевшие. Санитары подняли его на носилки и понесли к машине. Одна рука лежала под неестественным углом к телу.

– Пульс? Дыхание?

Викинг увидел, как санитар прислушивается, приложив ухо к груди пострадавшего.

– Поехали! Быстро!

Спасатели засунули мужчину в скорую помощь, которая тут же унеслась прочь. Сигге Андерссон стоял у воды все еще в капюшоне от гидрокостюма, запыхавшийся и замерзший. По его лицу стекали струи дождя.

– Как все выглядело? – спросил Викинг.

Водолаз ткнул пальцем в сторону реки.

– Это заднее колесо, – сказал он. – Салон не совсем заполнился водой, так что дверь открыть не удалось. Пузырь воздуха собрался у

заднего стекла, так что водителю от него было мало толку. Я выбил боковое стекло.

Он показал маленький молоточек на поясе с инструментами. Викинг кивнул.

– А машина?

– Должно быть, она пробила перила на полной скорости. Вся передняя часть вдавлена. Не знаю, какая марка, не видно. Сработали обе подушки безопасности.

– Кто-нибудь вызвал эвакуатор? – раздался позади них голос Линдерссона.

– Надеюсь, он уже едет, – ответил Викинг, поднимая глаза на мост. Группки людей собрались у натянутых лент ограждения с обоих концов, на площадке для разворота за мостом и вдоль берегов. Многие прикрывали свои мобильные телефоны зонтиками или ладонями. Интернет взорвется от видео, отражающих спасательные работы.

Скорая помощь с воем сирен удалилась в сторону больницы Стентрэска. Викинг пошел обратно к мосту. Ему показалось, что дождь стал стихать.

– Я снял то небольшое, что удалось найти, – сказал ему Роланд Ларссон, когда он вышел на проезжую часть. – Тормозной след смыло дождем.

Он указал рукой, Викинг проследил взглядом и посмотрел на дыру в перилах.

– Три столбика ограждения вырвало из креплений, – сказал коллега. – Должно быть, он врезался прямо в тот, что посредине, и потянул за собой два других.

Одного столбика не было – должно быть, улетел в реку вместе с машиной. Два других, с двух сторон, были оторваны от креплений, но лежали на краю проезжей части.

Перекладыны, соединявшие их, разлетелись, как зубочистки. Какая сила нужна, чтобы так разломать перила? Само собой, многое зависит от устойчивости конструкции.

– Перешли мне снимки и сведения, – сказал Викинг.

К заграждению у северной стороны моста подъехал эвакуатор. Это был настоящий мастодонт, размером с небольшой паром до Финляндии. Викинг поспешил туда и убрал ленту.

– По южной стороне, метров сто вниз по течению, – крикнул он и указал рукой. Водитель эвакуатора, мужчина его возраста по фамилии Лундстрём, опустил боковое стекло.

– Ты со мной?

Викинг показал ему большой палец. Эвакуатор проехал, он наспех закрепил ленту, вернув ее на место. Запрыгнул в кабину и поехал вниз по берегу. Сигге Андерссону снова пришлось лезть в воду, чтобы закрепить тросы вокруг машины.

У Викинга зазвонил телефон – номер неизвестен.

– Это Абдул Мухаммад. Можете говорить?

Викинг повернулся к коллегам спиной.

– Мы сейчас пытаемся вытащить из реки машину, – сказал он. – Я перезвоню.

Громкие выкрики у него за спиной свидетельствовали о том, что Сигге Андерссон снова вынырнул на поверхность и можно было приступить к эвакуации. Он обернулся, увидел, как натянулись тросы.

Снова зазвонил телефон. Это был Матс.

– Сейчас у тебя есть время?

Викинг сделал быстрый поверхностный вдох.

– Строго говоря, нет.

– Это не срочно. Поговорим позже.

Из воды показалась задняя часть машины. Она была серебристая, выглядела как внедорожник из новых моделей. Вода полилась из нее каскадами, как из дуршлага после промывки макарон. Лундстрём со своим монструозным эвакуатором дождался, пока основная вода стечет. Затем спокойно и аккуратно понес машину к берегу. Передняя часть и вправду была сильно покорежена. Викинг убрал мобильный телефон.

Дождь почти перестал.

Попытки реанимировать водителя результатов не дали. Вскоре после приезда в больницу Стентрэска врачи констатировали смерть. Первичной причиной смерти сочли утопление в сочетании с кровоизлиянием во внутренних органах в результате сильной травмы.

Иными словами, он умер в результате несчастного случая.

По номерам машины было установлено, что она зарегистрирована на имя Ханса-Улофа Оскарссона 1968 года рождения, проживающего в Видселе. Марка машины – «Ауди Q3». Многие указывало на то, что

потерпевший и есть владелец машины. Однако его лицо находилось в таком состоянии, что решено было затребовать карточку от стоматолога для точного установления личности, прежде чем сообщать родным. К таким вещам надо относиться со всей ответственностью.

Портфель мужчины, черный металлический чемоданчик марки Rimova, был найден в салоне машины после эвакуации. Он был закрыт и основательно заперт. Поначалу ключа не обнаружили, поэтому Роланд Ларссон забрал чемоданчик в участок, чтобы попытаться его открыть. Викинг отправился в больницу с целью идентифицировать тело. Заведующую отделением он обнаружил в столовой для персонала, где та сидела за столиком и ела мясной суп с клецками и бутерброд с сыром. Карточка из стоматологической клиники в Эльвбю будет переслана по электронной почте после обеда. Для упрощения коммуникации они обменялись телефонами.

Когда Викинг вернулся в участок, там было пусто и тихо. Карина Бюрстранд ушла на обед, а Роланд Ларссон срочно выехал в Трескет, где произошла попытка ограбления. С собой Викинг привез вещи, принадлежавшие мужчине: помимо одежды ему выдали обручальное кольцо, кольцо-печатку с нечитаемой надписью и часы марки Seiko. Ботинки так и не нашли – вероятно, их унесло течением. В своем кабинете Викинг открыл в компьютере программу по регистрации несчастных случаев, STRADA (что расшифровывалось как Swedish Traffic Accident Data Acquisition), открыл третью страницу с формуляром, который следовало заполнить, и план, где предстояло задокументировать ход событий. Достав свои заметки, взглянул еще раз на снимки, сделанные Роландом.

Аквапланирование означает, что между колесами и асфальтовым покрытием образуется слой воды. Сцепление с поверхностью нарушается. Становится невозможно поворачивать в стороны, тормозить, прибавлять скорость или иным способом управлять машиной в каком бы то ни было направлении.

В данном случае с водителем аквапланирование случилось посреди моста. Ничего необычного, ничего примечательного. Сильный дождь, плохая видимость. Потерял управление, машину занесло, врезался в перила. Все нормально.

– «Он ехал так быстро – я боялась, что он столкнется с другой машиной», – сказала женщина с размазанным макияжем, та, что одной

из первых позвонила по поводу аварии. Что она имела в виду, говоря о «другой машине»? Ту, что шла навстречу?

Он набрал номер женщины.

– Даже не знаю, я, кажется, ничего не успела разглядеть, – сказала она, и была уже совсем не такая разговорчивая, как утром. – Видимость была ужасная, я точно не знаю, что произошло. Нехорошо, если я окажусь замешана в этом деле.

– Я предупредил вас на месте, что мы позвоним, чтобы уточнить ваши показания, – коротко сказал Викинг. – Либо мы сделаем это здесь и сейчас по телефону, либо же мы приедем и заберем вас в участок.

Женщина закашлялась. И – кто бы мог подумать, это помогло. Память прояснилась.

– Я ехала позади той машины, метрах в ста, – сказала она. – Как раз когда мы достигли моста, машина газанула. Сперва он резко дернулся влево, я подумала, что он столкнется со встречной машиной. Но тут он резко свернул вправо, прямо в реку...

Викинг смотрел на фотографию перед собой – дыра в перилах, отсутствие тормозного следа.

– Водитель увеличил скорость, когда заехал на мост?

– Да, и очень сильно. Я собиралась его обогнать, но обратила внимание на встречную машину.

– Стало быть, вы были не в ста метрах позади него? А скажем, в десяти?

В трубке повисло молчание.

– Короче, вначале я находилась метрах в ста позади, и даже больше.

– А потом вы догнали эту машину?

– Э. да, получается, что так.

– С какой скоростью вы ехали?

– Там ведь разрешено до девяноста?

– Я не об этом. С какой скоростью ехали вы и с какой скоростью, по вашему мнению, ехала машина впереди вас?

Раздался такой звук, словно женщина глубоко затянулась сигаретой.

– Скорость я не превышала, – произнесла она. – Ехать больше девяноста из-за дождя было невозможно. Машина впереди меня ехала куда медленнее. Километров семьдесят в час.

– До того момента, как он заехал на мост?

– Да, тут он от души надавил на газ.

– С какой скоростью он ехал?

– Больше девяноста, потому что он стал удаляться от меня.

Викинг провел рукой по лбу.

– Вы сказали, что машина «резко дернулась влево». Уточните, что вы имели в виду. Машину занесло?

Женщина заколебалась.

– Даже не знаю. Он как бы дернулся.

– Дернулся? Влево?

– А потом вправо.

– Прямо в реку?

– Да, я понимаю, что это не предполагалось, но получилось именно так. Все это совершенно ужасно. Мне нужна профессиональная помощь, чтобы справиться с травмой. Есть ли возможность обратиться за кризисной помощью? Какая-нибудь группа поддержки?

– Найдите в интернете: «гид по здравоохранению», 1177.se, – сказал Викинг. – Спасибо за ваши показания.

Закончив разговор, он отыскал записки, сделанные Роландом Ларссоном. Нашел данные пары, ехавшей во встречной машине, набрал один телефон, потом другой. Никто не ответил. Тут зазвонил его мобильник.

– Личность установлена, – сообщила врач. – Это Ханс-Улоф Оскарссон.

Викинг позвонил Роланду Ларссону.

– Нам придется поехать в Видсель. Это он, владелец машины.

Сообщая о смерти, они всегда выезжали вдвоем.

– Вернусь через пятнадцать минут, – ответил коллега.

Несколько мгновений Викинг колебался, барабанил пальцами по телефону. Потом позвонил Матсу Викандеру.

– О чем ты хотел меня спросить?

– Подожди, закрою дверь.

Викинг ждал.

– Персональный номер Хелены, – проговорил Матс. – Ты знаешь, где она его получила?

– Получила?

– Да, она родилась в Дубае, но последние четыре цифры начинаются на 12 – это означает, что ее регистрировали в регионе Стокгольма. Тебе известно, где именно?

Викинг сделал глубокий вдох.

– Может быть, в Сольне? Там жила ее мама до того, как вышла замуж и уехала за границу. А что?

– Контрольная цифра, – сказал Матс.

Викинг ничего не понял.

– Ты о чем?

– Дипломатический паспорт Хелены, – произнес Матс. – Его украли во время ограбления, свидетелем которого ты являлся, не так ли?

– Да, вместе с дневной выручкой из...

– Ты был с ней, когда она получала новый паспорт, – продолжал Матс. – Она обратилась в полицию, предъявив выписку из церковной книги, заявление о краже старого паспорта, а также тебя, подтвердившего, что она – это она.

– И что? – спросил Викинг.

– Никто не усомнился в ее персональном номере?

– Да с какой стати?

– Номер, который она указала в паспорте и заявлении об ограблении, неверный. Десятая и последняя цифра – контрольная, она рассчитывается при помощи алгоритма Луна. В случае с Хеленой она неверна. Там должна быть девятка, а не единица.

Викинг беззвучно дышал открытым ртом. Алгоритм Луна? Что за чертовщина?

– Тому может быть вполне естественное объяснение, – продолжал Матс. – В 1962 году, когда родилась Хелена, в персональных номерах было всего девять цифр. Десятую ввели в 1968 году, когда она жила в Анкаре или Найроби, или где-то еще, так что легко могла закрасться ошибка. Однако весьма странное обстоятельство.

Викинг сглотнул.

– Как получилось, что это не обнаружилось? – спросил он, заметив, что голос звучит сипло.

– Персональные номера были введены в систему только в 1990-х, когда ответственность за них перешла к Налоговому управлению. Ты когда-нибудь видел ее отца?

– Он ведь жил в Мальмё и умер...

– Ты встречался с ним лично? С дипломатом Сверкером Исакссоном?

Викинг приложил руку ко лбу.

– Нет, – ответил он. – Он умер вскоре после того, как мы познакомились.

– Как звали ее брата?

– Филип. Его я видел много раз.

– Он переехал в США?

– В Австралию. У него было австралийское гражданство, он родился, когда Сверкер находился в Канберре...

– Когда ты разговаривал с ним в последний раз?

– Когда сообщил, что Хелена утонула.

– У тебя был его номер?

– Само собой.

– Он сам взял трубку, когда ты позвонил?

Что за идиотские вопросы?

– Нет, мне ответила какая-то девушка. Я оставил сообщение, попросил передать, что разыскиваю его. Он был где-то на улице, перезвонил мне минут через пятнадцать.

Матс молчал.

– Что такое? – спросил Викинг.

– Перезвоню позже, – ответил Матс и положил трубку.

В ту же минуту на парковку за участком заехал Роланд Ларссон. Коллега запер патрульную машину и поспешил к входной двери. Викинг закрыл глаза, комната закружилась вокруг него. Выронив телефон, он вцепился обеими руками в край письменного стола. В голове, словно грохот надвигающейся грозы, эхом отдавался голос Матса. «.. Последняя цифра... неверна... должна быть девятка... ты встречался лично с ее отцом. дипломатом Сверкером Исакссоном?»

– Это и есть личные вещи?

Роланд Ларссон стоял в дверях с коробкой в руках.

Викинг поднялся.

– Удалось открыть чемодан?

– Бумажник и бумаги по работе.

Викинг кивнул, по-прежнему держась за стол, чтобы не упасть.

– Женат, двое сыновей, 20 и 16 лет.

– Ах ты черт, – пробормотал Роланд и вышел к машине.

По пути к входной двери Викинг выпил в кухне два стакана воды. Рыбья кость царапала горло.

Дождь прекратился, но воздух был серый, тяжелый от измороси. Всю дорогу до Видселя двое мужчин сидели молча. Сообщать близким о смерти – одно из самых трудных дел в работе полицейского. Жену звали Анна Оскарссон, 1970 года рождения. 50 лет – и уже вдова.

«Как звали ее брата? Когда ты разговаривал с ним в последний раз? Он сам снял трубку, когда ты позвонил?»

– Здесь налево, – сказал Викинг, отключая навигатор.

Семья Ханса-Улофа Оскарссона проживала в желтом доме модели «Эльвбю» с белыми ставнями. Ставни, похоже, не выполняли никакой функции, были привинчены к стене. По обе стороны гравиевой дорожки, ведущей к дому, красовались ухоженные клумбы с цветами. Стало быть, семейный мужчина, с заботой о своем доме.

Собравшись с духом, Викинг позвонил в звонок, держа в руке полицейский жетон. Роланд стоял позади него с коробкой в руках.

Женщина, открывшая им дверь, была вся заплаканная.

– Добрый вечер, мы из полиции Стентрэска. Меня зовут Викинг Стормберг, это мой коллега Роланд Ларссон. Нам нужна Анна Оскарссон.

– Я видела в Фейсбуке, – проговорила женщина, – как вы доставали машину из реки.

– Можно нам войти?

– Это правда, что он мертв?

Не было никакого смысла оттягивать момент.

– К сожалению, да, – произнес Викинг. – Ваш муж погиб в автокатастрофе.

Она пошатнулась, чуть не упав вглубь прихожей, завывала. Звук отдавался между стенами в тесной прихожей. Женщина тяжело опустилась на стул рядом с небольшим столиком, на котором стоял антикварный телефон, закрыла лицо руками и разрыдалась. Викинг и Роланд Ларссон молча ждали, стоя рядом с ней. Через несколько минут рыдания сменились тихими стонами, некоторое время женщина покачивалась вперед-назад, потом смолкла и поднялась.

– Проходите, – произнесла она. – Хотите кофе?

Оба кивнули, даже Викинг.

В кухне сидел мальчик-подросток, сложив руки на коленях и глядя в стол перед собой. Роланд Ларссон поставил коробку с вещами на столешницу.

– Мы пришли с очень печальной новостью, – повторил Викинг так, чтобы и мальчик тоже слышал. – Сегодня утром около девяти утра Ханс-Улоф Оскарссон погиб в автокатастрофе на мосту у Видваттнета.

Он сел рядом с мальчиком.

– Это ты Альбин?

Мальчик кивнул. Викинг протянул руку, обменялся с ним рукопожатием, невзирая на ковид.

– Мне очень жаль, что приходится говорить тебе такое, – сказал Викинг.

Мальчик опустил голову еще ниже, его плечи затряслись.

– Он тоже видел в интернете, – сказала его мать. – Как вы допускаете, чтобы народ выкладывал такие видео?

– Интернет и социальные сети не подчиняются полиции, – произнес Роланд Ларссон, садясь напротив Викинга. – Мы можем лишь призывать общественность проявлять благоразумие.

Анна Оскарссон повертела в руках кофейные чашки, но и не поставила их на стол.

– Мы сразу увидели, что это его машина. Или такая же, и он не ответил, когда мы стали звонить. Почему прошло столько времени, прежде чем вы приехали? Разве не ваша задача сообщать о несчастных и смерти?

– Очень прискорбно, что общественность имеет доступ к видео с места происшествия до того, как мы смогли установить личность погибшего. Мы делаем это очень тщательно, чтобы не допустить ошибки.

Женщина выставила чашки на стол и села на стул рядом с Викингом.

– Как это произошло?

– Всею виной погода, – ответил Викинг. – Посреди моста у него случилось аквапланирование. Он ничего не мог сделать. Несчастный случай.

Анна Оскарссон снова расплакалась.

– И именно сегодня, – проговорила она, сморкаясь в платок. – Когда его только что повисили. Когда наконец-то настал его звездный

час.

Викинг почувствовал, как холодный ветерок пронесся у его лба.

– Повысили?

– Да, – сказала женщина. – Я мало что знаю, нам он не рассказывает. Но ему повысили зарплату, дали дополнительную неделю к отпуску, и тут...

Во рту у Викинга пересохло. Поле зрения сузилось, превратилось в тоннель среди мрака.

– Где работал ваш муж?

– На Ракетной базе в Стентрэске.

Они сидели с семьей погибшего, пока тени не стали длинными и не вернулись с работы соседи. Старший сын, Лукас, приехал на автобусе из Лулео, где учился. Он вошел в дом около четырех, обнял мать и брата одновременно, они заплакали все втроем. Когда полицейские покидали желтую виллу, дом уже наполнился родственниками и друзьями.

В молчании они ехали обратно в Стентрэск.

– Пара во встречной машине, – выговорил наконец Викинг. – Как они описали происшествие?

– Ты не разговаривал с ними?

Викинг покачал головой.

– У автомобиля возникло аквапланирование, – сказал Роланд Ларссон. – Его занесло на встречную полосу, а потом бросило на перила.

– Он дернулся?

– В смысле?

– Ну, как будто водитель резко повернул руль, сперва в одну сторону, потом в другую?

– При аквапланировании машина дергаться туда-сюда не может, – ответил Роланд Ларссон.

Глядя прямо вперед через лобовое стекло, Викинг ничего не ответил.

Ближе к полночи небо прояснилось, показав весь Млечный путь. Звездный свет проникал в окно гаража полицейского участка в Стентрэске, где над ремонтной ямой были подвешены останки «Ауди Q3» 2018 года выпуска. Маленькие лужицы речной воды растеклись по неровному бетонному полу и скромно блестели в углах.

Викинг Стормберг, инженер по образованию, много лет выписывающий «Мир техники», «Мы автомобилисты», «Автомотоспорт», а также «Трейлеры», смотрел на транспортное средство, словно увидел привидение. Оно висело над ним, как космический корабль, артефакт из другого мира. Знакомый в каждой детали, но совершенно загадочный.

Пока луна перемещалась по небу, шеф полиции пытался понять непознаваемое. Что-то не так с этой машиной, где-то среди обломков таится ответ, который он не может нащупать.

Он словно провалился в портал между мирами.

У кого есть ресурсы для создания автомобиля-призрака? Кто может сделать так, чтобы машина дернулась влево, потом вправо, и вылетела через перила моста?

Утром должен был приехать техник из Лулео и осмотреть машину. Требование Викинга было воспринято с большим скепсисом. Это уже нечто из ряда вон выходящее, никто не посылает технических экспертов в случае обычного аквапланирования. Викингу пришлось побороться. Он намеревался рассказать технику о том, что именно следует искать, не раскрывая того, в чем был глубоко убежден.

И еще ему обязательно надо разыскать ту пару, что ехала во встречной машине. Возможно, они что-то видели, обратили внимание на то, что пропустила мокрая женщина.

Он закрыл глаза.

Казалось, машина смеется над ним, и смех эхом разносится среди бетонных стен.

ЗИМА 1986 ГОДА

Практика шла полным ходом. Викинг разъезжал с нарядами по Норрмальму, Матс по Сёдермальму. Франк Нильссон попал в полицию метро.

Когда пришел Викинг, оба друга уже сидели за столиком в кафе, Матс с бадьей кофе и булочкой, Франк с бокалом пива.

– Эти гребаные приемы, которым нас обучают на тренировках, ни черта не работают, – сказал Франк. – Я проверил все три, они бесполезны. Вы пробовали?

Викинг уселся за стол с бисквитом и лимонадом. Матс кивнул.

– Знаю, они вырываются, и все.

– Позавчера мы хотели задержать наркомана, – начал рассказывать Франк, – явно под кайфом, и я подумал – чего тут, черт подери, я же вешу девяносто. Запрыгну на него, да и все. Но вышло так себе. Жуть, как я больно ударился.

Викинг рассмеялся.

– Надо было записаться в секцию единоборств, – ответил Матс. – Изучить основы с самого начала. Это лучший путь, так просто нельзя.

– Согласен, – подхватил Франк. – Запиши меня.

– И меня, – откликнулся Викинг.

– Стало быть, это уже стало моим заданием? – спросил Матс. – Найти курсы дзюдо для начинающих?

– Поздравляю, – сказал Франк и отпил глоток пива. – Вам приходится платить штраф, если вы не доели свою еду?

– Ты о чем? – удивился Матс.

– В метро у полиции масса правил. Например, не отвечать общественности, если они задают вопросы, просто указывать рукой туда или сюда и перенаправлять их дальше.

– Звучит разумно, – откликнулся Матс. – Мы ведь им не экскурсоводы.

– Девчонкам тяжело, – сказал Франк. – Им очень достается.

В патруле у Викинга, группа 1230, была одна женщина. Насколько мог наблюдать Викинг, она выполняла ту же работу, что и остальные, и обращались с ней, как со всеми. Матс, работавший с группой 3230 на Сёдермальме, потряс головой.

– Девушки у нас в Сёдере отличные, – сказал он. – И я не замечал, чтобы у них возникали проблемы, но наверняка случается всякое, чего мы не видим.

Словно по сигналу они с Викингом одновременно посмотрели на часы. У Франка же был выходной, он взял себе еще пива.

– Кстати, у меня к тебе вопрос, – сказал Франк Матсу. – Правда, что в апреле ты будешь в СЭПО?

– Точно так.

– Стало быть, у тебя допуск совсем другого уровня, нежели у нас, простых смертных?

Матс поднялся.

– Я кристально честный гражданин высочайшей морали, в отличие от бывшего журналиста вечерней газетенки.

– Кстати, Анна отказалась от своей комнаты, – сказал Франк. – На выходные переедет ко мне.

– Полицейская академия оправдала свое название, – сказал Матс, намекая на эпитет «Love School».

Они с Викингом вышли из кафе одновременно и разошлись по своим рабочим местам.

Солнце уже клонилось к закату, когда Викинг, потопав ногами, чтобы отряхнуть снег, вошел в участок на улице Брюггаргатан. В узеньком шкафчике, который ему выделили, висели кожаная куртка, пуленепробиваемый жилет, шапка и перчатки. Повесив туда свою гражданскую куртку, он надел на себя униформу и отметил произошедшие с ним изменения. Португея поперек груди, блестящие отражатели. Жесткость жилета, тяжесть ботинок. Пояс с дубинкой и пистолетом в кобуре. Все это каким-то загадочным образом на него влияло. Он как будто становился больше. Плечи сами собой распрямлялись, у него появлялась характерная походка опытного полицейского. Он становился как отец.

Купив в автомате бутылку кока-колы, он зашел в общую кухню, чтобы перелить ее в кофейную кружку. Слышал, как один за другим появляются коллеги, готовясь к выезду.

– Послушай, лисенок, заряди кофеварку, если вылил себе остатки, – сказал коллега Боргстрём, оперативный координатор. Эти слова он произнес с улыбкой, похлопав Викинга по спине. Боргстрём знал его отца и утверждал, что тот отличный мужик. Для Викинга это было своего рода признание, хотя он не был полностью согласен.

Он зарядил кофеварку. Не сложнее, чем поменять сцепление в машине.

Будучи «лисенком», то есть практикантом, он выполнял те же функции, что и другие полицейские в группе, с оружием и такими же правами, что и постоянные сотрудники. На самом деле его не должны были задействовать как ресурс – предполагалось, что он просто будет выезжать с ними и учиться, но в действительности это так не работало.

В тот вечер, 28 февраля, их было шестеро, они заступили на смену с шестнадцати часов до полуночи. Кристер, его инструктор, был

старшим офицером в Норрмальме. Он руководил вечерним выездом и расстановкой на посты.

– Послушайте, парни, – начал он, обращаясь к десятку полицейских, собравшихся для летучки перед началом смены. – Пятница, день зарплаты – народу в городе будет уйма. Весь день стоял мороз, как на Северном полюсе, и вечером станет еще холоднее, так что обращайтесь внимание на алкашей. Если кто где завалится, замерзнет насмерть...

Кто-то из коллег что-то пробормотал про естественную убыль, что вызвало редкие смешки.

Поговорили о текущей работе, идущей параллельно с задержаниями. Отдел по борьбе с наркотиками собирался во второй половине дня проводить операцию на площади Сергеля – возможно, им потребуется подкрепление.

Двадцать минут пятого они упаковались в автобус. Лена сидела за рулем, Кристер рядом с ней с рацией в руке. На втором сиденье Викинг и Ульф, на заднем Кент и Пер. Неделя была наполнена событиями, но Викингу нравилось. Это была последняя смена перед выходными – остальные, похоже, были этому рады.

Первый сигнал поступил еще до того, как они успели свернуть на улицу Васагатан – ссора в квартире на Ванадисвеген. Позвонили соседи – сказали, звуки такие, что, похоже, на этот раз он ее убьет.

Включив мигалки, они понеслись туда, пересекая поток едущих из центра.

Крики женщины и детей смешивались с ревом мужчины и доносились до первого этажа. Викинг открыл дверь лифта на первом этаже, чтобы им нельзя было воспользоваться. Кент взял с собой инструменты для вскрытия двери, но это не понадобилось – в конце концов дверь им открыл заплаканный светловолосый малыш.

У женщины шла кровь из носа, рта и одного глаза. Одна нога под ней подломилась под странным углом. Мужчина не мог взять в толк, что тут делает полиция. Он не собирался никуда с ними ехать. Свою жену он не бил, они дискутировали – что, уже и поговорить нельзя с супругой, сразу ищейки вваливаются? Лена вызвала скорую, потом позвонила дежурному в социальную службу. Мужчина вел себя все более агрессивно, пока Пер пытался уговорить его пойти с ними. Викинг вспомнил слова Франка о том, что три приема, которым их

обучали в академии, не срабатывают. Его опыт подсказывал ему то же самое. Так что он просто схватил мужика и вынес его из квартиры. Патрульная машина 1490, выехавшая навстречу, забрала его и увезла в кутузку.

– Он на самом деле не такой, – прошептала женщина Викингу, уже лежа на носилках, когда ее несли в машину скорой помощи. – Только когда я его провоцирую.

В половине двенадцатого, когда Викинг заправлял автобус на заправке у Норра Банторгет, поступил сигнал о выстрелах на Свеавеген^[11].

26 августа 2020 года, среда

На краю болота стоял странный камень. Высотой в полметра, шириной в метр, зеленый и плоский посередине, с возвышающейся задней частью.

Викинг обнаружил его через год после исчезновения Хелены. Много часов он прошел по мокрой земле, промерзший, с тяжестью на душе и в теле, когда перед ним внезапно вырос этот камень. Викинг опустился на него, как в кресло, и обрел покой, созерцая пейзаж перед собой. Неподвижную гладь болота, как она виделась под таким углом зрения. Он нашел туда дорогу и в следующий раз. И в следующий. Потом даже стал брать с собой что-нибудь, что можно подложить под себя – сидушку или подстилку.

Иногда, когда мысли убегали куда-то далеко, он больше размышлял о камне, чем о жене.

Как получилось, что этот валун оказался именно здесь? На краю болота, повернутый к его зеркально-гладкой поверхности? Такого материала нигде поблизости нет – по крайней мере, он ничего такого не заметил.

Кто-то специально поместил его здесь? Велел привезти его сюда по кочкам и болотистой земле, чтобы сидеть и созерцать болото? Возможно, еще тысячу лет назад... Чтобы помнить или чтобы забыть?

Или же это ледник притащил с собой валун и бросил здесь, двигаясь назад к горному массиву Сулительма? Такая версия наиболее вероятна.

Но откуда он взялся?

Откуда может происходить зеленоватый камень такого рода?

Или что-то придало ему этот цвет – пожар или время, или же человеческая зависть?

Как бы то ни было, Викингу нравилось там сидеть. Камень был удобной высоты и имел нечто вроде небольшой спинки. Обмазавшись средством от насекомых, он обычно выдерживал довольно долго, прежде чем его окончательно заедали комары или же начинался дождь, что случалось чаще всего.

Обычно он разговаривал с ней. Поначалу только в мыслях, потом шепотом. Потом стал говорить громко, обращаясь к окрестностям, и прислушивался в надежде услышать ее ответы. Он слышал их в жужжании насекомых, шуршании крыльев стрекоз, хоре пеночек и мухоловок.

Однажды его застали за этим занятием знакомые Сив Юханссон, ходившие на болото собирать ягоды, и сообщили маме Карин, что Викинг совсем умом тронулся на болоте Кальмюрен.

Его заставили прекратить. Заставили дать слово, что он больше не пойдет на Кальмюрен, – и он его держал.

До сегодняшнего дня.

Сегодня он не захватил с собой сидушку. Проклятый камень был жесткий и врезался в спину. И с ней он не разговаривал, потому что знал – она солгала. Она только притворялась, хотя, по сути, он сам во всем виноват. Все эти годы его жестоко обманывали. Горе, боль, неприкаянность. Струя тьмы в Элин. Все это оказалось чудовищным блефом.

Ощущение предательства было такое же бездонное, как и трясина.

И сейчас реальность снова не на его стороне. Ничто не указывало на то, что произошло что-то предосудительное.

Технический эксперт из Лулео не нашел ничего странного в останках машины Ханса-Улова Оскарссона. У «Ауди» возникло аквапланирование, другие выводы неактуальны.

Среди фактов в деле было указано, что спидометр застрял на семидесяти семи километрах в час – такую скорость имело транспортное средство, когда двигатель разбился о перила моста. Технический эксперт, восходящая звезда с пирсингом в носу, не мог скрыть раздражения по поводу того, что ему пришлось тащиться в Стентрэск из-за какого-то несчастного случая. Викинг задал уточняющие вопросы по поводу контроллера – не подвергся ли он постороннему воздействию.

– Воздействию? – переспросил парень со звездочкой в носу. – Контроллер находится в моторном отсеке. Ты видел, в каком он состоянии?

Да уж, Викинг знал, где находится контроллер – большую часть ночи он провел, разглядывая моторный отсек, вернее, то, что от него осталось. Кроме того, его интересовало, не обнаружил ли техник в

машине посторонних предметов, которых там быть не должно. Передатчика с блютусом, например.

Теперь Звездочка-в-носу уже не раздражался, а скорее встревожился.

– Это современная машина, – пояснил он Викингу. – У таких очень часто есть блютус для использования громкой связи в автомобиле, это практически стандарт.

Викинг выдвинул требование, чтобы остатки контроллера от машины переслали в Центр криминалистики для дальнейшего анализа, может быть, не в Линчёпинг, но хотя бы в филиал в Умео, но на этом у Звездочки-в-носу лопнуло терпение. Парень собрал свои вещи и убыл обратно в Лулео.

Стало быть, это не машина-призрак.

Ему удалось дозвониться до пенсионеров, ехавших во встречной машине, они были из Коштреска, он побеседовал с каждым из них по отдельности. Они не заметили, чтобы «Ауди» дернулась на проезжей части, прежде чем пробить перила. Выглядело как аквапланирование, сказали они.

С другой стороны, они говорили о «красной машине» – должно быть, второй машине, шедшей навстречу. «Ауди» была серебристая.

Кроме того, Викинг изучил вопрос о создании шведских персональных номеров и проблем с переходом на компьютеризацию. Четыре последние цифры после даты рождения сопровождали каждого шведа от колыбели до могилы. До 90-х годов по первым двум цифрам можно было узнать, где именно человек родился – цифры от 00 до 09 обозначали Стокгольм, 10–13 – Стокгольмский регион, и далее, как круги по воде. Чем больше цифра, тем дальше от центра. Его собственный номер с цифрами 89 показывал, что он родился максимально далеко от столицы, в Норрботтене. Единственные, у кого были цифры еще больше – это мигранты, они оказывались в промежутке от 93 до 99, и именно поэтому указатели на место рождения в начале 90-х были отменены. Сочли, что это дискриминация. Когда в 1990 году всю систему компьютеризировали и синхронизировали по всей стране, выяснилось, что примерно у восьми тысяч шведов персональные номера идентичны. Вероятно, кто-то забыл вычеркивать те номера, которые кому-то уже выданы, или просто записал неверно. Несмотря на это, все прекрасно работало

более пятидесяти лет – может быть, персональные номера у людей и были одинаковые, но имена-фамилии разные, да и жили они по разным адресам.

Поэтому тот факт, что в персональном номере Хелены одна цифра неверна, вовсе не обязательно что-то означает.

Викинг поднялся с камня, отряхнул сосновые иголки, прилипшие к заднице, и окинул взглядом Кальмюрен. Болото молча смотрело на него.

Ее там нет.

Все песни белыми летними ночами пел ему кто-то другой.

Тильда Йорансдоттер прибыла в полицейский участок Стентрэска за десять минут до назначенного времени, что указывало на боязливость и желание угодить. Карина Бюрстранд попросила ее присесть на деревянную скамейку в холле. Шеф полиции сейчас ее примет.

Сидя в своем кабинете с открытой дверью, Викинг слышал их обмен репликами. Посмотрел на свои заметки и выписки, данные об отслеживании мобильных телефонов и выводы из них, взял лист с личными данными молодой женщины. Тильда Мальва Фредрика Йорансдоттер, 2000 года рождения. Только что вышла из подросткового возраста. Родилась в Стентрэске. С прошлого лета прописана на улице Боргаргатан в Арвидсьяуре. Сейчас в отпуске, приехала навестить родителей. Ну пусть посидит, по-маринуется немного.

Закрыв дверь, он позвонил на коммутатор Министерства иностранных дел. Изложил суть дела, не уточняя, что он полицейский. Его переключили на начальника канцелярии.

– Сверкер Исакссон? – переспросил чиновник министерства. – Без проблем, списки сотрудников посольств – это открытые данные. Где он работал?

– В 1962 году он был в Дохе, – сказал Викинг. – Потом его перевели в Бангкок. Потом работал в Анкаре и Найроби. Возможно, и еще где-то, но про эти места я не знаю.

– И вы хотите узнать?..

– Существовал ли Сверкер Исакссон в одном из этих посольств в какой-либо момент времени.

Странный запрос, он и сам это понимал. Начальник канцелярии воспринял все это с исключительным дипломатическим спокойствием.

– Хочу лишь предупредить, что в посольствах и консульствах часто работают сотрудники из других организаций, – сказал он. – Это могут быть люди из Sida, других департаментов, АФБ...

– АФБ?

– Академия Фольке Бернадотта – это агентство мира, безопасности и развития. Иногда люди бывают прикреплены к посольству на время какого-либо проекта или культурного мероприятия, к тому же все представители торговых организаций и местные сотрудники. Вероятно, не все они у нас на сто процентов учтены, особенно когда прошло некоторое время. В этом случае лучше связаться напрямую с различными организациями, чтобы получить детальную информацию.

Викинг поблагодарил за помощь.

– Хотя подождите, – сказал начальник канцелярии. – Вы сказали, что он находился в Дохе, в Катаре? Когда это было?

– В начале шестидесятых.

– Если я правильно помню, в то время Катар подчинялся посольству в ОАЭ, но я проверю...

Он пообещал перезвонить.

Викинг вышел в кухню.

За ночь умер еще один пострадавший в перестрелке в Тенсте. Третьего утром отпустили из больницы. Уже пошли разговоры о мести. Викинг подумал о коллегах из Ярвы, об их суровых буднях. О ветрах, пронсящих между высотными домами и парковочными гаражами. О запахе свежескошенной травы и музыке, доносившейся из парикмахерского салона у метро.

Итак, теперь речь идет о двойном убийстве. Где граница, чтобы заговорили о массовом убийстве? Сколько должны убить – троих? Или это все еще тройное убийство? Наверное, четверых. О четверном убийстве он никогда не слышал.

Достав из автомата кока-колу, он перелил ее в стакан для кофе, застегнул форменную куртку и попросил Карину пригласить свидетельницу. В голове гудело от недосыпа.

«Боже мой, – подумал он, когда Тильда Йорансдоттер переступила порог, – это же ребенок!» Раскрасневшиеся щеки, округлившиеся

глаза, беспокойные руки. Она постоянно перебирала тканевый шопер.

– Садитесь, пожалуйста, – предложил Викинг.

Она присела на стул по другую сторону от его письменного стола, приземлилась немного криво, но устраиваться поудобнее не стала.

– Это она, расистка? – спросила Тильда Йорансдоттер и бросила взгляд через плечо в сторону коридора, где только что скрылась Карина Бюрстранд.

Администратор входила в муниципальный совет Стентрэска от партии Шведские демократы^[12], активно работала в комиссии по культуре. О ней часто писали местные газеты, в социальных сетях она считалась весьма непопулярной.

– Какой ужас, – проговорила Тильда, – что они работают на самой обычной работе. Всех их надо гнать вшаей.

Карина Бюрстранд и Викинг всю школу отучились в одном классе. Ему не нравились ее политические взгляды, однако он никогда не слышал, чтобы она ставила под сомнение право своих оппонентов зарабатывать себе на жизнь. Да, похоже, с толерантностью и у тех, и у других проблемы.

Склонившись над столом, он включил допотопный магнитофон, стоявший рядом с телефоном. В аппарате по-прежнему использовались кассеты, что прекрасно работало. Викинг не понимал всеобщего ажиотажа по поводу цифровизации.

– Допрос свидетеля Тильды Йорансдоттер, полицейский участок Стентрэска, 26 августа 2020 года, время 13.20, ведет допрос Викинг Стормберг.

Он устремил строгий взгляд на юную женщину, сидящую перед ним, отметил, как глаза у нее еще больше округлились, а руки замерли на шопере, лежащем на коленях.

– Итак, мы допрашиваем вас для сбора сведений по поводу преступления, совершенного в этом муниципалитете некоторое время назад. Насколько я понял, вы работаете официанткой в отеле «Лапония» в Арвидсьяуре. Как давно вы там работаете?

– С февраля прошлого года.

– Вы были знакомы с кем-либо в Арвидсьяуре до того, как начали там работать?

Она задумалась на несколько мгновений.

– У меня есть троюродный брат в Клэппене, – ответила она. – Таксист. Хотя я его не очень хорошо знаю, ему типа за тридцать.

Викинг взял другую бумагу.

– Если я правильно понял, вы состоите в отношениях с одним из солдат, проходивших службу в егерском полку К4 в этом году. Неким Каспером Османом.

Теперь она слегка поерзала, усевшись поудобнее, расправила плечи.

– А это здесь при чем?

– Пожалуйста, отвечайте на вопрос.

Она откашлялась.

– Да, это мой... мы встречаемся.

– И как давно у вас с ним отношения?

Она заложила за ухо прядь волос, во всем ее облике чувствовалась гордость.

– С прошлого лета.

– Где вы познакомились?

– Он пришел в паб со своими друзьями.

– С остальными срочниками?

– Это называется «военнослужащий».

Викинг приподнял брови. Детский сад теперь называется не садиком, а дошкольным учреждением, это ему объяснила Юсефин. Работают там не воспитательницы, а педагоги. Уборщицы стали мастерами чистоты, а срочники – военнослужащими. Страшно даже подумать, как теперь называются шоколадные шарики.

– А что произошло, когда он дембельнулся? – быстро спросил Викинг.

Волосы рассыпались, упали ей на лицо.

– Что вы имеете в виду?

– Вы по-прежнему вместе?

– Ясное дело.

Теперь ее голос звучал более уязвимо.

– Где он сейчас?

– Поехал домой в Тенсту, у него там масса дел, но Каспер обожает Норрботтен. Возможно, переедет сюда.

Викинг разглядывал юную девушку. Доверчивость, наивность. На мгновение увидел себя в своих отношениях с Хеленой. Любовь к

интересной личности – ведь она приехала из других мест, но заметила его, выбрала его.

– Вы слышали о краже оружия в Польберге? У Юхана Бьёркмана?

Она пожала плечами.

– Ясное дело. Об этом все знают.

– Вы с Каспером обсуждали кражу оружия?

Она моргнула несколько раз.

– Что? Типа по телефону?

– Например.

Она задумалась.

– Не думаю, – ответила она.

– А раньше вы с Каспером разговаривали о Юхане Бьёркмане? О том, что у него дома хранится оружие, поскольку он командир подразделения самообороны и охотник?

Круглые глаза округлились еще больше.

– Да-а, может быть, точно не знаю, – ответила она. – Мы разговариваем друг с другом обо всем на свете.

– Вы ему доверяете?

– Само собой! Он моя вторая половинка.

Ох ты боже мой.

– Вы рассказывали Касперу, где именно живет Юхан Бьёркман? И какое оружие хранится у него в сейфе?

Теперь у нее сделалось обиженное лицо.

– Я понятия не имею, какое у него оружие, откуда мне это знать?

– Однако вам известно, что он в самообороне? И охотник?

– Но ведь об этом все знают! Почему вы меня об этом спрашиваете?

Викинг приподнял брови.

– Стало быть, вы проинформировали своего бойфренда о Юхане Бьёркмане, о том, где он живет, и о том, что у него хранится целый ряд разного рода оружия, я правильно понял?

– Но ведь... то есть, не в этом смысле... Каспер бы никогда...

Викинг молчал, наблюдая, как осознание очевидного медленно укладывается в голове молодой женщины.

– Вы хотите посадить его! – с возмущением воскликнула она. – Вы охотитесь за ним только потому, что он мигрант! Пытаетесь отыграться на приезжих! Проклятые свиньи!

Она попыталась встать.

– Сидеть, – сказал Викинг. – Мы еще не закончили.

– Я с вами уже закончила, – заявила девушка, но села на место.

– Вы все расисты, – выпалила она. – От первого до последнего.

Трижды проклятая айна.

Теперь она рассердилась. И испугалась.

– Как вы думаете, Каспер может быть замешан в преступлении? – спросил Викинг.

Ответ последовал мгновенно.

– Точно нет.

– Почему?

– Он никогда не совершил бы ничего подобного. Никогда.

Вокруг блестящих, как сталь, глаз появился красный ободок. Она искренне верила в то, что говорила. Как мало мы знаем о тех, кого любим! Видим только то, что хотим видеть. Полностью раскрываемся, говоря о самых бытовых вещах.

Викинг постучал пальцами по пачке листов с распечатками из списка Матса Викандера.

– Твоя кузина Йессика – она ведь любит собак, не так ли?

Тильда Йорансдоттер открыла рот, но тут же закрыла снова.

Викинг провел рукой по лбу.

Каспер Осман инициировал и осуществил взлом и кражу оружия в Польберге. Как именно, пока не удалось доказать, но Каспер Осман был очень хорошо осведомлен. Благодаря Тильде он даже знал, когда Юхан Бьёркман уезжает – с его собаками оставалась кузина Тильды.

Перегнувшись через стол, Викинг отключил магнитофон.

– Такое дело, Тильда, – негромко проговорил он. – Оружие, украденное в Польберге, использовалось в перестрелке, где были убиты два человека. Мы знаем, что украл его Каспер, а навела его ты. То есть ты соучастница в двойном убийстве. Ты знаешь, сколько лет тюрьмы тебе положено?

Она побелела как полотно.

– Это... – прошептала она. – Это неправда. Каспер бы никогда. Никогда. Он такой.

– У Каспера есть брат по имени Юнас, не так ли?

Она стала ловить ртом воздух.

– И еще, – произнес Викинг. – Ни в коем случае не рассказывай Касперу, что ты сегодня разговаривала со мной. Для тебя это смертельно опасно. Если «Тенета Х» подумает, что ты их заложила, тебе несдобровать.

Ее взгляд метался, она прерывисто дышала.

– О чем вы... что?..

– Юнас работает на «Тенста Х», ты слыхала о них? Ясное дело, слыхала. Знаешь, что они делают с теми, кто проболтался полиции?

Из глаз у нее хлынули слезы.

– Вы ошибаетесь, – прошептала она. – Каспер любит меня.

– Может быть, и любит, но в данном случае он тебя использовал. Если ты расскажешь мне, здесь и сейчас, что ты сказала Касперу про оружие, хранящееся у Юхана Бьёркмана, я сделаю так, чтобы этот допрос засекретили. О нем будут знать только прокурор и мои коллеги.

– Но я не уверена, что.

– Постарайся вспомнить.

Она разрыдалась, слезы закапали на тканевый шопер. Он ждал. Наконец она выудила из шопера бумажный носовой платок и высморкалась.

– Я сама не знаю, что я ему сказала, – прошептала она. – Не помню.

Викинг молча ждал.

Моросил мелкий дождь, когда Викинг приехал в Видсель и припарковал машину перед желтым, с белыми ставнями, домом семьи Оскарссон. В кухне и еще в двух окнах – предположительно спальнях – горел свет. Он задался вопросом, как вдова поступит с домом – продаст или останется на прежнем месте, как поступил он. Пойти дальше или жить среди воспоминаний?

Мысль огорошила его.

Стало быть, вот что он сделал – задержался в прошлом?

Он не мог вспомнить, чтобы в какой-то момент активно принял решение остаться. Просто так получилось – и это тоже своего рода выбор. Зависнуть, ничего не меняя.

Анна Оскарссон видела, как он выходил из машины, и поспешила открыть дверь еще до того, как он позвонил. Лицо у нее потемнело от слез и недосыпа, глаза смотрели пристально и с подозрением.

– Что-нибудь случилось? – спросила она.

– На самом деле ничего, – ответил Викинг. – Я просто хотел сообщить о результатах технической экспертизы автомобиля.

– Проходите, – сказала она, плотнее запахиваясь в кофту.

Они остановились в прихожей. Вокруг его ботинок образовалась небольшая лужица. Из дома доносились звуки компьютерной игры, Викинг слышал, как визжат тормозами и врезаются машины.

– И что она показала? – спросила Анна Оскарссон.

– Ваш муж стал жертвой аквапланирования, – ответил Викинг. – На мосту он потерял управление. Ехал он не особенно быстро, всего 77 км в час, так что он не гнал. Это произошло не по его вине. Я просто хотел, чтобы вы это знали.

Она опустила голову и заплакала, всхлипывая, закрыв лицо руками. В прихожую поспешно вышел старший сын, обнял мать за плечи, бросил на Викинга недобрый взгляд.

– У меня к вам маленький вопрос, – сказал Викинг. – Он касается машины – где она стояла в ночь на вторник?

Женщина внезапно перестала плакать.

– На вторник? В последнюю ночь перед... В гараже. А что?

– Гараж был заперт?

Она с удивлением посмотрела на полицейского.

– Не знаю. Думаю, да.

– Слышали ли вы какие-нибудь звуки в ночь на вторник? Может быть, что-то необычное, что вас разбудило?

– Так ведь шел дождь. Кажется, Хассе вставал около четырех.

– И его разбудил дождь, не что-то другое?

– Вы что имеете в виду? – спросила она.

– Вы о чем? – эхом откликнулся сын.

Викинг стоял, широко расставив ноги, опираясь на всю стопу.

– Нам поступило заявление о попытке взлома гаража и, возможно, попытке взлома дома на одной из соседних улиц. Может быть, в ту ночь вы сделали какие-либо наблюдения, которые могут это подтвердить.

– А где? На какой улице? – спросила Анна Оскарссон, тревожно глядя в маленькое окошко прихожей.

– Ханс-Улов проснулся, но вы не слышали ночью никаких странных звуков? Только дождь?

– Я сплю как убитая.

Он поблагодарил и покинул дом. Пошел по дорожке мимо гаража и потрогал дверь. Она не была заперта. Позвонил к соседям с обеих сторон, а также в доме напротив, задал вопросы про подозрительные звуки и прочие наблюдения. Все были дома, никто ничего не слышал.

Теперь группы Видселя в социальных сетях будут захлеб строить предположения о попытках взлома гаражей и домов.

Учреждение группового проживания, где жил Свен, называлось «Транан» и представляло собой двухэтажный дом с садом на окраине поселка. У брата была квартира на втором этаже с кухней, ванной, гостиной и спальным альковом. На первом располагались общие помещения для встреч и занятий. В здании круглосуточно дежурил персонал.

Поставив машину на парковку для посетителей, Викинг поднял глаза на окна Свена. Увидел, что брат сидит у окна за занавеской и смотрит наружу. Викинг помахал ему рукой. Свен отвел глаза, однако спустился ему навстречу, глядя в пол.

– Здорово, дружище, – сказал Викинг. Они обнялись, хотя во время пандемии этого следовало бы избегать. Викинг поздоровался с женщиной, заглянувшей в дверь. Ее он не знал в лицо. Сотрудники здесь часто менялись.

– Чем ты занимался сегодня? – спросил он, когда они осмотрели коллекцию машинок на полке и уселись на диван в гостиной брата. Мебель Свен выбирал сам, диван он захотел с обивкой в цветочек.

– У нас было собрание, – ответил Свен. – Мы поедем на экскурсию. И будем печь торт, потому что у Сигне день рождения.

Цель состояла в том, чтобы каждый проживающий ощущал свою причастность ко всему, что происходит в доме. Жизнь должна была представляться осмысленной и содержательной. Очень неплохое стремление.

– А что вы сегодня выбрали из еды? – спросил Викинг.

– Фрикадельки, – ответил Свен и опустил глаза.

Викинг погладил его по щеке – брату это нравилось.

– Я расскажу тебе одну вещь, но ты, пожалуйста, не пугайся, – сказал Викинг. – Я поеду в больницу на операцию – помнишь, как тебе удаляли аппендицит.

Брат начал заламывать руки, поднялся, встал спиной к Викингу.

– Свен, сядь, посиди со мной.

Но брат отошел к окну, продолжая интенсивно заламывать руки, нервно перетаптываясь на месте. Викинг поднялся, подошел, обнял его. Нижняя губа у Свена дрожала, в глазах был страх.

– Ты же помнишь, как все было, когда тебе пришлось поехать в больницу, – сказал Викинг. – Там все очень добрые.

– Тебе будут делать уколы?

– Наверняка, и даже много. Это немножко больно, но ничего страшного, ведь от них выздоравливают.

– Я не люблю уколы, – сказал Свен.

– Думаю, их никто не любит, – сказал Викинг. – Но я знаю, что ты не боишься ни уколов, ни анализов крови. Я просто хотел рассказать тебе об этом, чтобы ты понял, почему я некоторое время не смогу тебя навещать.

– А на мой день рождения ты придешь?

– Посмотрим, что скажет доктор. Но как только я поправлюсь, сразу приеду, заберу тебя, и мы поедем пирожных в кафе Хольмдаля.

Свен неуверенно улыбнулся.

– Пирожное «Картошка»? – спросил он.

– С большой кружкой какао, – заверил Викинг.

Видсель он покинул со странным чувством.

Полицейское ограждение на мосту возле Видваттнета уже убрали, пробоину в перилах временно заделали. Остановившись на северной стороне, он припарковал машину на площадке у моста, с видом на медленно текущую реку. Не выходя из автомобиля, достал телефон, нашел номер первой свидетельницы – женщины, у которой лицо размазалось от дождя. Ему пришлось звонить три раза, прежде чем она сняла трубку.

– В чем дело? У меня важное совещание.

Голос ее звучал недружелюбно.

– У меня еще один важный вопрос, – сказал Викинг. – И я хочу, чтобы вы подумали, прежде чем ответите.

– Мне больше нечего сказать. Я не совершила ничего плохого.

Викинг заговорил медленно и четко.

– Прямо перед аварией или в связи с ней, на мосту или возле него – вы не помните других машин? Или людей, одного или нескольких?

Он услышал на заднем плане разговоры и смех. Похоже, в важном совещании объявили перерыв на кофе.

- Что? – переспросила женщина.
- Подумайте. Не стояли ли, например, машины на площадке рядом с мостом? На северной стороне?
- На какой площадке?
- К северу от Витваттнета есть площадка с видом на реку.
- Что вы имеете в виду? Что кто-то сидел там и перекусывал? Под проливным дождем?

Поблагодарив ее за помощь, он положил трубку.

В пансионате Стентрэска в последнюю неделю не было иностранцев, кроме норвежцев с Ракетной базы. А вот в отеле в Стурфорсене, как обычно, проживало несколько иностранных групп, занимавшихся испытаниями новых моделей автомобилей. Эти испытания, обкатка новых прототипов автомобильных гигантов, проводились вокруг Стентрэска более пятидесяти лет, но в последнее десятилетие объемы удвоились. Сотни людей и десятки предприятий занимались тестированием новых машин в экстремальных условиях. Викинг где-то читал, что общий оборот по этим испытаниям составлял около полумиллиарда крон каждый год. Здесь имелись все предпосылки для успеха – субарктический климат, огромные пространства в сочетании с высокими технологиями и сервисом.

«Край света, – подумал Викинг. – Последний оплот цивилизации». Широкие асфальтированные дороги, ведущие в никуда, без людей. Поселок словно создан для того, чтобы проводить тест-драйв в необычных условиях и измерять эффект воздействия бомб на различные материалы.

Сидя в машине, он наблюдал, как река обрушивается вниз с водопада Стурфорсен, холодная и суровая, как сталь. На серой поверхности еще сохранялись белые гребни после порога, сильные подводные течения образовывали воронки, которые могли утащить на глубину и человека, и привидение. Гул водных масс постоянно слышался как басистый фон, непрерывная песня бескрайних просторов.

Этот звук он носил в себе, словно вибрацию где-то в позвоночнике, слышал его в своих детях, и своей матери, и, как ему казалось, в Хелене тоже. Когда он лежал, обнимая ее угловатое тело, вдыхая ее солоноватый запах, то и в ней ощущалась эта вибрация, эта дрожь, этот крик – песня севера, доступная только посвященным. Тем,

кто знал тьму так же хорошо, как и свет, ледяной мороз и нестерпимую духоту. В Хелене звучала эта песня, он верил, что мелодия поселилась в ней, и они будут вибрировать вместе. В понимании сути вещей и данности, сделав выбор – прожить всю жизнь с одним-единственным человеком, в каком-то месте, в какой-то исторический момент, лишенный особого значения. Он ощущал это в песне – как он существует здесь ради самого себя и своих близких, не влияя на мир никак иначе, лишь на краткий миг занимая свое место, а она была рядом, звонкий голос в общем хоре вместе с его голосом. А то, что она теперь поет из болота, ничего не меняет в этой песне – так он думал, смирившись со своей судьбой.

Зазвонил его мобильный телефон.

Это был начальник канцелярии Министерства иностранных дел.

– Я не нашел никаких данных о том, что в нашем министерстве с начала шестидесятых и далее работал бы человек по имени Сверкер Исакссон, – сообщил он. – И в ОАЭ такой не значился. Это, впрочем, не означает, что он не работал в каком-нибудь посольстве. Он мог подчиняться другому ведомству или работать в торговой организации.

Викинг поблагодарил его за помощь.

По пути обратно он заехал в отель «Стурфорсен» и попросил дать ему регистрационные карточки всех иностранных постояльцев за прошедшую неделю. Администратор знала, кто он такой, была в курсе законов и правил, а потому возражать не стала.

Иностранцев было всего восемнадцать.

– Кто-нибудь из них выехал во вторник?

Да, группа немцев, приезжавших для тестирования автомобилей. Трое мужчин, из Лейпцига.

– Вы снимаете копии с паспортов? – спросил Викинг.

Да, по правилам копии снимаются всегда. Викинг попросил дать ему копии, и с этим тоже проблем не возникло.

Усевшись в машину, он уставился на портреты троих мужчин. Всем около сорока. Тяжелые, ничего не говорящие немецкие имена. Пустые, лишенные выражения глаза, отсутствующий взгляд.

Привидения, как и Сверкер Исакссон.

Дверь ему открыла Юсефин. Снаружи уже стемнело. В свете уличного фонаря ее лицо показалось ему совсем белым. Она была заплаканная.

– Тихонько, – попросила она. – Эллиот только что заснул, сегодня его было совершенно невозможно уложить.

Викинг беззвучно снял ботинки и повесил форменную куртку на вешалку в прихожей.

– Ты ел? – негромко спросила невестка, когда он вошел в кухню. – Есть паста с томатным соусом.

За кухонным столом, уставившись на свои руки, сидел Маркус. Свет от люстры падал ему на затылок. Звенела и булькала посудомоечная машина.

– Нет, спасибо, – ответил Викинг. – Мне бы стакан воды.

Во рту у него пересохло. Юсефин поставила на стол графин и три стакана, села рядом с мужем. Свет лампы освещал ее руки, но лицо скрывалось в полумраке.

– Что происходит? – спросила она из тени. – Кто нас фотографирует? И угрожает Маркусу?

Викинг глубоко вздохнул – стало быть, ей известно и о втором письме.

– Не знаю, – ответил он.

– Только не говори, что это несчастье – случайность, – сказала тень.

– Это было аквапланирование. Ханс-Улов Оскарссон потерял управление на мосту возле Видваттнета и пробил перила.

Маркус резко поднялся, подошел к холодильнику и открыл дверцу. Остался стоять, глядя на его голубоватые внутренности, пока не запустился агрегат, так что весь холодильник затрясся. Закрыв дверь, так ничего и не взяв.

– Хассе был очень добр ко мне, – проговорил он, не поднимая глаз. – Он ввел меня в курс дела, когда я пришел в отдел, тогда он был там системным инженером. Весь первый год я проработал вместе с ним...

Он снова сел на стул, налил себе стакан воды и залпом выпил.

– Дела у него шли не супер, Хассе считался не самым сообразительным. Хотя дома у него все было хорошо, крепкая семья и все такое. Но я знаю, что он очень обиделся, когда мне поручили вести этот самый проект. Что я его обошел, в том числе по зарплате. И он так обрадовался, когда проект достался ему. Никогда не видел его таким счастливым.

Маркус посмотрел на Викинга.

– И я его не предупредил.

Юсефин подалась вперед, в круг света, взяла Маркуса за руку.

– А что ты мог ему сказать? «Мне пришло странное письмо, откажись от этого предложения?»»

Маркус снова поднялся, оттолкнув ее руку.

– Я мог бы хоть что-то сказать! – крикнул он. – Что это опасно!

– Т-с-с! – сказала Юсефин, но все уже произошло. К гулу посудомоечной машины прибавился заспанный крик Эллиота. Стиснув зубы, невестка ушла в сторону детской.

Некоторое время они слышали, как она уговаривает сына и поет ему колыбельную.

– Ты знаешь, кто это, да? – спросил Маркус. – Знаешь, кто это написал.

– Куда ехал Ханс-Улов? – спросил Викинг. – Тебе это известно? Почему он направлялся на юг?

– Ты не ответил на мой вопрос.

– Потому что я не знаю.

– Это кто-то на работе? На базе? Но почему? И как они это подстроили? Аквапланирование! Не лги мне!

Сын смотрел на него с упреком, под глазами у него пролегли темные круги.

– Я точно не знаю, – ответил Викинг. – Ни кто писал письмо, ни от чего погиб твой коллега. Официально в его смерти нет ничего необычного, все расследовано и выяснено, но меня это не убеждает. Я пытаюсь понять, что произошло, но пусть это останется между нами. Никому из нас не будет пользы, если мы будем говорить об этом вслух.

Маркус уставился на него.

– Что ты имеешь в виду?

Викинг бесшумно вдохнул.

– Если это не несчастный случай, – произнес он совсем тихо, – было бы исключительно глупо с нашей стороны кричать, что мы об этом знаем. Не так ли?

Маркус звучно сглотнул.

– Это она, да? Мама. Она не умерла.

– Я не знаю, – произнес Викинг.

– Ты ничего не знаешь, черт подери, – выпалил Маркус. – Даже не знаешь, жива ли твоя гребаная жена или нет. Ты вообще о ней что-то знал? Почему она захотела быть с тобой? Зачем переехала с тобой сюда, в эту чертову дыру посреди тундры?

Викинг сидел неподвижно, слова причиняли ему боль. Потом он кивнул.

– Зачем Ханс-Улов ехал на юг? – спросил он.

– На совещание в F21 в Лулео, по поводу QATS.

– Кому это было известно?

– Всем. Всем, кто имел отношение к проекту.

Викинг поднялся, вышел в прихожую, надел ботинки и форменную куртку. Маркус открыл банку пива и пил, стоя возле мойки, когда Викинг снова заглянул в кухню.

– Последний вопрос, – произнес он. – Кого теперь назначат руководителем проекта?

Маркус допил пиво и положил пустую банку в мойку.

– Этого я тебе не могу сказать. Это секретные сведения.

– Понимаю. Все равно скажи.

– Анну Берглунд.

ОСЕНЬ 1987 ГОДА

Путь на машине до Стентрэска занял четырнадцать часов – впрочем, они трижды останавливались, чтобы перекусить. Машину вели по очереди, хотя у Хелены не было прав. В случае чего могли сказать, что она учится. В отличие от него самого в детстве, Маркуса не укачивало, – какое невероятное везение!

И сынишка, и Хелена спали на заднем сиденье, когда Викинг свернул на дорожку к дому мамы Карин и выключил зажигание. Мир погрузился в тишину. Двигатель пощелкивал. Затекшие ноги, боль в плечах. Снаружи почти совсем стемнело. Лишь за горами догорала узкая красная полоса.

Он открыл дверь машины. В лицо ударил насыщенный запах преющей листвы, на мгновение его охватило мощное и внезапное отчаяние.

В Стокгольме трава и деревья по-прежнему были зеленые. Он уехал от лета, которое научился ценить, чтобы на большую часть года запереться в холодильнике: темень и холодина.

– О, мы уже приехали!

Хелена умела потянуться, как кошка – так же невероятно гибко и радостно. Выпрыгнув из машины, она открыла заднюю дверь с другой стороны, отцепила ремни детского кресла и взяла Маркуса на руки.

– Просыпайся, Маркус! Посмотри-ка, где мы? Мы у бабушки! У бабушки Карин и дяди Свена!

Ребенок захныкал, разбуженный от сладкого сна, но тут же успокоился, когда на дорожке появилась Карин.

– Маркус! Бабушкин любимчик!

Она подняла мальчика к темному небу.

– Как здорово, что ты приехал к бабушке! Будешь фрикадельки?

– Фифалельки, – ответил Маркус и весело рассмеялся.

– Какой развитый ребенок! – воскликнула Карин, покачивая его на руках. – Такой маленький, а уже так хорошо говорит!

Викинг не считал, что Маркус в чем-то опережает свой возраст, но промолчал. Достал из багажника чемоданы и пеленальник и занес в дом. Когда он снова вышел, чтобы запереть машину, начался дождь. Большие тяжелые капли застучали по железу и по земле.

Свен стоял в дверях своей комнаты, опустив глаза в пол, сжимая в руке игрушечную машинку. Светлые волосы свисали до плеч большими упругими локонами. Он боялся ножниц и не позволял себя стричь.

– Здорово, дружище, – сказал Викинг, подошел и обнял его. Свен тоже его обнял, спрятав лицо у него на плече.

– Он теперь будет здесь жить – малыш? – спросил он.

Викинг взъерошил ему волосы.

– Нет, ну что ты, – ответил он. – Маркус будет жить со мной и Хеленой. Ведь здесь живете вы с мамой. Что у тебя за машина, покажешь мне?

Свен протянул ему маленькую железную машинку – довольно точную копию «Феррари».

– Почему вы не можете жить здесь, со мной?

– Какая красивая машина! Потому что у нас будет собственная квартира на Кварндаммсвеген. Ты сможешь увидеть мой дом из своего

окна. Пойдем, я покажу тебе.

Они пошли в комнату Свена. Его самые любимые машинки стояли в ряд на полке, остальные лежали в ящике под кроватью. Другими игрушками он теперь уже не интересовался. Все медведи и зайцы обрели новый дом благодаря ярмарке Красного Креста.

– Видишь вон тот кирпичный дом? Там я буду жить. Мы почти что сможем махать друг другу в окно.

Свен покачивался взад и вперед, размахивая руками.

– А она? Она тоже там будет жить? В этом доме? С тобой?

В дверях комнаты Свена появилась Хелена.

– Привет, Свен! Как я рада познакомиться с тобой. У тебя новая машинка?

Свен обернулся, покосился на нее. Потом протянул «Феррари». Хелена театрально ахнула.

– О, какая прекрасная машинка! Вся красная! Можно мне ее поддержать?

Свен положил машинку в ее протянутые ладони. Она с интересом поднесла ее к лицу.

– Что за модель? – спросила она.

– «Феррари тестаросса купе», – снисходительно ответил Свен, показывая, что Хелена ничего не понимает.

– Она быстро ездит?

– Очень-очень быстро, – ответил Свен, забирая машинку.

– Идите ужинать, – позвала их Карин.

Она нажарила фрикадельки из лосятины и приготовила картофельное пюре с маслом и мускатным орехом. Маркус уплетал за обе щеки, а вот Викингу кусок в горло не лез.

– А где Густав? – спросила Хелена.

– Начался сезон охоты на лося, – ответила Карин.

– Они живут в охотничьем домике на горе Польберг, пока не отстреляют большую часть квоты, – пояснил Викинг.

После еды Хелена уложила Маркуса в старой детской кроватке, поставленной в гостевой комнате. Свен ушел к себе, Карин и Викинг сидели на диване, глядя на дождь за окном.

– Завтра в девять вы можете пойти подписать контракт на квартиру и забрать ключи, – сказала Карин.

Викинг кивнул. Его не покидало чувство, что он летит в пропасть.

– Отлично, – сказал он.

– Правда? – спросила мама.

Он тяжело вздохнул.

– Мы не могли жить дальше в Хелениной крошечной двушке, нам было там невыносимо тесно. А найти чего-нибудь побольше не удалось. Просто невозможно!

– А купить виллу было никак?

Он хотел рассмеяться, но стиснул зубы. Люди, живущие в Норрботтене, не могли взять в толк, что даже обычная квартира в Стокгольме стоит несколько миллионов.

– Тебе ведь нравилась твоя работа?

После окончания академии он работал в Норрмальме, ему предложили оформиться в наряд на постоянной основе. Это самая престижная полицейская работа в Швеции. Он отказался.

– Здесь спокойнее, – проговорил он. – И Маркусу здесь будет лучше. Да и у Хелены тут жизнь будет постабильнее, ей не придется ездить работать по разным местам, как раньше...

Он смолк.

– Вы всегда можете изменить свое решение, – сказала Карин.

Густав вышел на пенсию раньше времени. И это все решило. Рухнул его последний аргумент против возвращения – что он не сможет работать с отцом.

– Им удалось что-то выяснить про того мужика, которого нашли мертвым в Стурфорсене? – спросил Викинг.

Карин покачала головой.

– Кажется, нет, – ответила она. – Это будет первое дело, за которое тебе придется взяться.

Викинг поднялся.

– Пойду лягу, – сказал он и поцеловал мать в лоб.

Войдя в квартиру, Хелена ахнула. Восемьдесят семь квадратных метров, три комнаты, кухня и ванная комната с настоящей с ванной. В гостиной окна до полу, свет заливал комнату.

– О боже! – воскликнула она. – Тут все еще роскошнее, чем я думала.

– Судя по всему, только после ремонта, – ответил Викинг, пристраивая в ванной комнате пеленальник.

Ее шаги эхом отдавались в пустой квартире. Она проводила кончиками пальцев по подоконникам и дверным косякам. Зашла в кухню, включила кран.

– И холодильник, и морозильник! – воскликнула она. – И место для посудомойки!

Она вышла к нему в прихожую, запустила руки ему под свитер и поцеловала его.

– Нам здесь будет хорошо, – сказала она.

Он кивнул, но ему хотелось плакать.

– Пойдем, – шепнула она. – Возьми меня в кухне на столешнице.

27 августа 2020 года, четверг

В прежние времена – вернее, до конца прошлого тысячелетия – существовали большая больница в Будене и большая больница в Лулео. Поскольку расстояние между этими городами составляет всего три мили, стало ясно, что больниц многовато – в этом вопросе все стороны, все политические партии были единодушны.

Вопрос заключался только в том, какую из них закрыть, а какую оставить. Много лет по этому поводу шла дикая ругань. В конце концов в неизменной партии власти Норрботтена – Социал-демократической – все настолько переругались, что регион грозил распасться на два лагеря.

Тут на сцену вышел Сильный человек^[13] партии и решил дело. На тот момент он возглавлял муниципальный совет города Питео и обладал безграничной верой в собственные способности. За два миллиарда средств налогоплательщиков он решил попросту закрыть обе больницы и построить новую на полпути между двумя городами. Мощный шаг, чтобы не допустить раскола в партии, и отличный трамплин для его дальнейшего успеха – министр, член правления, директор банка и т. д.

Таким образом, самое современное учреждение здравоохранения в Европе оказалось в чистом поле неподалеку от Сёдра-Сундербюн – небольшого поселка, имевшего до конца 80-х годов отрицательный прирост населения и весьма мрачное будущее.

«Да уж, шведское стремление к компромиссам в своем самом худшем варианте, – подумал Викинг, заезжая на парковку и паркуя машину перед отделением онкологии. – Если никому ничего не достанется, то все будет по справедливости».

Парковка у больницы стоила восемь крон в час, 70 крон в сутки или 180 в неделю.

Викинг не стал платить, направился к главному входу. Он приехал прямо из аэропорта Каллак, поэтому прибыл раньше назначенного времени. Зайдя в кафетерий, он изучил, что там предлагалось: кофе, пироги с разогревом в микроволновке и рулеты, сохранявшие свежесть вот уже десять лет. Взял себе травяной чай с куском пиццы, сухие

хлебцы и обе вечерние газеты. Уселся в самом дальнем конце, максимально далеко от людей и дверей. Он и забыл, как сильно ненавидит больницы. Есть риск, что он протянет ноги от одной жалости к себе.

Он пробежал глазами первые страницы газет. Коронавирус распространялся по Европе. Фильму «Туристическая поездка» исполнялось 40 лет. У подруги кронпринцессы прошел девичник. Кроме того, ему пообещали советы, как избавиться от грибка стопы.

Выбросив газеты в мусорную корзину, он поднялся в отделение и уселся ждать. Задерганная женщина-врач объяснила ему, что будет означать «хирургия в понедельник». Эзофагоскопия, ринофарингоскопия с биопсией и тонзиллоэктомия. Ему пришлось спуститься в лабораторию и сдать кучу анализов.

Из больницы он вышел с таким ощущением, словно его выпустили из тюрьмы.

Под одним из стеклоочистителей торчала квитанция на штраф.

Викинг бросил ее в бардачок. Карина Бюрстранд в понедельник аннулирует.

Он сообщил Роланду Ларссону, что ему предстоит операция, но не сказал, какая именно. Теперь придется всем рассказать. Полицейскому руководству региона, Роланду, маме Карин, Маркусу. Роланду придется взять на себя его работу. Облучения у них в регионе не делают – ему придется переехать в Умео?

Выехав на трассу, он направился в сторону аэропорта Каллак.

Стоянка такси в аэропорту Арланда представляла собой целый муравейник случайных перевозчиков. Викинг читал о наивных туристах, которым приходилось платить десятки тысяч крон, чтобы добраться до центра Стокгольма. Он выбрал одного, логотип фирмы которого был ему знаком, и попросил заранее назвать цену.

– Куда поедет?

Он попросил шофера отвезти его к Ньюбруплан. Молодой парень за рулем забил в таксометр мало-мальски приемлемую сумму и стартовал.

– Домой едете, да? – спросил он, улыбаясь Викингу в зеркале заднего вида.

Неужели Викинг похож на человека, живущего рядом с Королевским драматическим театром? На одной из самых дорогих

улиц Стокгольма.

– Нет, – ответил он и повернулся к боковому стеклу. Мимо пронеслась какая-то стройка – вокруг Арланды все время что-то строили.

– Стокгольм и правда удивительный город, – продолжал парень на диалекте, наводившем на мысль о равнинах Вестйёталанда. – Я учусь в КТИ^[14], прохожу базовый технический курс. Дико интересно. Космос – это мое. Может быть, устроюсь потом на работу в NASA.

– Ну и отлично, – пробормотал Викинг.

– Хотя должен сказать, – добавил водитель, – я ужасно рад, что в эти непростые времена живу в Швеции. А вы тоже ужасно рады?

Викинг закрыл глаза, откинув голову на подголовник.

– От этого так называемого вируса мир совсем сошел с ума, – не унимался таксист. – Слава богу, есть Швеция с ее здоровым отношением – не устраивать локдаун, плевать на коллективное безумие.

Викинг почувствовал, как машина сделала резкий поворот, и выпрямился, чтобы избежать укачивания. Водитель выехал на шоссе, ведущее к Стокгольму. За окнами проносились лиственные деревья, сливаясь в один зеленый ковер.

– Всего несколько глав государств держат голову в холоде и сохраняют спокойствие в разгар шторма, – продолжал таксист. – Болсонаро в Бразилии и Лукашенко в Беларуси, конечно же, Трамп в США и наш Лёвен. Отличные парни.

Викинг посмотрел на водителя в зеркало заднего вида, пытаясь понять, не шутит ли он. Похоже, нет. Зачислив премьер-министра Швеции в одну категорию с психопатами и диктаторами, он, казалось, вполне доволен собой. Пандемия и вправду создала пропасти между людьми, и не только в физическом плане.

– Я хочу отдохнуть, – произнес Викинг.

Шофер бросил на него взгляд в зеркало.

– Только не говорите, что вы из тех, кто собирается вакцинироваться.

Викинг снова закрыл глаза.

– Это все выдумки – про вирус, – сказал шофер. – Это крупный капитал пытается поработить нас. Вот увидите, эта вакцина, которую

они нам навязывают, вставит нам в мозг чип и изменит нашу ДНК. Капитал делает все, чтобы контролировать нас...

«Так глубоко заложена в человеке тяга к миссионерству, – подумал Викинг. – И он наделен способностью обманывать самого себя самыми абсурдными способами».

– Победит правда, – заявил таксист. – Так всегда бывает.

Заплатив заранее оговоренную сумму, Викинг вышел на набережной залива Ньюбрувикен. Встал на пирсе, откуда отходили паромы «Cinderella», не сводя глаз с входа в отель «Hotel International». Много людей входило и выходило. Кто-то шел обедать в ресторан на первом этаже, туристы и деловые люди собирались выезжать из отеля.

Он нашел деревянную скамейку и уселся. Рыбья кость царапала и вгрызалась в горло. Сидя на солнце, он наблюдал за людьми, входящими и выходящими из отеля, пока не получил эсэмэску от Матса, который собирался на обед. Они решили встретиться в кондитерской «Стюре» на Карлавеген.

Матс ждал его, сидя за столиком в глубине зала, у самых туалетов. Перед ним стояли две бутылки минеральной воды и два больших бутерброда с креветками.

– А что, с фрикадельками не было? – спросил Викинг.

– Не будь банален, – усмехнулся Матс. – Как идет дело с кражей оружия?

– Выявились новые сведения во время засекреченного допроса, – сообщил Викинг, садясь. – Коллеги в Ярве проинформированы. В нескольких местах произведены обыски.

– Отлично, – сказал Матс.

Викинг откусил бутерброд. С майонезом, не лучший вариант.

Сведения, полученные на допросе или из надежного источника, дававшие полиции основания подозревать совершение преступления, за которое предусмотрено наказание в виде тюремного заключения, означали, что полиция имеет право провести обыск по нескольким адресам.

– Нашли что-нибудь интересное? – спросил Матс, запивая свой бутерброд минеральной водой.

У Викинга не было никаких моральных ограничений использовать для пользы дела информацию, полученную от Матса. Шведская полиция, шведские политики и законодатели постоянно и

совершенно открыто ловили рыбку в мутной воде. Весной французской полиции удалось проникнуть в зашифрованную сеть Encrochat – службу, которой пользовались преступные элементы для коммуникации между собой, и шведский правоохранительный аппарат радостно воспользовался всплывшей на поверхность информацией. Министр внутренних дел Микаэль Дамберг ударил себя кулаком в грудь и назвал «секретное прочтение цифровых данных» явлением, «меняющим правила игры на поле борьбы с преступностью». Проблема заключалась лишь в том, что шведской полиции, действовавшей аналогично французским коллегам, было предъявлено обвинение в грубом взломе личной информации. Поэтому приходилось проявлять осторожность.

– Коллеги обнаружили несколько телефонов, – сказал Викинг. – Братья Осман даже не позаботились удалить сообщения, в которых планировали кражу. Большое спасибо за помощь. У меня к тебе еще кое-что.

Отодвинув бутерброд, он положил на колени рюкзак, достал из него прямоугольный черный металлический предмет размером с книгу в мягком переплете. Положил ящичек на мраморную столешницу между ними. Матс с неподвижным лицом переводил взгляд с предмета на Викинга и обратно.

– Это должно мне что-то сказать?

– Блок управления от «Ауди Q3» 2018 года выпуска.

По другую сторону стола отправился в рот еще кусок от бутерброда.

– Понятно. И что?

– Эта штука называется ECU, Electronic Control Unit. Или диджи-бокс. Он расположен рядом с двигателем и контролирует всю электронику в машине.

– Всю электронику?

– Управление двигателем, горючим, зажиганием, трансмиссией от коробки передач и обеими ведущими осями.

Матс поднял ладонь.

– Я понял. Что эта штука делает здесь?

– Она находилась в обломках автомобиля, который мы во вторник выловили из Питеэльвен.

– И как же ты добрался до этих обломков?

– Они стояли в гараже полицейского участка.

Матс отложил приборы, огляделся, понизил голос.

– Викинг, черт тебя подери, не хочешь же ты сказать, что ты выломал деталь из арестованной машины? За это полагается срок.

– Много за что полагается срок, – пожал плечами Викинг. – Блок управления контролирует также газ и тормоз, и мне кажется, что это не оригинальная деталь. Это другая, кем-то доработанная.

Матс перестал жевать, Викинг набрал воздуха в легкие. Рассказал, что Маркус получил письмо с фотографиями своих детей у садика. Прямая угроза или предупреждение: «Они видят тебя. Откажись от должности, иначе ты умрешь».

– Он вышел из проекта. Вместо него руководителем назначили Ханса Улофа Оскарссона из Видселя. Он и улетел с моста в Питеэльвен. А эта штуковина была в его машине.

Несколько мгновений Матс смотрел на него.

– Можно взять ее у тебя ненадолго? – спросил он, накрывая ладонью коробочку. – И отдать техникам на работе, чтобы они посмотрели?

– Буду счастлив, – ответил Викинг.

Матс завернул блок управления в салфетку и убрал в свой коричневый портфель.

– Ты это собирался мне рассказать?

– Нет, – сказал Викинг. – Нечто глубоко личное. У меня рак.

– Ах, проклятье, – проговорил Матс. – Где именно?

– Судя по всему, в лимфе в гортани. Я думал, это тонзиллит.

– Звучит неприятно. Дело серьезное?

Викинг не ответил.

– У тебя есть хороший врач? – спросил Матс.

– Доктор Чанг хороший доктор, но мне придется ездить в Сундербюн. Или даже в Умео.

Матс покачал головой.

– Черт знает что, – проговорил он. – Похоже, мы созданы без запаса прочности. Будешь доедать свой бутерброд?

– А что? Ты хочешь?

– Если ты точно не будешь. Он стоил сто пятьдесят крон.

Викинг придвинул ему бутерброд через стол.

Женщина за стойкой в «Hotel International» была не та же самая, что в прошлый раз, но из того же теста. Викинг попросил снять номер на ночь, не спрашивая о карточках регистрации. Расплатился банковской картой Visa, ведь наличные в этом отеле не принимают.

Ему дали номер на втором этаже с видом на улицу и залив. Усевшись в единственное кресло, он стал смотреть на воду. Стильный и элегантный. Звуки транспорта на Страндвеген проникали в комнату через щели между рамой и верхней аркой окна.

Бумага для писем. Звездочка. Отпечаток большого пальца.

Адрес и подпись.

Он позвонил Элин. Она тут же сняла трубку.

– Ты в Стокгольме? Опять?

– По работе, – пояснил он. – Ведем следствие с привязкой к Ярвафелт. Ты сегодня дома во второй половине дня?

– У меня сегодня выходной, я только что сходила на пробежку...

Она и вправду немного запыхалась.

– Увидимся? – спросил он. – Хотел поговорить с тобой кое о чем.

– Что такое? Ты заболел? У тебя рак?

Викинг глубоко вздохнул.

– Я не прорицательница, – сказала она. – Биопсия – результаты пришли, не так ли?

Он выдохнул.

– Карцинома эпителиальной ткани, – произнес он.

– Самая распространенная форма, – констатировала она. – Они обнаружили метастаз?

– Кажется, да.

– Их может быть несколько.

Он закрыл глаза.

– Лечение очень тяжело переносится, – сказала Элин. – Приходи ко мне, поговорим об этом.

Он достал зубную щетку и тюбик с зубной пастой, поставил их в ванной, положил в ящик комода носки, футболку и пару трусов.

Потом пошел в сторону Сёдера.

Элин приняла его на расстоянии.

– Хочешь чаю?

– Можно чего-нибудь покрепче, если есть.

– Красное?

– Пойдет.

Он тяжело опустился на ее темно-синий бархатный диван. Балконная дверь стояла нараспашку – возможно, дочь никогда ее не закрывает. Снаружи пела птица. Элин поставила перед ним бокал, огромный, как целый графин.

Присела на край кресла напротив. Волосы у нее все еще были влажные после тренировки и душа.

– Бабушка и Маркус в курсе, что ты болен?

Он отпил вина, покачал головой.

– Ты должен им рассказать.

– Я собираюсь, просто пока не знаю, насколько это серьезно.

– Какие исследования тебе сделали?

– Только биопсию.

– Так что ты даже не знаешь, перекинулся ли он на другую сторону?

– Я ничего не знаю – кроме того, что он у меня, возможно, уже несколько лет.

Он снова отпил глоток.

– В самом худшем случае, – проговорил он, – что меня ждет?

– Не надо сразу рисовать себе катастрофу, – ответила она. – У многих распространенность небольшая и...

– В самом худшем случае? – повторил он.

– В худшем?

– Самый неприятный сценарий.

Она глубоко вздохнула.

– Ты уверен, что хочешь это знать?

Он кивнул.

– Если тебе назначат максимальные дозы облучения и химиотерапии, – сказала она, – то это самое тяжелое лечение, которое мы делали в «Радиумхеммет».

Она замолчала.

– И когда требовалось такое лечение? – спросил Викинг.

Она заколебалась, но потом подалась вперед.

– Если мы, например, не находили материнскую опухоль. Если было несколько метастазов с перекрестьем с одной стороны на другую. Тогда мы применяли шесть доз облучения в неделю в течение

шести недель и химиотерапию как дополнение для максимального эффекта.

– Хорошо. Что это значит?

– Горло выжигается полностью. Кожа полностью отпадает. Пациент не может есть в течение нескольких месяцев.

Викинг не находил слов, все это просто невозможно. Как такое пережить? Может, лучше умереть?

– Питательные вещества подаются через капельницу, – продолжала Элин, – или через зонд в носу, или через шланг, проведенный прямо в желудок. Или через пластиковую вену, введенную через руку прямо к сердцу. Важно, чтобы пациент каждый день тренировался глотать. Если утратить глотательный рефлекс, его потом очень сложно восстановить.

Он закашлялся, отпил большой глоток вина. Закрыв глаза, он почувствовал, как напиток коснулся вкусовых луковиц, пытался испытать радость по поводу того, что может пить. Это давалось непросто.

– Звучит невесело, – проговорил Викинг, ставя бокал на стол.

Элин кивнула.

– Боль ужасная. Пациент обычно совершенно измотан.

– Но ведь есть обезболивающие?

– Если в твоем случае будет актуален такой сценарий, тебе предложат фентанил – это самый коварный опиат из всех, которые существуют. Не соглашайся. Тебе будут говорить, что ты должен, чтобы помешать болевому шоку. Не ведись. Болевой шок изобрели в отделе маркетинга в Purdue Pharma, чтобы продавать больше опиоидов. Они скажут, что зависимость не разовьется, потому что ты принимаешь препарат не ради удовольствия. Это болтовня. Ты попадешь в ловушку зависимости, а борьба с ней еще тяжелее, чем лечение.

Она замолчала и посмотрела на него твердым взглядом.

– Вау, – проговорил он.

– Ты хотел знать, – сказала она.

– И придется сидеть на больничном целый год?

– Это стандартный вариант, если не будет осложнений.

Он допил вино из бокала.

– Еще чем-нибудь порадуешь?

Она внимательно посмотрела на него.

– Из-за ковида все ресурсы по лечению рака сосредоточены в Каролинской больнице. Я могу поговорить с главврачом, чтобы ты проходил лечение здесь.

– Но ведь я отношусь к Норрботтену...

– Ты свободен выбирать, где лечиться – в любой части страны, а в Норрботтене нет облучения. Тебе все равно придется куда-то ехать.

– У тебя найдется еще вино?

Она пошла принесла еще бутылку, и на этот раз взяла бокал для себя.

– Есть разные круги ада, – проговорила она. – Не факт, что у тебя все будет именно так. Как ты воспринял сообщение о болезни?

Она подлила в его бокал.

– «Воспринял»? Что ты имеешь в виду?

– У некоторых это вызывает чувство горя, у других гнев. Чувство несправедливости или отчаяние. У тебя не случалось неконтролируемых приступов ярости?

Он покачал головой.

– Ну хватит обо мне, – сказал он. – Ты-то как?

– Я встретила свою половинку, – сказала она и отпила большой глоток.

На мгновение он закрыл глаза, застигнутый врасплох оглушительной радостью. Элин всегда была одна. Ему чудилось, что ее окружает тьма Кальмюрена – но, вероятно, это тень его собственного чувства вины.

– Как здорово, – проговорил он и почувствовал, что голос не слышится. – Поздравляю!

Она подняла бокал, они чокнулись.

– Кстати, она твоя коллега, тоже работает в полиции. Родом из Ирака. Ее зовут Шамари.

Вероятно, все дело в вине – но ему потребовалось несколько секунд, прежде чем до него дошло. Она смотрела на него внимательно, настороженно, словно готовясь к бегству. Неужели она так боится его осуждения?

Он поднялся с дивана, обошел вокруг столика и потянул ее из кресла, поставил на ноги, чтобы хорошенько обнять.

– Если бы ты знала, как я рад, – прошептал он. – Когда я смогу познакомиться с ней?

Элин обняла его, поначалу неуверенно. Но потом сжала крепко-крепко. Ее плечи тряслись, он почувствовал, как на шею ему упали капельки слез. Ее волосы, разлетающиеся, попали ему в лицо. Волосы ее матери.

– В эти выходные она работает, – сказала Элин и вытерла слезы. – В Норрмальме, как ты когда-то. Может быть, в следующий раз, когда ты приедешь, все получится?

Они допили бутылку и открыли еще одну, долго сидели рядом на диване. Элин показала в телефоне фотографии. Шамари на пляже, Шамари в полицейской форме.

В семь пятнадцать пришла эсмэска от Матса Викандера.

Тот получил результаты обследования блока управления.

Слегка пошатываясь от выпитого вина, Викинг сел на метро и поехал в сторону Мэлархёйдена.

Матс сидел позади дома, рядом с плотной туевой живой изгородью, перед ним стояли два стакана с молочным шоколадом.

– А у тебя тут не наливают? – спросил Викинг.

Матс принес бутылку, налил и себе немного.

– Ты был прав, – сказал он. – В этой коробке кто-то покопался.

Викинг отпил большой глоток. Не Baileys, но почти.

– Кроме того, в нее был вмонтирован передатчик, – продолжал Матс. – В точности как ты говорил. Это поднимает целый ряд вопросов.

Викинг сидел, уставившись в туевую изгородь. По другую сторону соседи играли в бейсбол.

Матс пригубил шоколадный виски.

– Кто знал, что потерпевший будет проезжать именно в этом месте, в это время? – продолжал он. – Кому нужно было его убрать? К кому перешло руководство проектом?

Викинг закрыл глаза, увидел перед собой свою кухню. Двор с облезлыми кленами, кирпичный фасад с облупившимся цементным раствором.

– Анна Берглунд. Моя соседка. Теперь назначили ее. Все, имеющие отношение к проекту на базе, знали, что Ханс-Улов едет на совещание в Лулео.

– Соседка? Вы общаетесь?

– Нет, но я из своего окна вижу ее гостиную. Живет одна, работает на базе уже сто лет. Маркус называет ее Гроговая ведьма.

– Похоже, она не особо пользуется популярностью.

– Она асоциальна и слишком много пьет. Блок управления точно заменила не она.

– Передатчик произведен в России, – сказал Матс. – Это необязательно означает, что и преступники оттуда, но указывает на некоторое направление для дальнейших размышлений. Следующий вопрос – как, черт подери, им удалось его подменить?

– В ночь на вторник, – ответил Викинг. – Было темно, как в желудке, шел проливной дождь. Гараж Оскарссона был незаперт, а машину, стоящую в гараже, никто не запирает. Заходи, кто хочет. Ханс-Улов проснулся около четырех ночи. Возможно, он что-то услышал.

– И наконец, – проговорил Матс. – Ты понимаешь, что все это означает?

Викинг кивнул.

– Иностранное государство более двадцати лет имело своего агента на базе.

– Возможно, он относился к спящей сети – его приберегли для проекта такого уровня.

Матс внимательно посмотрел на него.

– Ты тревожишься по поводу рака?

Викинг сглотнул.

– Даже не знаю. Это от многого зависит. Если все плохо, то лечение, насколько понял, очень мучительное.

– Ты беседовал с психологом или психотерапевтом? Викинг покачал головой, отхлебнул большой глоток.

– Мне кажется, тебе стоило бы к ним обратиться, в больнице они всегда есть. Мне надо сделать несколько звонков. Никуда не уходи. Я сообщил Франку, что ты придешь ко мне, пообещал, что мы его навестим. Он ждет нас. Хочешь еще виски?

Викинг уселся поглубже на ротанговом диване.

– Спасибо, хочу.

По ту сторону живой изгороди кто-то удачно ударил по мячу. Всеобщее ликование.

Франк Нильссон жил в адаптированной для инвалидной коляски квартире на пятом этаже высотного дома в Аксельберге. Он был слегка под хмельком, когда открыл им, – впрочем, и Викинг тоже.

– Привет, парни! – сказал Франк и поехал задним ходом, впилившись в вешалку. – Черт, как я рад вас видеть!

Он широко улыбался, но лицо у него было измотанное и осунувшееся. Волосы давно не мыты и не стрижены.

– Как проходит подготовка к марафону? – спросил Матс, садясь за кухонный стол.

– Лучше всех. Надеюсь, меня возьмут на Паралимпийские игры, – ответил Франк.

– Спиртное у тебя дома есть? – спросил Викинг.

– Медведь в лесу срет? – спросил Франк и покатился к бару.

Матс достал бокалы, помыл их, прежде чем поставить на стол, протер бумажным полотенцем.

Огромная квартира на Кунгсхольмене, унаследованная Франком от бабушки, досталась после развода Пернилле, второй жене. Вилла в Эншеде, которую он купил с Линдой, третьей женой – той самой Линдой, с которой Викинг в свое время не пошел на пасхальное свидание, – досталась ей. Когда жена номер четыре узнала, что Франк ей изменяет, то продала их общую квартиру в Ярфелле, взяла деньги и уехала в Хорватию. Он мог бы заявить на нее в полицию, но решил, что насмешки коллег будут болезненнее, чем потеря денег, и не сделал этого.

Администрация района Хэгештен-Лильехольмен сжалилась над ним, когда его выписали из больницы с переломанным позвоночником, и выделила ему эту квартиру – однушку с кухней без порогов. Каждый раз, когда ему помогали выбраться из дома, он проезжал мимо банковского офиса, где получил свои травмы.

– Чертовски здорово, что вы пришли, – сказал Франк, разливая водку – много попало мимо.

Они чокнулись.

– Выглядишь ты ужасно, – сказал он Викингу, проглотив огненный напиток. – Тебя турнули?

– Не столь драматично, – ответил Викинг. – У меня всего-навсего рак.

– Ну тогда ладно, – ответил Франк. – Собрался помирать?

– Чисто статистически шансы, что я буду жив через пять лет, составляют от шестидесяти пяти до семидесяти процентов, – ответил Викинг и выпил до дна.

Он посмотрел в окно, увидел только небо. Тяжелое и серое – будет дождь. Вот такой стала жизнь Франка, эти осколки реальности. Вот эти квадратные метры, это небо за окном. Персонал из социальной службы, делающий уборку раз в неделю, подвозка на реабилитацию.

– Если бы вы могли прожить жизнь заново, – произнес он, – какие решения вы бы изменили?

– А, мы попали в ту самую радиопрограмму, «Психологическая комната», – сказал Франк.

– Это называется «Философская комната», – поправил Матс.

– Вы стали бы полицейскими? – спросил Викинг.

По стеклу забарабанили первые капли.

– Конечно, – ответил Матс.

– Само собой, – откликнулся Франк. – Но я оставил бы себе Анну. Не стал бы выкидывать ее вон.

Анна Монссон была его первой женой. Подруга студенческих лет. Ее застукали во время корпоратива, когда она целовалась с дежурным старшим офицером из Сёдермальма. Оба утверждали, что все произошло по ошибке и по пьяной лавочке, что никаких отношений у них нет, но Франк рассердился не на шутку. Публичное унижение заставило его выгнать на улицу и ее, и обоих сыновей. С тех пор он не поддерживал с ними связи.

– Я был бы добрее к детям, – сказал Матс. – Разрешал бы им выйти из-за стола, даже когда они не доели. Покупал бы им конфеты без всякого повода.

Викинг сидел молча. Что он изменил бы в своей жизни? Ответа он не знал. Полюбил ли бы он Хелену? Да и было ли это его выбором?

– А еще спиртное есть?

Франк налил еще. Они сидели, пока бутылка не опустела, а за окном не стемнело.

Викинг и Матс расстались у метро Аксельберг, одной из наземных станций по линии, идущей на Норсборг. Матс поплелся под дождем домой пешком, идти ему было всего пару километров. Викинг стоял, покачиваясь в темноте, на плохо освещенном перроне и чувствовал, как под одежду пробирается сырость.

Когда-то он прочел текст о том, что вселенная заключена в яйце. Там только двое – Бог и мертвый человек, который будет рождать и рождаться заново, пока не проживет жизни всех людей на планете. Он будет Иисусом, и Гитлером, и Авраамом Линкольном. Все, что он делает по отношению к другим, он на самом деле совершает по отношению к себе. Цель в том, чтобы он созрел. На нынешний момент он зародыш, а вселенная, как уже было сказано, яйцо. Вылупившись из яйца, человек тоже станет богом. Как, черт подери, звали автора?

Прислонившись к бетонному столбу, он подумал, каково это – быть Франком. Со всеми его женщинами, а теперь в инвалидной коляске. Или Карин со всеми ее горшками. Или Хеленой. Каково это – утонуть в болоте, если, конечно, так и случилось, слыша, как рядом с корзиной кричит ребенок? Каково это – оставить маленькую дочь, ибо это она точно сделала. Если автор «Яйца» прав, то она оставила саму себя. Он знал, как зовут писателя, но никак не мог вспомнить.

Когда поезд наконец с грохотом вкатился на станцию, Викинг чуть не упал и изо всех сил вцепился в столб.

В вагоне было почти пусто. Викингу почему-то вспомнилась Тильда Йорансдоттер, бедная наивная девушка, работавшая в баре «Лапония» в Арвидсьяуре, которую так подставил ее бойфренд. Так ли уж они не похожи? Он задремал, но проснулся на станции «Гамла Стан», когда в вагон, распевая национальный гимн, ввалилась компания скинхедов.

Он вышел на «Эстермальмсторг». Пошел к выходу, сосредоточив все силы на том, чтобы переставлять ноги. Последний стакан был явно лишним.

От дождя воздух казался свежим. Викинг шел по Биргеръярлсгатан в сторону Страндвеген, стараясь держаться поближе к домам. Народу на улицах было немного, только перед рестораном «Рич» стояла небольшая очередь. Его окликнула женщина в леопардовом пальто – наверное, проститутка.

В отеле по ночам за стойкой никто не дежурил. Видимо, понятие «стильный и элегантный» не включало в себя персонал. С третьей попытки ему удалось открыть входную дверь карточкой от номера.

Черт, где же он живет? Обычно он фотографировал номер в отеле мобильным телефоном, чтобы не забыть, но на этот раз этого не сделал. Уставился на карточку отеля, которая и была ключом от номера

– белую с голубой полосой. Вот и приехали. По крайней мере, на втором этаже. Куда-то направо.

Ну окей, чертова карточка должна открывать только одну дверь. Подойдя к номеру 204, он приложил карточку. Красная лампочка.

Энди Вейер! Вот как его звали. «Яйцо» Энди Вейера, классика.

Он пошел дальше, нацелившись на номер 206. И тут красная, надо же. Но он, по крайней мере, вспомнил имя автора. Уже что-то. Дальше к номеру 208. Зеленая, щелчок в замке, ура!

В следующую секунду он почувствовал: что-то не так. Мгновенно ощутил присутствие чего-то чужого. Чувства обострились, волосы на затылке встали дыбом. Похмелье мигом слетело. Темные шторы были задернуты, окно закрыто, однако откуда-то тянуло холодом, как из открытого холодильника или щелястой двери. Свет из коридора, падавший через порог на коврик у двери неровным треугольником, мигнул и погас. Сделав нетвердый шаг в комнату, Викинг стал на ощупь искать на стене выключатель, нащупал и нажал. Ничего не произошло. Его окружала тьма. Он слышал лишь собственное неровное дыхание.

Что за фигня с освещением?

Ах да, черт, нужно запихнуть в держатель эту чертову карточку, чтобы включилось электричество.

Он никак не мог попасть в щель, ему пришлось пробовать еще и еще раз. Наконец попал и вставил карточку, что-то щелкнуло. Весь номер залило резким светом энергосберегающих ламп.

Подняв голову, он оглядел комнату.

В его кресле, закинув ногу на ногу и положив руки на колени, сидела женщина в черном. Легкие светлые волосы разметались по плечам, глаза были ясно-голубые.

– Привет, Викинг, – сказала она.

Викинг стоял в дверях, уцепившись за косяк. Чувствовал, как воздухом с усилием заполняет грудь и снова медленно выходит. Прошло тридцать лет, но сомнений быть не могло. Он узнал бы ее везде. В толпе, в поезде, в машине, остановившейся рядом на красный.

– Зайди и закрой за собой дверь, – сказала она.

Он сделал так, как она сказала, не спуская с нее глаз, боясь даже моргнуть. Нащупал ручку, дверь у него за спиной захлопнулась.

Нужно ли ему подумать о путях к отступлению? Может быть, развернуться бежать? Это все происходит на самом деле?

– Сядь.

Она кивнула на кровать и сложила ладони.

Осторожно приблизившись, он ломал голову, не сошел ли он с ума? Сел на край кровати, упираясь ногами в пол. Она опустила глаза.

– Если хочешь, можешь вызвать полицию.

Он откашлялся.

– И что я скажу? Что меня навестила моя умершая жена?

Язык заплетался.

Она виновато пожала плечами.

Тишина, повисшая между ними, заполнилась гулом транспорта, проезжающего мимо по Страндвеген, гудением кондиционера, звуком телевизора из соседнего номера. Викинг не сводил с нее глаз. По-прежнему жилистая, но уже не такая тощая. Легкая проседь в волосах.

– Ты настоящая? – спросил он.

Она сглотнула и подняла на него глаза, полные слез.

– Мне очень жаль, Викинг.

Он резко встал, большими шагами направился к двери. Она тоже вскочила, встала перед ним в прихожей, загораживая ему дорогу. Он буквально врезался в нее, остановился. Похоже, она и вправду живая. Не привидение. Он попятился.

– Ты заслуживаешь ответа, – проговорила она, и тут он расхохотался. Отвернулся от нее, ввалился обратно в комнату, почувствовал, как к горлу подступили слезы. Сжал кулаки так, что побелели костяшки – мог бы прибить ее на месте. Опустился на кровать, закрыв лицо руками. Почувствовал тяжесть на матрасе, когда она села рядом с ним, положив руку ему на спину.

– Нет таких слов, которые бы я могла сказать, чтобы ты меня простил, – проговорила она. – Так что я даже не пытаюсь.

Через куртку и джемпер Викинг ощущал тепло ее руки. В соседнем номере хохотала из телевизора американская публика. Почему-то в этот момент ему вспомнился Билл Косби, звезда телеэкранов, «американский папа», отсидевший срок в тюрьме за многочисленные изнасилования. Глубоко вздохнув, Викинг уронил руки.

– Вне зависимости от того, как ты решишь поступить, тебе следует знать, что рассказывать обо мне безопасно. Если ты дашь мне объясниться, я расскажу почему.

– С какой стати я должен тебя слушать? – спросил он и покосился на нее.

– Чтобы понимать последствия и не подвергать себя и детей опасности.

Он с трудом сдержался, чтобы не ударить ее. Поднялся и пересел в кресло у окна. Оно до сих пор хранило тепло ее тела – от этого по спине у него пробежал холодок.

– Как тебя зовут? По-настоящему?

– Владлена Иванова.

Имя на регистрационной карточке. Владлена Иванова, 1959 года рождения. На это сочетание в интернете нашлось более тысячи совпадений. Хелена Исакссон. Похоже. Если врешь, держись как можно ближе к правде.

– Ты родилась в пятьдесят девятом?

Она кивнула.

– Что-нибудь из того, что ты рассказывала мне, было правдой? Хоть что-нибудь?

Она покачала головой.

– Очень мало что.

На несколько мгновений он закрыл глаза, опасаясь, что его вырвет.

– Кто ты? Шпионка?

– Смотря какой смысл ты вкладываешь в это слово, – ответила она. – Но я работаю на ГРУ.

Он громко расхохотался. Смеялся до тех пор, пока не заболели мышцы живота. Она молча ждала.

– Какое разбазаривание! – произнес он, когда успокоился. – Наслать на меня агента ГРУ – какое неблагодарное дело! Должно быть, ресурсы были неисчерпаемы!

Он посмотрел на нее – знакомые черты, разлетающиеся волосы, постояннодвигающиеся руки. Совершенно чужой человек.

– Куда ты девалась? – спросил он. – Когда «умерла»?

Она закрыла глаза.

– Вашингтон в округе Колумбия.

Америка, столица США куда привлекательнее и гламурнее, чем Стентрэск, чертова дыра у полярного круга – как он мог подумать, что он сам что-то значит? Какой безмозглый идиот, тридцать лет оплакивал ее, дети выросли без матери – а она бросила их ради вечеринок у бассейна.

– Элин, – проговорил он. – Ты бросила ее на краю болота. Что у тебя в голове, черт подери?

– Викинг, ты должен меня выслушать, у меня не было выбора.

– Понимаю, что я тебе надоел, но как ты могла бросить детей?

– Это был единственный способ гарантировать вашу безопасность – чтобы я исчезла.

Он прижал ладони ко лбу.

– Заткнись!

– Они обещали пощадить тебя и детей, если я...

Он поднялся, отвернулся от нее.

– Не желаю слушать.

Она тоже поднялась, подошла к нему, положила руку ему на плечо.

– Я могу рассказать так, чтобы ты понял. Я из Удачного, поселка далеко в Сибири.

Он резко развернулся и оттолкнул ее, она упала спиной назад, угодив на кровать.

– Викинг!

– Заткнись! – закричал он. Она попыталась встать, но он чувствовал, что с него уже хватит. Схватил ее за горло, откинув ее голову назад. Она широко раскрыла глаза, но не сопротивлялась. Его большие руки закрывали всю ее шею, он надавил в приступе ярости. Кожа была нежная и теплая. Он увидел, как наливается кровью ее лицо, встретился с ней взглядом. Что-то хрустнуло под его руками – сломалось? Но тут ее глаза закатились, показав блестящие белки, тело обмякло и стало неподвижным.

Он выпустил ее. Она снова упала на кровать, без сознания. В нос ему ударил запах мочи – опорожнился ее мочевого пузырь. Викинг стоял, уставившись на нее.

– Хелена!

Никакой реакции. Он произнес ее имя еще раз, громче. Боже милостивый!

Что ему делать, если она умрет? Что происходит, когда ты убил человека, умершего тридцать лет назад?

Вывалившись в прихожую, он вытащил из гнезда карточку и ушел, оставив за собой номер в полной темноте.

Часть 2
Владлена

Москва

6 августа 2020 года, четверг

Тремя неделями раньше

Она вышла из метро на станции «Динамо». На Ленинградский проспект под косым углом падали красные лучи солнца. Недавно построенный стадион для футбола и хоккея парил над ней, как космический корабль. Быстрым шагом она поспешила к остановке автобуса. В метро случилась задержка. А автобус 322 ходил только раз в полчаса, но приходил обычно точно.

Утро было прохладное и влажное, выхлопные газы липли к коже. Это не имело значения.

Автобус пришел вовремя. Восемь минут тряски среди высоких бетонных домов, пока они не добрались до остановки «Проезд Березовой Рощи». Обычно улица была забита транспортом, но на этот раз Владлене удалось почти сразу перейти на другую сторону. Город еще не пришел в себя после лета.

На свою работу на улице Гризодубовой, дом 3, она пришла в 7.15. Кивнула парню на контроле безопасности, он не ответил на приветствие. Хватать ее за грудь он не стал, но это не имело отношения к #metoo или изменению культуры общения в организации. Просто ей было уже за шестьдесят, и в сексуальном плане она воспринималась как средний род. Ее это несколько не беспокоило.

Когда она вошла в свой кабинет на пятом этаже, там было пусто, но полковник Егорова, с которой ей приходилось делить пространство, уже приехала. Портфель и плащ коллеги валялись на стуле по другую сторону письменного стола. Вероятно, отправилась поплавать в бассейн, расположенный в цокольном этаже здания. В комнате теперь весь день будет пахнуть мокрым полотенцем.

Включив компьютер, Владлена Иванова зашла во внутреннюю сеть. Отметила, что приглашена на совещание руководства отдела – как обычно, по четвергам в 11.00. Подалась вперед и нажала на кнопку вызова.

– Игорь, – сказала она, – принеси мне, пожалуйста, чашку чая.

В трубке что-то звякнуло, секретаря еще не было на месте. Выждав несколько секунд, она повысила голос:

– Игорь!

– Есть, товарищ полковник, – ответил он.

Молодой человек, исполнявший роль секретаря для нее и полковника Егоровой, не относился к самым светлым умам своего времени – к счастью, сам он об этом обстоятельстве не подозревал. Понятно, что, устраиваясь на работу в Главное управление, он мечтал о другой роли, чем быть на побегушках у двух теток. Владлена бессовестнейшим образом использовала его амбивалентно сть.

Она открыла на экране начатую накануне работу – анализ финального раунда перед выборами американского президента будущей осенью. Источники в Демократической партии сообщали, что вице-президентом кандидата в президенты Джо Байдена станет бывший министр юстиции сенатор Камала Харрис. В организации царило мнение, что выдвижение женщины будет на руку России, ибо покажет слабость Байдена. Кроме того, все почти не сомневались, что выиграет Дональд Трамп. Владлена Иванова не была уверена ни в том, ни в другом. Камала Харрис никогда еще никому не уступала, и выигрывала она не за счет мягкости, а за счет суровой бескомпромиссности. Факт заключался в том, что она оказалась куда более непреклонной и, вероятно, значительно более умной, чем кандидат в президенты. Будучи главным прокурором Сан-Франциско, она приводила 87 процентов дел об убийстве к обвинительному приговору, 90 процентов из всех убийств из огнестрельного оружия. В некоторых случаях приговор был вынесен неправильно, что она отказывалась обсуждать. Она выступала против смертной казни, вне зависимости от характера совершенного преступления. Не из гуманизма или избыточного чувства справедливости – считала, что пожизненное заключение без возможности освобождения есть более суровое и эффективное наказание, чем смерть. Последовательно отказывалась менять свое мнение, несмотря на усиленное давление.

Вошел секретарь Игорь с ее чаем, она поблагодарила, не поднимая глаз. Коллега Егорова задерживалась.

Очевидно, что ее не пригласили на совещание – вероятно, она по-прежнему плещется в бассейне.

Ну что ж, в повседневной жизни всегда найдется повод для радости.

Ровно в одиннадцать полковник Иванова появилась перед залом совещаний в конце коридора с панорамным видом на семнадцатизэтажное здание напротив. Кратко поприветствовала собравшихся коллег, которые уже стояли там с папками и компьютерами. Когда начальник только что созданного Второго отдела, генерал-лейтенант Гагарин вошел в зал совещаний, гордо неся впереди свой большой живот, остальные последовали за ним, как хвост кометы. Владлена вошла предпоследней. Начальник действительно состоял в родстве с космонавтом, но в очень отдаленном родстве.

Звукоизолирующая дверь с характерным чавкающим звуком закрылась за ними. Владлене показалось, что кислорода уже не хватает. Вентиляция – одна из тех функций, значения которой в этой стране никогда не понимали, ни в жилых помещениях, ни в машинах.

Второй отдел, отвечавший за Северную и Южную Америку, Великобританию, Австралию и Новую Зеландию, получил для своей аналитической работы широкий спектр вопросов. Кроме того, на повестке дня то и дело появлялись вопросы Первого отдела, занимавшегося ЕС, поскольку многие области интересов перекрывали друг друга. Гагарин открыл совещание, призвав Владлену выступить первой. Она кратко и схематично отрапортовала о грядущем съезде Демократической партии США – на основании данных из открытых источников. Вопросов или комментариев не возникло, здесь не поднимались вопросы, затрагивающие сферы интересов других. Так получалось часто – она подозревала, что ее рапорты были рассчитаны на то, чтобы дать общую информацию и избавить коллег от необходимости следить за новостями. Закончив, она откинулась на деревянную спинку стула и сняла очки. Коллега Петров начал излагать информацию конфиденциального характера по поводу того же вопроса, отдельные и часто необоснованные сведения разной степени значимости и качества. Подняв глаза, она посмотрела наружу через бронированное стекло, увидела, как разномастные фасады зданий на другой стороне улицы отбрасывают черные тени. На нижнем этаже дома напротив находился хороший ресторан под названием «Йоркшир» и салон красоты, где коллега Егорова покрывала

акриловым лаком свои ноготочки. Может быть, в обед стоит выйти на улицу, прогуляться по солнышку...

Петров замолчал, закрыл свою бумажную папку. Слово взяла молодая коллега, занимавшаяся НАТО. Беззвучно вздохнув, Владлена перевела взгляд в другую сторону, на кафе и аптеку с суровыми провизорами.

– новые европейские кластерные бомбы, – говорила коллега. – Американцы очень интересуются ими, они с дистанционным управлением, основаны на нейросети и.

В нижнем ящике стола у нее лежали кроссовки и спортивная одежда, может быть, в обед пробежать кружок по парку, а на обратном пути перекусить сырниками в книжном кафе.

– ...возникла проблема, испытания QATS проводятся в Стентрэске на севере Швеции, но руководство проектом не доверили нашему агенту. Первый что-то предпринял по этому поводу?

Стентрэск. Владлена Иванова смотрела за окно твердым взглядом, сосредоточившись на том, чтобы ни один мускул на лице не дрогнул. Давно на совещании не упоминали о Ракетной базе – года два, не менее.

– Уточните у Козлова, связался ли он с отделом 29155, – сказал генерал-лейтенант Гагарин и кивнул мужчине, сидящему справа от него. Тот остервенело писал в своем ноутбуке, не поднимая глаз. Потом Гагарин повернулся и в упор посмотрел на Владлену. Зная ее послужной список, он был в курсе, что она была заслана в Стентрэск. Этой информацией больше никто из собравшихся не располагал.

– Что говорится по поводу QATS в открытых источниках?

Превозмогая легкий шум в ушах, она снова надела очки и достала нужный документ.

– В начале недели эти системы обсуждались на совещании ООН в Женеве, – ответила она, стараясь говорить прохладным тоном с налетом скуки. – США блокируют требования запретить эти ракеты, которые активисты называют «ракетами-убийцами».

– Стало быть, ничего нового? – спросил Гагарин.

Вместо ответа она сняла и положила перед собой на стол очки. Слово взял коллега, занимавшийся делами Южной Америки. Из его выступления Владлена не слышала ни слова.

Отдел 29155 – особый персонал, разъезжавший по всему свету и решавший проблемы, когда кого-нибудь надо было убрать.

Ее тревога нарастала. Она должна все выяснить.

Через двадцать минут совещание закончилось, и она вернулась в свой кабинет. Голова слегка кружилась. Коллега Дарья Егорова с мокрыми волосами и покрасневшими от хлорки глазами сидела и пила кефир, она весело поприветствовала Владлену. Та сухо ответила на приветствие.

– Что такое? Ты на меня за что-то дуешься? – спросила полковник Егорова.

– Должно быть, съела что-то не то, – пробормотала Владлена, взяла куртку и сумку и вышла. По пути в ресторан «Йоркшир» она послала сообщение коллеге Козлову из Первого отдела и предложила пообедать вместе. Он ответил еще до того, как она успела присесть за столик, и прибыл через пятнадцать минут. Заглянув ему глубоко в глаза, она под столиком решительно задвинула колено между его колен. Может быть, для 20-летних охранников она уже и средний род, но для коллеги Козлова однозначно нет. У него был похожий профессиональный опыт, он много лет пробыл агентом в Германии. Ему было известно о ее работе в США, но о том, что она была заслана в Швецию, он не знал.

Они договорились встретиться вечером.

Во второй половине дня коллега Егорова на рабочем месте не появлялась. Осталось только мокрое полотенце, распространявшее по всему кабинету запах хлорки. Таким образом, Владлена смогла спокойно уйти пораньше, объяснив Игорю, что идет «по служебному делу».

Прежде чем отправиться домой к Козлову, она положила в сумочку тубик с гелем-смазкой. Он предпочитал анальный секс – вероятно, мало кто на это соглашался. Каждый раз, когда она звонила ему, он проявлял чуть больше энтузиазма, чем требовалось. Может, она ему действительно нравится, что тоже не исключено.

– Должна признать, – проговорила она, когда после акта он лежал и затягивался джойнтом, – что Первый отдел работает куда качественнее Второго. Меня это огорчает.

Он выдохнул дым ей в лицо, она улыбнулась ему.

– Вы слишком увлекаетесь цифровизацией, – ответил он. – Аналоговые технологии куда надежнее. Их не отследить. Сапогами по земле, чернилами по бумаге. Вот решение.

– У вас все эти годы был свой человек на той базе на севере Швеции, а мы не смогли даже перехватить радиопереговоры на Эглине.

Козлов от души рассмеялся. Эглин – так называлась крупная американская военная база в штате Флорида. В этом не было ничего смешного, но травка сделала свое дело. Смех прервался приступом кашля.

– Хотя наш человек, – проговорил он, когда прокашлялся, – она на самом деле не очень. Знаешь ли, QATS...

Новый приступ кашля.

– Ракеты-убийцы, – кивнула Владлена.

Козлов сделал последнюю затяжку и затушил окурок на дне стакана из-под водки.

– Руководство проектом отдали молодому парню, двадцать девятому придется этим заняться.

Владлена причмокнула губами.

– Просто не возьму в толк, как вам удастся все отслеживать до мельчайших деталей.

Она повернулась на бок, положила одну ногу поверх его ноги, уткнулась носом ему в затылок. Через пару минут он задышал спокойнее. Еще через двадцать забылся самым глубоким сном.

Владлена осторожно высвободилась и вышла в темную прихожую с мобильным телефоном в руках. Квартира у Козлова была больше, чем у нее – здесь имелся кабинет.

Портфель стоял на стуле, до половины задвинутом под письменный стол. Она запомнила расположение стула и портфеля. Взяла портфель в руки – он был кожаный, коричневый, закрывался на два замка. Тонкий и легкий. Открыв его, она подсветила фонариком в мобильном телефоне и принялась изучать содержимое. Достала все и беззвучно разложила на столе: вчерашний недоеденный ланч-бокс, футляр с ручкой «Монблан» и самое главное – записную книжку. Двадцатилетние охранники на выходе из штаб-квартиры проверяли сумки сотрудников на предмет документов, но не просматривали заметки в записных книжках. В прямой кишке заныло, когда она

наклонилась вперед. Козлов любил анальный секс и аналоговые технологии. На цифровые каналы он не полагался, отчеты подавались лично, в устной форме или на бумаге. «За счет этого Усама бен Ладен продержался так долго». Козлов кашлянул в соседней комнате, Владлена перелистывала страницы, не заботясь о том, что оставляет отпечатки пальцев. Вот оно!

Информация о системе QATS была записана на вторник, 4 августа, исключительно лаконично. Фрагментарные сведения из скрытых источников, оценки разрушительной силы. Судя по всему, о новых кластерных бомбах НАТО, управляемых нейросетью, известно очень мало. Перелистала вперед, на 5 августа. Приказ отделу 29155.

Цель, которую необходимо убрать, сотрудник, мешавший человеку их организации занять нужное место, – руководитель проекта Маркус Стормберг, проживающий по адресу: Турнвеген 12 в Стентрэске. Земля ушла у нее из-под ног, на мгновение она словно повисла в пустоте. Уронила записную книжку на стол, ощущая, как сдавило грудь. Не далее как позавчера она видела в социальных сетях новую фотографию Маркуса с сыном Эллиотом. Оба улыбались, глядя в камеру, – он так похож на Викинга. Козлов снова закашлялся, к ее пальцам вернулась чувствительность.

Взяв в руки записную книжку, она бесшумно закрыла ее и сложила все предметы обратно в портфель в том же порядке, в котором достала их. Застегнула замки, поставила его обратно на стул, задвинула под письменный стол. Отключив фонарик в телефоне, на цыпочках прокралась обратно в постель. Залезла как можно осторожнее, однако почувствовала, как он проснулся. Закрыв глаза, она выпустила слюну из одного уголка рта, сделала глубокий вдох, закончившийся всхрапыванием. Почувствовала, как он смотрит на нее, потом немного отодвигается.

Наконец он снова заснул.

Она пролежала без сна до рассвета, когда он снова очнулся и пожелал, чтобы она ему пососала. Она беззаботно улыбнулась ему.

– И съела свое собственное говно?

Они весело посмеялись, а потом встали и пошли завтракать.

7 августа, пятница

В 7.15 полковник Владлена Иванова прибыла в свой офис по адресу: улица Гризодубовой, дом 3. Быстро пройдя проверку безопасности, она вошла в свой кабинет и констатировала, что коллега Егорова еще не появлялась. Попросив секретаря Игоря принести ей чашку чая, она связалась с отделом кадров, попросив предоставить ей отпуск на две недели.

Ответ пришел после обеда. Время рассмотрения подобных заявлений в летнее время увеличивалось, поэтому отпуск предоставлялся с понедельника, 17 августа.

Она позвонила в «Софияхеммет», частную клинику, расположенную в роскошном, похожем на дворец, здании рядом с олимпийским стадионом, и попросила забронировать время для обследований. Магнитно-резонансная томография мозга, поджелудочной железы, печени, почек и желчного пузыря, а также матки, яичников и лимфатических желез. Толстой кишки, дуги аорты и легких. Биопсии нескольких органов. Она записалась также на клиническое обследование у врача, ЭКГ в покое и ЭКГ под нагрузкой, пожелала сдать все анализы крови – их оказалось около пятидесяти. Измерение плотности костей, функции легких, ультразвуковое обследование сердца, а также сосудов шеи и паха.

Затем она забронировала билет в Стокгольм на воскресенье, 16 августа.

Все это она проделала спокойно, без малейших колебаний. Никогда не думала, что все это когда-нибудь понадобится – что ей придется привести этот план в исполнение.

Контакты – самая трудная часть задачи, но она будет поступать, как Козлов.

Пользоваться только аналоговыми технологиями.

18 августа 2020 года, вторник

Ее разбудил радостный хор – сотни чаек, взлетающих к солнцу над заливом Ньюбрувикен. Она лежала неподвижно в лучах света, падавшего из окна. Утренний Стокгольм просыпался и потягивался. До нее долетали звуки с улицы Страндвеген – гудение машин, свистки пароходов.

Кто бы мог подумать, что ей доведется снова их услышать.

Она провела рукой по простыне, плотной и хрустящей ткани. Но ведь и отель обещал, что все будет «стильно и элегантно».

Его она выбрала из-за бумаги для писем, изображенной на сайте, как часть особой атмосферы. Четкий логотип, адрес в центре города.

Взглянула на свой мобильный телефон – вернее, не ее личный, рабочий. Здесь время отстает от московского на два часа, день еще только начинается.

Поднявшись с постели, она сходила в туалет, почистила зубы и надела нитяные перчатки.

Уселась за письменный стол, взяла бумагу для писем. Выбрала лист из середины блокнота, конверт внизу стопки. Как можно меньше отпечатков пальцев.

Написала необходимые слова.

Вместо подписи поставила звездочку, когда-то такую знакомую. Знак вышел не таким, как раньше, хотя она и потренировалась.

Затем сняла перчатку с левой руки и приложила в нижнем левом углу большой палец.

Скорее всего, этого окажется недостаточно. Маркус не откажется от руководства проектом на основании слов и изумленной тревоги отца. Скорее всего, потребуется и второй шаг.

Одевшись, она стала ждать, пока откроется ресторан, где дают завтрак. Пробежала глазами список обследований.

Первая биопсия в одиннадцать. Магнитно-резонансная томография мозга в 14.30.

Времени предостаточно.

ЗИМА 1986 ГОДА

От мороза на окне спальни возникли причудливые узоры, наводившие на мысль о бумаге для торта у бабушки Элин. Снаружи было облачно и ветрено, там стояла сырая и холодная зима с запахом водорослей и выхлопных газов. Такого не бывало в Удачном и в Москве тоже. Там мороз был черный и острый, как бритва.

Викинг лежал в постели, закинув руки за голову. Судя по этой позе, он чувствовал себя в полной безопасности. Она варила овсяную кашу, пытаясь вспомнить слова песни Ульфа Лунделя «Падает снег».

Третий – полицейский, птичьи яйца собирает, Четвертый свою тачку о скалы разбивает, А пятый – чужестранец, ни о чем не вспоминает.

Остановившись, она беззвучно охнула. Ребенок сурово лягнул ее под ребра. Несколько месяцев он плавал внутри как рыбка, толкался то тут, то там, делал кульбиты как гимнаст, но теперь ему стало тесновато. Приложив руку к животу, она почувствовала через кожу крошечную ножку.

Весьма базовая вещь – и все же какое чудо!

Поставив завтрак на поднос, она встала в дверях спальни.

– Проголодался?

Он потянулся. Волосы у него на голове отросли, топорщились как щетка.

– Только по тебе, – ответил он.

– Брусничное варенье закончилось, так что я взяла ореховую пасту.

– Ореховую пасту?

Поставив поднос с кашей ему на грудь, она залезла в постель рядом с ним. Вдохнула его запах – запах земли и соли. Он приложил руку к ее животу, тут же получил в ответ тычок.

– У меня там футболист, – сказала она.

Викинг поспешно убрал руку.

– Этого мы не знаем.

Нарушение функций у Свена, брата Викинга, именуемое синдромом хрупкой Х-хромосомы, было вызвано генной мутацией, передающейся по наследству. По научным данным, она передается по материнской линии. Вероятность того, что у Викинга та же генная мутация, но без проявлений синдрома, составляла 50 %. Если у него

есть это отклонение, то оно передастся всем его дочерям, но не сыновьям.

Она осторожно подула ему в ухо.

– Это не имеет значения, – шепнула она. – Я буду любить этого ребенка как до Луны и обратно, будь у него хоть три головы.

Викинг быстро доел свою кашу, несмотря на ореховую пасту, и поставил поднос на пол у кровати, так что жена смогла сесть на него верхом. Эта поза сейчас подходила лучше всего – процессом управляла она, а он знал, что не придавит ребенка.

Оргазмы у нее были мощные и влажные.

– Я хочу познакомиться со Свенном, – сказала она потом.

– Он с трудом привыкает к новым людям.

– Я буду для него новой только в первый раз.

– Ты не понимаешь. В интеллектуальном плане он на уровне семи-восьмилетнего ребенка. Говорит неразборчиво, его трудно понять. Он все время размахивает руками – такой длинный, неуклюжий и всего боится.

– По-моему, отличный парень.

Викинг провел рукой по ее волосам. Рука у него была большая и горячая, глаза до боли синие. Самый красивый мужчина из всех, кого она видела в жизни.

– Ты не понимаешь. Ты себе даже не представляешь, какие там условия.

Он снова и снова объяснял ей про полярную ночь, про бесконечную тьму, когда солнце не всходит вообще. Про полярное лето, когда свет режет глаза круглые сутки. Про суровый пейзаж, низкое небо. Как все это влияет на людей, придает им особые вибрации.

Ей этого не понять, она выросла на экваторе.

– Потому-то я и хочу туда, – ответила она. – Про тропики я все знаю и жару не люблю. Разве не здорово будет, если ребенок вырастет в двух шагах от бабушки и дедушки?

– Иногда родню лучше держать на расстоянии.

– Я могла бы устроиться в пансионат, на раздаче в ресторане или администратором за стойкой. Можно, я поговорю с хозяйкой? Спрошу, не нужны ли ей люди?

– Керстин старая ворчунья, тебе не захочется с ней работать.

– Я люблю таких старушек. Сама когда-нибудь стану такой.

Он взглянул на часы.

– Сегодня мне надо выйти пораньше. У меня встреча с Матсом и Франком.

Он был очень увлечен своей практикой, весь февраль выезжал с нарядом Норрмальма.

Поцеловав его, она поднялась с постели, оставив тему Стентрэска. Не надо слишком давить на него, это может дать обратный эффект.

– Я договорилась выпить кофе с Мариной, – сказала она. – А еще схожу к Филипу, обещала помочь ему с канализацией.

Она заметила, как на его лице мгновенно появилось раздраженное выражение.

– Неужели твой лентяй-братец не может вызвать сантехника, как все нормальные люди?

В ответ она только рассмеялась и пошла в ванную. Помочилась, смыла с себя сперму. Слышала, как муж моет в кухне кастрюлю из-под каши. Пока он принимал душ, она застелила постель и навела порядок в холодильнике.

Потом, стоя в прихожей, смотрела, как он надевает форменные брюки, футболку, полицейскую рубашку и джемпер, а потом натягивает сверху обычную куртку. Ведь ему предстояло ехать на метро.

Когда он уже стоял в дверях, она поцеловала его. Губы у него были прохладные, он уже был на полпути прочь от нее.

– Возвращайся домой поскорее, – сказала она. – Я буду ждать тебя.

Захлопнулась дверь подъезда. Накрасившись, она подождала еще полчаса, прежде чем отправиться в квартиру Филипа на Ростенсгатан в Сундбюберге – двадцать минут пешком быстрым шагом. Позвонила два раза, однако никто ей не открыл. Отперев дверь своим ключом, она вошла.

Ангелов сидел на диване со стаканом водки.

– Привет, Хелена, – сказал он. – Фу, какая ты стала толстая.

Он даже не скрывал своего недовольства. Она села в кресло у окна.

– Как идут дела с планами на переезд? – спросил ее связной, осуществлявший контакты с Москвой. Он работал в посольстве на какой-то незаметной должности. Приглашал ее на личные встречи исключительно редко – только тогда, когда ему требовалось особо прижать ее или Филипа. Сколько других агентов он ведет, она не знала, но подозревала, что они с Филипом у него не одни.

Сосредоточившись на дыхании, она твердо посмотрела ему в глаза. Этот способ продемонстрировать достоверность одинаково действовал на всех, вне зависимости от национальности.

– На Пасху мы поедem знакомиться с его семьей.

Это была неправда, ей пока не удалось уговорить Викинга.

Ангелов кивнул, отпил из стакана. Выглядел он совсем не как полковник ГРУ, скорее как парковый работник из Польши. Грязные сапоги, рукав пальто порван.

– Сколько ему еще учиться?

– Ровно год.

Ангелов недовольно причмокнул губами.

Стентрэск – ее единственный билет, позволяющий остаться с Викингом, получив доступ к результатам испытаний. Приказ из Москвы звучал однозначно.

Она сидела с прямой спиной, положив руки на колени.

– Я поговорю с Керстин, как только попаду туда. Попробую устроиться на подработку в баре и на уборке номеров.

– Керстин?

– Владелица пансионата. Старая ворчунья.

– Еще что-нибудь? Не уловил ли наш малыш-полицейский чего-то нового?

Малыш-полицейский.

– Он ездит на заднем сиденье полицейского автобуса вместе с пятью коллегами, – спокойно ответила она. – Вряд ли ему удастся узнать нечто ценное.

– Строго говоря, Центр хочет, чтобы ты оказалась на Ракетной базе еще до лета. Нам обязательно ждать, пока он закончит учебу?

Ангелов говорил с наездом, но такова была его работа. Хелена понимала, что от нее не ожидают сколько-нибудь значимого вклада, пока она не попадет в Вашингтон, а может быть, и тогда тоже. Золотым яичком был Филип. Она была при нем в качестве радистки и

проверяющей. В ее задачи входило сообщить, куда следует, если он вдруг отобьется от рук. Она ничего не знала о других засланных парах, но подозревала, что условия для всех одинаковые.

Швеция стала вторым шагом в их подготовке. Предполагалось, что они проведут здесь год-два, а потом вернутся домой готовиться к основной задаче. Уже летом Филип поедет назад, в Москву, ей же приказано остаться. Ангелов никогда не говорил об этом, но она понимала, что такое бывает нечасто.

Отчасти это объяснялось тем, как она действовала до сих пор – по крайней мере, она так думала. Делала все, что скажут – ей запрещено было предпринимать что-либо по собственной инициативе. Все мысли продумывались в Москве, все мероприятия планировались там. Приказ сблизиться со студентом Полицейской академии был выполнен с идеальной точностью.

Подделка паспорта и других документов не являлась трудностью для ГРУ, гораздо труднее было зарегистрировать разведчиков-нелегалов в полиции и налоговой службе в чужой стране. Благодаря разыгранному на автобусной остановке ограблению они с Филипом мгновенно попали во все шведские реестры. Единственная проблема заключалась в том, что Викинг почти схватил Филипа. Он все никак не мог успокоиться по поводу следствия. В результате Филипу пришлось продать машину и покрасить волосы.

Впрочем, это прежние успехи, ехать на них до бесконечности невозможно. От нее требовалось, чтобы она отслеживала реальные результаты испытаний в пансионате в Стентрэске.

Понимала она и еще кое-что: начальство недовольно тем, что они с Филипом так и не обзавелись детьми. Призывы размножаться звучали все более явно. И она знала, в чем причина. Пока родители работали за границей, ребенок для надежности находился в СССР. Поэтому ее беременность, пусть и не от русского мужа, воспринималась не только негативно – как бы ни ворчал Ангелов.

Заложник он и есть заложник.

Ангелов поднялся.

– А как дела у Филипа? – спросил он, натягивая перчатки. – Нашел себе какую-нибудь женщину?

– Встречается с какой-то медсестрой, – ответила Хелена. – Я ее не видела.

Разумеется, это было Ангелову известно. Он кивнул.

– Проследи, чтобы дело не зашло слишком далеко.

Когда Ангелов вышел из квартиры, Хелена пошла в кухню. Попыталась прочистить засор вантузом, но это не получилось. Пришлось воспользоваться каустиком, от которого жгло глаза. Затем она долго промывала слив горячей водой, так что стекла в кухне запотели.

Филип вернулся около четырех. Быстро обнял ее, рухнул на диван, понюхал стакан из-под водки, из которого пил Ангелов.

– Он спрашивал про медсестру?

– Я сказала, что не видела ее.

– Как считаешь, придется найти какую-нибудь девицу?

– Не думаю. Ты можешь с ней вскоре расстаться. Они не хотят, чтобы дело зашло далеко.

– Окей.

Прислонившись к дверному косяку, она задумчиво рассматривала его.

– Кстати, если уж мы об этом заговорили. Как поживает Никлас?

Он поднялся, не скрывая раздражения, протиснулся мимо нее в кухню.

– Ты прочистила канализацию?

– Он проверился?

Филип посмотрел, как уходит вода из раковины, достал из холодильника банку пива. Хелена положила руку ему на спину.

– Ты должен быть осторожен. Предохраняться.

– У Никласа нет СПИДа.

– Но он инфицирован?

Тут Филип повернулся к ней.

– А что, ты боишься заразиться? Что гейская чума нарушит семейную идиллию?

Она посмотрела на него, отметила, какие у него усталые глаза. Волосы поредели, на макушке наметилась лысина. Несмотря на отношения с Никласом, он очень одинок. Работа маляра в автомастерской изнашивала его легкие. Он родом не из Удачного, как она, ему повезло больше, однако детство у него тоже было нелегкое. Они познакомились в годы учебы на кафедре иностранных языков в Якутске, вместе учили шведский. К тому моменту она уже свободно

владела языком, выросла с бабушкой Элин из Сёдерхамна. Филип, которого на самом деле звали Леонид, был родом из райцентра под названием Мирный. Тонкая натура, наделен феноменальными способностями к языкам. Он свободно говорил на семи языках, читал еще на десяти. При любом гуманном режиме он стал бы профессором в престижном университете.

В СССР он мог стать только изгоем – если бы о нем узнали правду.

– Ты останешься на ужин? – спросил он.

Она покачала головой.

Марина ждала ее за мраморным столиком под световым куполом посреди кафе. Перед ней лежала на тарелке булочка со сливками, стояла чашка с недопитым какао.

– Прости, что задержалась, – сказала Хелена, ставя на столешницу свою тарелку с булочкой и чашку чая.

Живот уперся в край стола, когда она уселась на стул.

– Как чувствует себя наш футболист? – спросила Марина, отъедая от булочки «крышечку».

– Его пространство на футбольном поле уменьшается с каждым днем, – ответила Хелена. – Он протестует.

Они поговорили о том, на каком она сроке, началось ли у нее расхождение лонного сочленения, отекают ли руки и ноги. Марина расспрашивала с искренним интересом – единственный человек, готовый выслушивать все детали ее состояния. Они с Матсом тоже планировали завести детей, как только закончат учебу.

– Смотри, что я тебе покажу, – сказала Марина и вытащила из сумочки книгу, – это лучшее, что я читала за много лет.

Хелена взяла роман в руки. «Правила виноделов» Джона Ирвинга. Судя по закладке, Марине оставалось дочитать примерно пятую часть.

Марине редко удавалось почитать что-нибудь художественное, почти все время отнимала учеба, но хотя бы по роману в месяц она успевала. «Для прочистки мозгов», – как она это называла.

– Я в полном восторге, – сказала она. – Тут рассказывается о враче, который заботился о детях-сиротах и проводил нелегальные аборты в США в 30-е годы.

Этот роман Хелена не читала, но любила другие книги Ирвинга – и «Мир глазами Гарпа», и «Отель „Нью-Гэмпшир“».

Они доели булочки, подлили себе еще чая и какао.

По дороге домой они проходили мимо книжного магазина у входа в метро «Фридхемсплан», и Хелена купила себе «Правила виноделов». Они вместе сели в метро в сторону Акаллы. Хелена вышла у «Нэкрусен», Марина поехала дальше, ей нужно было выходить на следующей остановке.

Стоял сильный мороз, дул ветер. Вокруг нее кружились острые снежинки, но она не чувствовала холода. К морозам она привыкла – зимой температура в Удачном опускалась ниже сорока градусов, к тому же во время беременности женщина обычно не мерзнет.

Смена Викинга заканчивалась около полуночи. Когда вечер пятницы совпадал с выдачей зарплаты, в городе много чего случалось – она не ждала его домой раньше часу ночи.

Однако решила все равно приготовить полноценный ужин, который потом можно будет разогреть. С работы Викинг обычно приходил голодный как волк. По дороге она купила продукты – треску, сливки, большие замороженные креветки, собиралась запечь все это с укропом и лимоном и подать с рисом. Еще купила брусничное варенье к каше.

Креветки она быстро разморозила под холодной водой, почистила и поставила в холодильник. Потушила рыбу с лимоном, приправами и сливками, выключила конфорку, когда до готовности оставалась одна минута – дойдет при разогреве.

Потом съела несколько бутербродов, сделала себе чашку травяного чая и залезла на диван с новой книгой. Поначалу ребенок резво пинался в животе, но потом заснул.

«Правила виноделов» – хороший роман, но ей трудно было сосредоточиться на повествовании.

После встречи с Ангеловым ее не отпускали мысли.

Викинг очень хотел остаться в Стокгольме. У него были какие-то проблемы в отношениях с отцом. Она должна заставить его изменить свое мнение. Закрыв глаза, она улеглась, положив голову на подлокотник дивана, натянула плед до самого подбородка. Так будет лучше для всех. Если они переедут в Стентрэск, то смогут оставаться вместе. А она выполнит то, что обязана сделать.

Во сне они с Викингом шли рука об руку по замерзшему полю – возможно, это было озеро. Она обнаружила, что идет босиком –

острые льдинки царапали ей ноги. Позади нее тянулся ярко-красный кровавый след. Но Викинг ничего не замечал.

Она проснулась от того, что ребенок пнул ее по мочевому пузырю. Тяжело поднявшись, она пошла в туалет и помочилась, потом вернулась в комнату и посмотрела на часы.

Без четверти шесть.

Почти шесть утра!

Викинг так и не пришел домой.

Страх сдавил живот, интенсивная схватка, от которой ребенок сильнее забил ногами.

Что-то случилось. Почему его нет дома? А вдруг его убили?

Она поспешила в гостиную, включила радио. По всем каналам передавали классическую музыку. Недобрый знак. Когда зазвучали позывные «Утреннего эха», она задержала дыхание. Только не говорите, что убит полицейский, что ночью в Стокгольме застрелили полицейского.

«Убит премьер-министр Швеции Улоф Пальме. Убийство произошло вчера поздно вечером в центре Стокгольма. В сегодняшней программе мы расскажем о том, что произошло, и о ситуации...»

Она выдохнула и почему-то расплакалась. В голове промелькнуло последнее воспоминание о кровавом следе ее ног во сне – и улетучилось.

Она позвонила Марине. Та не ответила. Позвонила Филипу. Он тоже не снял трубку.

Рыба была испорчена, ее пришлось выкинуть в унитаз.

Хелена села на диван, подтянув под себя ноги, насколько это было возможно, с головой накрылась пледом.

Во время подготовки она уделила Улофу Пальме особое внимание. Будучи дочерью дипломата, она должна была основательно знать руководителей и государственное управление Швеции. Помнила, что он из высших слоев общества, но нашел свое политическое призвание в США в 50-е годы. В отличие от диктаторского социализма Советского Союза, он представлял социальную демократию. Эту последнюю мысль она усвоила не в ГРУ, это был ее собственный вывод.

«Нет смысла ненавидеть, – говорила бабушка Элин. – Мы не управляем ситуацией, мы просто проживаем ее. Каждый старается, как

может».

Они с Леонидом были лучшими студентами выпуска 1982 года. Оба родом из Мирнинского района, и к тому моменту оба потеряли родителей. Они потянулись друг к другу.

Ничего удивительного, что ГРУ обнаружило их. Она понимала – они классический образец, подходящий материал для засылки за границу в качестве разведчиков-нелегалов. Их миссия заключалась в том, чтобы жить обычной жизнью в чужой стране под вымышленным именем, будучи в состоянии готовности взять на себя те задания, которые не смогут выполнить агенты, работающие в посольстве.

Часы показывали уже четверть восьмого, когда в замке наконец повернулся ключ. Сбросив с себя плед, она встретила Викинга в прихожей.

Он посинел от холода, едва стоял на ногах от усталости. Не переоделся после смены, явился домой в форме. Она помогла ему снять портупею и кожаную куртку, развесила их, чтобы они просохли.

– Мы приехали, когда его несли в машину скорой помощи, – проговорил Викинг. – Его жена была в полном отчаянии. Матс и наряд Сёдермальма были уже на месте. Между плитами тротуара текла кровь.

Она обняла его и заплакала.

– Я видела Пальме только один раз, – сказала она. – Когда он был в Найроби с государственным визитом.

В который уже раз Викинг не обратил внимания на ошибку в ее словах. Визит в Найроби осуществлялся королевской четой, а не премьер-министром.

Они сели рядом на диван. Викинг долго смотрел на свои руки. Потом рассказал, как коллега по имени Лена кинулась догонять свидетеля, пытавшегося скрыться, как Кристер попросил его натянуть ленты ограждения. О комиссаре полиции, отдававшем приказы. О том, что наряд Сёдермальма оказался на месте раньше всех, потому что один из парней жил в доме прямо над местом убийства и только что переставил свою машину, чтобы не получить штраф за неправильную парковку, о двух мужиках в костюмах, пытавшихся помочиться на огражденное место, придурки чертовы. Хелена внимательно слушала рассказ человека в состоянии шока – разрозненный, изобилующий подробностями.

Он поднял на нее глаза.

– Кстати, ты знаешь, что такое «Cosi fan tutte»?

Она высморкалась в бумажное полотенце и посмотрела на него.

– Это означает «так поступают все» по-итальянски, – ответила она. – И еще так называется опера Моцарта. А что?

Он вздрогнул.

– Моцарта? Ты уверена?

– В двух актах, опера-буффа. Комедия.

Он поднялся с дивана, глаза его смотрели диковато.

– Вчера вечером Пальме смотрел фильм «Братья Моцарт» – последнее, что он успел сделать перед тем, как его убили.

Не в силах усидеть на месте, он зашагал взад-вперед по комнате.

– Тебе удалось что-нибудь поесть? – спросила она.

Он снова сел рядом с ней. Она увидела, что в глазах у него красные прожилки от бессонной ночи и адреналина.

– Непосредственно перед убийством и я, и Матс видели в городе несколько человек с рациями. Сержант нашего наряда сказал, что это СЭПО проводит «Cosi fan tutte». А Матсу его начальник объяснил, что Русский отдел собирается задержать какую-то крупную дичь. Ты понимаешь, что это значит?

Она почувствовала, как волосы на затылке встали дыбом.

Русский отдел СЭПО вместе с военной разведкой как раз и занимаются поиском таких, как она.

– Русский отдел СЭПО проводит операцию, в ходе которой они планируют задержать шишку, и называет ее «Cosi fan tutte». Это опера Моцарта! Одновременно Пальме идет смотреть фильм «Братья Моцарт»! Как раз перед тем, как его убивают! Что все это значит?

Она открыла было рот, но не нашла, что сказать.

– Почему операцию назвали «Cosi fan tutte»? – спросил Викинг. – О чем говорится в той опере?

Хелена сглотнула, во рту пересохло.

– О двух мужчинах, которые переодеваются в других людей, – негромко проговорила она, глядя ему в глаза. – Назвавшись чужими именами, они выдают себя за иностранцев, чтобы проверить, верны ли им их невесты.

Викинг посмотрел на нее, в глазах облегчение – или разочарование?

– А их невесты верны? Это история любви?

История о том, как жить под чужим именем в чужой стране, чтобы узнать то, что иным способом не узнаешь.

– Это не случайное совпадение, – настаивал Викинг. – Братья Моцарт, опера Моцарта.

Хелена поднялась.

Ангелов не имеет отношения к убийству Улофа Пальме, она готова дать голову на отсечение. Он не стал бы вызывать ее на встречу в Сундбюберге в тот же день, когда планировал убить премьер-министра Швеции.

– Я могу сварить тебе овсяную кашу, – сказала она. – У нас есть молоко, и я купила брусничное варенье.

Он откинулся на спинку дивана и закрыл глаза.

Руки у Хелены дрожали, когда она отмеряла овсяные хлопья.

Она принесла ему кашу на подносе. Он жадно поел, потом долгое время сидел молча. Она подумала, что он заснул сидя, когда он вдруг посмотрел на нее.

– Ты знаешь, что Матс лейтенант?

Да, она в курсе.

Он не собирался работать полицейским. Сёренторп – лишь ступень в его обучении. Он будет работать в военной разведке, в офисе в Главном штабе обороны – о его работе Марине все известно. У них была договоренность. Если с Матсом что-нибудь случится, Марине сообщат. Ей не придется пребывать в неизвестности. Само собой, это грубое нарушение, но такова была договоренность.

Хелена наклонилась к Викингу и поцеловала его.

– Давай поженимся, – шепнула она. – Как только родится ребенок. Устроим скромную свадьбу, только твои друзья и семья. В Стентрэске.

Удачный – город в Мирнинском районе Республики Саха в Сибири. Расположен в 16 км южнее Северного полярного круга в 440 км от Мирного.

По переписи населения 2010 года население достигало 12 613 человек.

Главной отраслью промышленности является добыча алмазов. Удачный – второй по важности центр производства для государственной компании «АЛРОСА».

Климат экстремально субарктический. Температура зимой варьирует от —35 до —45 градусов. Лето холодное.

В 1974 году в скважине на глубине 98 м под городом была взорвана атомная бомба весом 1,7 килотонн. Цель заключалась в том, чтобы создать пространство для шлаков в алмазной шахте. Это был первый из восьми запланированных мирных взрывов под общим названием «Кристалл».

Однако после взрыва атомной бомбы в Удачном проект был остановлен. Радиоактивное заражение оказалось значительно больше, чем предполагалось.

18 лет спустя шахта, где производился взрыв, была накрыта бетонным саркофагом, достигающим 20 м в высоту.

(Из книги «Факты о городах России»)

Самые радиоактивные места на Земле, которые не стоит посещать. Невидимая смерть. Самые радиоактивные зоны на планете.

Поле газового конденсата, село Крестище, Украина

Взрыв сопровождался образованием характерного «гриба» и загрязнением окружающих территорий.

Удачный ГОК, город Удачный, Россия

В рамках проекта «Кристалл» 2 октября 1974 года был проведен плановый подземный взрыв. К сожалению, он привел к большому распространению значительных радиоактивных загрязнений.

Тоцкий полигон, город Бузулук, Россия

Первые испытания влияния последствий ядерного взрыва на организм человека.

Чернобыльская АЭС, город Припять, Украина

(Фрагмент списка, взятого из интернета)

21 августа 2020 года, пятница

Поезд несся на север. Хвойные деревья, пронесившиеся за окном, представляли собой часть таежного пояса – такие же леса окружали Удачный. Ей предстоит проехать всю дорогу до конечной точки, не расставаясь с соснами.

Странное ощущение – ехать вперед по собственному следу.

Однажды она уже проделала этот путь – когда они с Викингом впервые поехали в Стентрэск. Викинг всегда предпочитал добираться на машине, однако в тот раз они договорились, что с малышом все же удобнее сесть на поезд. Тогда она была Хелена Исакссон, собиравшаяся вот-вот стать Хеленой Стормберг. Та, кем она была вчера – Владлена Иванова, – отдыхала в отеле неподалеку от центра Стокгольма. По крайней мере, там лежал ее телефон.

Сегодня она никто. Человек, на которого не обращают внимания.

И в тот раз, перед Мидсоммаром в 1986 году, им тоже не удалось достать билет в спальный вагон – всю дорогу пришлось просидеть в тесном купе. На этот раз поезд оказался более современным, но никак не более удобным. Она ехала спиной вперед в открытом вагоне на сотню мест. Напротив нее сидела женщина, которая могла бы быть русской, и разговаривала по-шведски с пожилым мужчиной. Что у нее за акцент? Испанский, португальский, итальянский?

А что, если она тоже разведчица-нелегалка, для которой Португалия стала страной транзита перед засылкой в Швецию? Всегда готовая включить транзистор и принимать сообщения в форме комбинаций из пяти цифр?

Боже, какая глупая мысль!

Владлена стала смотреть в окно. Тайга за окном пролетала мимо, словно темно-зеленое тесто. Сегодняшняя Швеция – мультикультурное общество, говорящее на множестве разных языков, и сегодняшние агенты получают приказы не так, как она до падения железного занавеса.

Как она нервничала в тот день, в то лето! Так многое было поставлено на карту, зависело от ее способности убедить Викинга переехать на север. Условие для того, чтобы она осталась с ним.

В то время она до конца не представляла себе, насколько важно было ГРУ получить доступ к результатам испытаний на Ракетной базе. Полным ходом шла гонка вооружений – соревнование с НАТО и американцами, стороны шпионили друг за другом всеми доступными на тот момент средствами. Лидировали американцы. Они располагали неподалеку от советских испытательных полигонов искусственные пеньки, оснащенные и приемниками, и передатчиками, которые прослушивали все, что там происходило, и передавали информацию куда надо. Коллеги знали о них, вырубали целые леса, но так и не могли найти эти пеньки.

Ей повезло во многих отношениях.

Когда она добралась до места, все стало так просто. Стентрэк она полюбила с первого взгляда: улицы и магазины, блестящий лед и синие очертания гор. Воду в горных ручейках, такую чистую, что ее можно было пить. Снежинки, танцевавшие по вечерам вокруг фонарей. Вылитый Удачный, каким он мог бы стать.

Семья Викинга встретила ее с распростертыми объятиями. Ну, пожалуй, все, кроме Густава, в нем ощущалась какая-то мрачная закрытость. Впрочем, особой роли это не играло – он избегал не только ее, но и всю свою семью.

Дети, коллеги по работе, друзья, которых она там завела. Совместные ужины, книги, которые они читали.

Воспоминания застали ее врасплох, она удивилась своей чувствительности, вынуждена была закрыть глаза.

– Это мое место.

Над ней тяжело склонился мужчина лет семидесяти. От него пахло жевательным табаком. Она улыбнулась попутчику.

– Да, конечно. Сейчас уберу свои вещи.

Сняла свою сумку, задвинула ее под сиденье. Женщине, сидевшей напротив, пришлось тоже передвинуть свой багаж. Мужчина со стоном опустился на сиденье. Маски на нем не было.

– В этом ковидном кошмаре есть кое-что хорошее, – произнес он. – Туристы сидят по домам. Хорошо бы, оставшиеся черножопые убрались домой.

Владлена и женщина, сидевшая напротив, переглянулись. Женщина закатила глаза.

– Пойду в вагон-ресторан, – сказала она своему спутнику громко и со значением. – Тут стало как-то слишком тесно и душно.

– Абсолютно согласна, – ответила Владлена. – Я тоже туда.

Женщина улыбнулась ей. Владлена взяла свою сумочку. Вместе они выбрались со своих мест и двинулись назад по ходу поезда.

– Меня зовут Граса, – сказала женщина, когда они добрались до вагона-ресторана и встали в очередь.

– Кристина, – сказала Владлена.

Второе имя Хелены – той, которой она была тогда. И ее мамы. Теперь она и та, и другая.

Освободился столик у окна, Граса указала на него пальцем.

– Займите место, а я вам закажу. Что вы будете?

– Мне только кофе, – ответила Владлена.

С вежливой решительностью она заняла свободный столик, так что семье с детьми пришлось развернуться и уйти завтракать в свое купе.

Граса поставила перед ней поднос – две чашки кофе, две булочки с корицей.

– Так куда ты едешь? – спросила она, садясь по другую сторону стола.

– В Питео, – ответила Владлена. – Навестить подругу. А ты?

– В Йоккмокк. Мой муж родом оттуда. Обожаю там бывать, но его каждый раз приходится за шиворот тащить.

Такая жизнь могла бы быть и у нее – в реальности.

– А ты откуда родом? – спросила Владлена, откусывая булочку.

– Из Фару в Алгавре.

Стало быть, из Португалии. Женщина принялась рассказывать о детях и внуке, который должен вот-вот родиться, как сестра мужа и сам муж были оленеводами, как ей самой полюбились горы и бескрайние просторы. Иногда она ездила на север без мужа и участвовала в клеймлении оленей – работая переводчицей на вольных хлебах, она могла сама распоряжаться своим временем. Это была история без вывода и финала – неотредактированная, как сама жизнь. Владлена слушала, улыбалась и кивала. Взяла еще кофе, чтобы оправдать то, что они так надолго заняли столик.

Женщина могла быть разведчицей. В Швеции по-прежнему есть засланные агенты, но Владлена не знала, кто это. Однако вряд ли это

Граса.

В конце концов женщина ушла обратно к мужу, и Владлена осталась одна. Ехать оставалось недолго. Оставив прочие места другим пассажирам, она открыла книгу, купленную на Центральном вокзале перед отъездом, – «Путь бабочки» Патрика Лундберга. Портрет шведского классового общества через образ матери писателя, которая, вырастив одна двоих детей, преждевременно ушла из жизни. Текст глубоко затронул Владлену. Да, Швеция – не молочная река с кисельными берегами.

Мысли устремились в прошлое, в период ее подготовки на даче где-то под Москвой. Все было строго и продумано до мельчайших деталей. В течение нескольких лет они с Леонидом жили в изоляции, слушая по радио и телевизору только шведские программы. Они читали шведские газеты и шведские романы, смотрели видеозаписи «Песенного фестиваля»^[15] и слушали Svensktoppen^[16]. Чистили зубы пастой Pepsodent, мылись мылом Lux и шампунем Timotej, проникаясь упадничеством западного капитализма.

Они с Леонидом часто обсуждали, что им могла бы выпасть судьба и похуже. Размышляли о том, что случилось бы с ними, откажись они от предложения ГРУ.

Ничего хорошего, в этом они были единодушны.

Она задумалась о выборе человека.

Мужчина, протиснувшийся на сиденье рядом с ней, родился в самом свободном мире, с самыми большими возможностями в истории человечества, а выбрал себе роль зашоренного распространителя ксенофобии.

Впрочем, что ей известно о его происхождении? О его жизненном опыте?

Никто не выбирает, где и когда родиться.

Легко судить других.

Железная дорога, идущая на север Швеции, проходила не по побережью. Когда прокладывали рельсы, решено было, что с военной точки зрения опасно строить такую важную часть инфраструктуры в зоне досягаемости корабельной артиллерии. По этой причине основная железнодорожная магистраль по северу Норрланда пролегла в паре миль вглубь материка. Поэтому все, кому надо было в Шеллефтео, выходили в Бастутреске. Пассажиры, ехавшие в Питео,

выходили в Эльвбю, а те, кто направлялся в Лулео, пересаживались на другой поезд в Будене.

Купив себе в вагоне-ресторане четыре больших бутерброда и пару плиток шоколада, Владлена стояла наготове, когда поезд подкатил к станции и остановился.

Здание станции выглядело как красивый желтый деревянный замок с красными наличниками окон – оно могло бы находиться в России. Помахав на прощание Гресе, вернувшейся на свое место в вагоне, она направилась в сторону фирмы по аренде автомобилей «Rent-A-Wreck» («Арендуй развалюху»). Ничего заранее не бронируя, она хладнокровно рассчитывала, что для нее развалюха найдется.

Так и вышло. Изъясняясь на характерном вашингтонском диалекте, она положила на стойку свои старые американские права, расплатилась наличными. Парень за стойкой упирался, требовал номер банковской карты – на случай, если ей вздумается украсть машину. Она спросила – что, по его мнению, она будет делать с его тачкой? Поедет на ней обратно в США? В конце концов она подкупила его, сунув ему пятьсот долларов наличными. Взяла в прокат портативный навигатор. Здесь, у полярного круга, вселенная вела себя иначе, чем в других частях света.

Небо казалось плоским, солнце всегда перекошенным. Оно совершало свой путь по кругу, а не по дуге. Хотя сегодня оно решило вообще не появляться. В Эльвбю шел дождь. Владлена повела машину на северо-восток. Проехав мост у Видваттнета, остановилась на площадке рядом с пляжем. Там она достала из сумочки платок. Спрятала свои волосы, крепко затянула его под подбородком, вокруг шеи, концы опустила на плечи. Распрямившись, посмотрела на себя в зеркало заднего вида. Хиджаб. Атрибут мусульманской женщины. Потом забила в навигатор адрес садика «Веселый шмель» на улице Фёренингсгатан в Стентрэске.

Долго сидела и смотрела на реку, несущую свои воды вниз.

Не в ее силах помешать тому, что должно произойти – это все равно что пытаться остановить движение реки. Однако она может повлиять на ход событий, изменить некоторые детали, влияющие на финал. Терять ей нечего.

Она ехала, пока не достигла съезда в сторону микрорайона Трескет. Оставив позади трассу 374, въехала в город. Медленно

катилась вперед, охваченная чувством дежавю. Улицы и дома прочно отпечатались в памяти. Многое осталось таким, каким она его помнила. Как это возможно? Каждый незнакомый столб с рекламой словно вопил в знак протеста. Ей пришлось остановиться на парковке возле магазина Ica, чтобы привести в порядок дыхание.

Она никак не ожидала, что ее охватят такие сильные чувства.

Посмотрела на навигатор. Шмель. Насекомое, не подозревающее о том, что по законам физики оно не должно подниматься в воздух. Переключила передачу, сцепление заело. Похоже, она и вправду взяла в аренду развалюху.

За забором под дождем бегало два десятка детей в шапочках и прорезиненных плащах. За ребенком она следила с самого рождения по профилю Юсефин в социальных сетях, однако все равно опасалась, что не узнает его среди других детей.

Однако сомнений быть не могло. Мальчик был просто копия Маркуса в детстве – такие же прямые плечи, такой же непоседа.

Оказаться так близко. От этого чувства сердце отчаянно забилося, стало трудно дышать.

Достав из сумки фотоаппарат «Полароид», она вышла из машины. Прикрывая его зонтиком, двинулась вдоль забора, не глядя на детей. Мальчик, смеясь и беззаботно распевая, играл в песочнице с ведром и мячиками. Повернувшись, она двинулась назад. Остановившись у машины, сделала вид, что ищет что-то в сумочке.

Но тут мячик улетел и ударился о забор рядом с ней, ребенок побежал за ним. Она подняла фотоаппарат, нажала на затвор. Мгновенный снимок с шуршанием вылез наружу. Она приблизилась на шаг. Ребенок удивленно посмотрел на нее. Тут ей удалось сделать еще одну фотографию.

– Привет, Эллиот, – проговорила она. – Какой у тебя красивый мячик!

Не говоря ни слова, мальчик схватил мяч, повернулся и побежал обратно к песочнице. Поспешно запихнув фотоаппарат в сумочку, Владлена села в машину и поехала прочь.

На парковке позади автобусной станции она дождалась проявления фотографий. Обе получились отлично. Вторая и вовсе великолепная. Эллиот смотрел прямо в камеру большими глазами. Его удивление можно было истолковать как страх.

Затем, медленно проехав по узким улочкам, она встала так, чтобы видеть садик и дорожку, ведущую к жилым домам. Мимо прошла женщина с собакой, бросила взгляд внутрь автомобиля, потом отвернулась. Расчет оказался верен. Шведы избегали смотреть на мусульманских женщин. В знак уважения или же отрицания.

Владлена сидела и ждала, ощущая легкий шум в голове – то ли воспоминание о ветре в горах, то ли просто повышенное давление. Во всей ситуации было нечто сюрреалистическое – находиться в этом месте, которое она представляла себе столько раз, что оно стало походить на сон.

Спустя полчаса появилась Юсефин с коляской – упругая походка, дождевик, защищающий от мокрых струй. Симпатичная девушка, не то чтобы сильно одаренная, по крайней мере, если исходить из того, что она выкладывает в соцсетях. Хотя она, похоже, очень любит Маркуса и детей.

В зеркало заднего вида Владлена видела, как невестка заехала в садик и припарковала экипаж с дочуркой возле забора, чтобы зайти внутрь и забрать сына.

Заведя машину, Владлена медленно проехала мимо, остановившись там, где стояла коляска. Опускать стекло она не решилась, подняла фотоаппарат и сделала через стекло и забор фото малышки в коляске.

Затем она газанула и поехала в сторону жилого квартала. Остановившись перед магазином электротоваров, выставила в навигаторе «Турнвеген 12». Не спеша подъехала к дому. Она знала, что это белый дом с серыми наличниками и углами.

Медленно проехала мимо. Из почтового ящика торчала какая-то реклама. Владлена поставила машину на парковку на параллельной улице. Проявилось фото с девочкой в коляске, тоже пойдет. Достав из сумочки «Путь бабочки», она прождала еще час. Появилась Юсефин. Мальчик стоял на платформе с колесиками, прицепленной к коляске и, похоже, напевал. В сетке между колес коляски виднелся пакет с продуктами из Иса.

Владлена включила зажигание, чтобы на сантиметр опустить стекло. Мелодия, которую напевал мальчик, звучала как «Ты скажи, барашек наш», но слов было не разобрать. Держа наготове фотоаппарат, она сосредоточилась на дыхании, не сводя глаз с

семейства. Щелкнула одно фото, когда Юсефин доставала содержимое из почтового ящика. Второе – когда она положила почту поверх пакета с продуктами. Третье – когда она, отперев дверь, вкатывала коляску в дом.

Владлена неподвижно сидела в машине, пока вокруг постепенно угасал дневной свет.

Маркус появился около пяти. В кухне зажегся свет. Она видела, как внутри движутся силуэты людей. Похоже, они готовят ужин. Маловероятно, что они сегодня снова будут выходить на улицу. Она как раз решила уехать, когда увидела, как перед домом остановился автомобиль «Вольво», из него вышел Викинг.

У нее перехватило дыхание. Она зажала рот обеими руками, чтобы не закричать в голос. Он остался точно таким же, каким она его помнила. Его она узнала бы из тысячи.

Она сидела, словно парализованная, наблюдая, как он вошел в дверь, внезапно уронил что-то на пол и на лету поймал мальчика обеими руками. Потом дверь за ним захлопнулась.

Она рыдала так, что запотели очки. Попыталась взять себя в руки, когда к машине приблизилась пожилая пара, но они даже не взглянули в ее сторону.

Некоторое время спустя Викинг снова вышел на крыльцо, прижимая к уху мобильный телефон. К этому моменту дождь прекратился. Говорил он довольно долго. Слов она не различала, но слышала его характерные интонации. Потом он закончил разговор, убрал телефон во внутренний карман форменной куртки, пару минут стоял неподвижно, глядя на окружающий ландшафт – похоже, его мысли бродили где-то далеко. Потом неожиданно спустился с крыльца на газон и улегся на траву. Растянулся на траве, вытянув руки, и стал смотреть в небо. Она снова включила зажигание, полностью опустила стекло, чтобы приблизиться к нему. Похоже, он что-то бормотал, но она не слышала, что именно. Ее охватило импульсивное желание выйти к нему, лечь рядом и погладить его по щеке. Ей пришлось снова поднять стекло, отдалиться.

Потом он встал, отряхнул брюки и вошел в дом.

Она сидела неподвижно, глядя на свет, льющийся из кухни: теплый, желтый свет. Видела движения, силуэты. Фрагменты чужой жизни.

Около девяти дверь вдруг распахнулась, Викинг выбежал наружу. Сел в свою машину и понесся вверх по склону к Кварндаммсвеген.

Выждав полминуты, Владлена двинулась следом за ним.

Он уехал домой. Его машину она нашла припаркованной на том же месте, что и тридцать лет назад.

В его окне горел свет – неяркая лампа где-то в глубине комнаты.

Она прождала целый час, прежде чем лампа погасла, потом поехала к Кальмюрену.

В тупике у северо-западной оконечности болота она поставила машину на ночь. Достала один бутерброд, купленный в вагоне-ресторане, выпила бутылку минеральной воды. Потом вылезла, сняла с себя пальто и платок, обошла машину и села на пассажирское сиденье. Тут нет руля, больше пространства для ног. Максимально откинув сиденье назад, накрылась своим пальто. Ночь будет холодная, но не холоднее того дня, когда она пропала. Посмотрев вверх через лобовое стекло, она поморгала пару раз и заснула.

SKYDDSSOMRÅDE

Tillträde förbjudet för utlänningar

RESTRICTED AREA

Entry prohibited for aliens

SPERRGEBIET

Zutritt für Ausländer verboten

ZONE PROHIBEE

Accès interdit aux étrangers

SUOJA-ALUE

Pääsy ulkomaalaisilta kielletty

ЗАПРЕТНАЯ ЗОНА

Доступ иностранцам воспрещен

22 августа 2020 года, суббота

На рассвете она вернулась в Стентрэск. В квартире Викинга уже горел свет. Ей не пришлось долго ждать – вскоре он вышел из подъезда и направился к машине.

Владлена следовала за ним, пока он кружил по городу. В участок, к своей маме, в пансионат. Вниз в микрорайон Трескет, потом на Ракетную базу.

Стало быть. Маркус получил ее письмо, отправленное во вторник с Центрального вокзала Стокгольма. Теперь Викинг пытается выяснить, кто его написал, кто мог использовать этот их знак. Кто располагал информацией о работе Маркуса.

Под конец он вернулся в участок. Решил проверить отпечатки пальцев, поискать информацию об отеле.

Толстая женщина с рыжими волосами в кроксах на ногах вошла в полицейский участок с пакетом из Иса – наверное, уборщица. Оставалась она внутри недолго, вышла без пакета.

Викинг тоже вышел, поставил дверь на сигнализацию, запер. Поехал к себе на квартиру, оставив машину на холостых оборотах. Минуту спустя снова появился со старым рюкзаком, который положил на заднее сиденье, и поехал в сторону трассы 374. Владлена следовала за ним на почтительном расстоянии, мимо Видсея и далее в сторону Эльвбю и Лулео. Где-то в районе Еддвики она потеряла его из виду, но обнаружила его машину на парковке аэропорта Каллак.

Если она его достаточно хорошо знает, он полетел в Стокгольм с целью посетить «Hotel Intenational».

Развернувшись, она поехала обратно в Стентрэск. Почувствовав внезапный голод, остановилась у какого-то кафе в Эльвбю и съела палыт^[17]. Во второй половине дня погуляла вокруг водопада Стурфорсен, очарованная гудящими массами воды, падающими с высоты.

Вечером, припарковавшись чуть в стороне на улице Кварндаммсвеген, она пошла в квартиру Викинга.

Свою квартиру.

В ее времена глазков у соседей на дверях не было. Осторожно приблизившись, она остановилась на лестнице, оглядела лестничную площадку. Три двери. По-прежнему никаких глазков. Несколько минут она стояла неподвижно, прислушиваясь. С одной стороны совсем тихо, с другой доносилось негромкое бормотание телевизора. И запах все тот же – легкий аромат лимона.

Она ступила на площадку. У Викинга на двери стоял замок старого образца – похоже, он его и не менял никогда. Авось и тайник для запасного ключа не поменял. Бесшумно сделав пару шагов по лестнице вверх, она отковыряла от стены отстающий плинтус.

Ключ лежал на прежнем месте. Здесь время остановилось тридцать лет назад.

Она легко открыла дверь. Вошла в квартиру, бесшумно закрыв за собой.

Если он вернется сегодня вечером домой, значит, это судьба.

Однако она считала, что это маловероятно.

Долго стояла неподвижно в темноте, слушая свое собственное дыхание.

Зеркало в коридоре ее – то самое, висевшее у нее в квартире в Сольне. Сосновая рама, такой же комод под ним. Стало быть, Викинг решил сохранить его. Ей пришлось опуститься прямо на пол. Она стянула с себя шаль, распустила волосы, сняла очки, положила на комод. Потом расстегнула ботинки, пальто. Оставила все на полу.

Подумать только, она здесь. Она снова здесь!

Долго сидела так, втягивая ноздрями воздух.

Ее воздух.

Потом поднялась и пошла в кухню.

Кухонный стол, купленный в магазине «Блумс» в Эльвбю, когда они переехали сюда. Стулья те же. Приметы той жизни.

Зажигать свет она не стала.

Гостиная. Диваны новые, у стены маленький столик с компьютером. Спальня. Основа кровати, наверное, новая – она нуждалась в замене еще тогда, но изголовье все то же.

Обои, линолеум...

Тридцати лет как не бывало, она снова стала Хеленой Стормберг, ходила по своей квартире, привычной и знакомой.

Завел ли он новую женщину?

Она зашла в ванную. По крайней мере, здесь следов пребывания посторонних нет. В шкафчике только одеколон после бритья, зубная нитка и таблетки от головной боли.

Взяв с собой пальто, она прилегла на кровать. Матрас, само собой, новый.

Свернулась клубочком, чтобы ноги оказались под пальто.

Заснула.

Дома.

23 августа 2020 года, воскресенье

При свете уличного фонаря она подготовила письмо. Положила в конверт фотографию Эллиота с удивленным лицом, Юсефин с детьми возле дома и фото малышки в коляске за забором садика. Написала короткое сообщение.

Они видят тебя.

Откажись от должности. Иначе ты умрешь.

Вместо подписи поставила звездочку. Написала на конверте «Маркусу».

Затем вышла из квартиры, темной и пустой, как могила. Заперла, положила запасной ключ на прежнее место.

Снова поехала к водопаду, дождалась, пока настанет день.

Необходимо напугать его. Основательно напугать.

Важно, чтобы это не произошло слишком рано, чтобы у Маркуса хватило времени отреагировать и все обдумать. Но и не слишком поздно, чтобы он успел прийти к какому-либо решению.

В послеобеденное время она нашла удобное место позади их виллы, откуда хорошо просматривался въезд с улицы.

Подходящий момент настал, когда Маркус взял с собой мальчика и куда-то уехал на машине, а Юсефин осталась с дочерью одна дома. Встав в леске за домом с биноклем, она делала вид, что наблюдает за птицами. Заметила, как Юсефин вышла на веранду за домом с малышкой на руках и села кормить грудью в кресле-качалке.

Сколько времени сосет грудь полугодовалый ребенок? Минут десять?

Значит, в ее распоряжении десять минут.

Быстро обогнув дом, она спокойно и уверенно подошла к белой вилле, нажала на ручку. Входная дверь была не заперта. Она услышала, как Юсефин что-то напевает девочке на веранде.

Положила конверт на пол в коридоре.

Маркусу.

Внутри дома.

Грубое нарушение неприкосновенности частной жизни.

Отчетливая угроза.

Он должен отказаться от QATS.

Затем она вышла, закрыв за собой дверь. Никого из соседей на участках не было. Она пошла к машине бодрым, но прогулочным шагом, как ходят в выходные дни.

После этого она вернулась в Эльвбю. Залила полный бак. В фирме «Rent-A-Wreck» во второй половине дня в воскресенье было закрыто, она бросила ключи от машины в щель на двери.

Поездка на поезде обратно в Стокгольм занимает двенадцать часов и семь минут, она прибудет на место около половины седьмого. Как раз вовремя, чтобы продолжить обследования в «Софияхеммет».

На следующий день ее ждали ультразвуковое обследование сосудов шеи и паха, сканирование торса и исследование плотности костей.

ОСЕНЬ 1989 ГОДА

Успевать на встречи становилось все сложнее.

Последние координаты вели на парковку за зданием Евангелической церкви в Видселе. Ей надлежало прибыть туда в четверть пятого.

Она понимала, что Ангелов не может учитывать, во сколько ей забирать ребенка из садика, но на этот раз и время, и место были выбраны исключительно неудачно. Строго говоря, она должна забрать Маркуса в четыре, а машины у нее нет. До Видселя чертовски далеко.

Выйдя из-за стойки, она пошла на кухню, чтобы стащить булочку с корицей. Постоянно жевать – только это помогало сдерживать тошноту. Она успела забыть, как плохо чувствовала себя в самом начале с Маркусом. На этот раз все то же самое.

Пока она ела, вошел Урбан, принялся крутиться вокруг нее.

– Я почистил тротуар, – сказал он. – Что теперь?

Она улыбнулась ему, с усилием сглотнула.

– Отлично, – сказала она. – А теперь почисти задний двор и стряхни снег с мусорных баков.

– Хорошо, – ответил дворник и отправился выполнять задание.

Взяв с собой еще одну булочку, она вернулась за свой стол за стойкой администратора.

– Мы закончили, – сказали ей уборщицы, перевешиваясь через стойку и глядя на нее сверху вниз. Поднявшись, она подошла к ним. На самом деле они должны были убираться еще час, но все номера забронированы до конца недели, а когда гости живут в своих номерах, уборка идет куда быстрее. Она придумала уборку конференц-зала, совершенно ненужную, но теперь у нее уже не было сил выдумывать им дополнительные задачи. Демонстративно посмотрев на свои часы, она откинула голову назад, делая вид, что прислушивается к звукам из кухни. Она знала, что Керстин там нет.

– Хорошо, – негромко и многозначительно проговорила она. – Можете идти. Но когда уедут французы, будьте готовы убраться основательно, хорошо?

Обе женщины просияли и поспешили наружу в последних лучах вечернего солнца.

Она разложила счета, бросила взгляд на задний двор. Примерно час Урбан будет занят расчисткой двора и мусорных баков. Взяв генеральный ключ, она поднялась по лестнице.

Ей потребовалось дня два, чтобы вычислить, кто же у них начальник. Обычно это был тот, кто выступал от имени группы, но в данном случае все оказалось не так. Вероятно, это объяснялось тем, что французы в целом плохо знают языки. В группе оказался единственный человек, говорящий по-английски, его и посылали, когда надо было зарегистрироваться или заказать завтрак. Никто в пансионате не знал, что она владеет французским лучше, чем английским, и она не собиралась этого раскрывать, так что парню пришлось ломать язык. Однако когда постояльцы разговаривали между собой, она обратила внимание, что все решения принимает мужчина из пятнадцатого номера. Отперев его комнату, она зашла и закрыла за собой дверь.

Номер был прибран, покрывало на кровати расправлено. Само собой, никакие результаты испытаний на видном месте не лежали, так не бывает. Впрочем, она и не рассчитывала на это, такую небрежность проявляют только американцы.

Достав из большого кармана на брюках карманный фонарик, она подошла к шкафу, посветила вокруг дверцы, чтобы посмотреть, не оставил ли мужчина метки, чтобы потом обнаружить, если шкаф открывали. Ничего не нашла.

Сейф стоял внизу слева. Он был на порядок лучше, чем обычно бывает в отелях, поскольку большинству постояльцев требовалось запираать материалы повышенной секретности. Стиснув зубы, она тихо понадеялась, что французы воспользовались сейфом. Турки – нет, они хранили все бумаги на базе до самого отъезда. Ангелов был в ярости.

Сделав глубокий вдох, она обследовала сейф. Посветила вокруг дверцы – вот оно! На дверцу снаружи мужик приклеил волос. Она ввела генеральный код, замок щелкнул и открылся. Волосок полетел на пол, она поймала его двумя пальцами, зажала губами. Внимательно оглядела документы в шкафу, запоминая, в каком порядке они лежали. Потом достала и разложила на полу.

Предпоследний день перед отъездом подходил для проверки лучше всего. Большая часть испытаний была закончена, но не все. Те, что проводились в последний день – а это обычно была пятница, – в сейф уже не клали, потому что гости покидали Стентрэск. Таким образом, окончательные результаты были ей недоступны. Она знала – это воспринимается как ее недоработка.

Волосок она положила на верхнюю полку в сейфе. Достала маленький фотоаппарат и сфотографировала документы, основательно и последовательно, в том порядке, в котором они лежали. Снова зажала волосок губами, положила бумаги обратно так, как было, прикрепила волос на прежнее место и заперла дверь. Код, выбранный самим постояльцем, не менялся от того, что она использовала генеральный код.

Закрывает дверь шкафа. Оглядела номер. Все безупречно. Вышла, снова спустилась в холл. Урбан по-прежнему занимался очисткой снега с мусорных баков.

Теперь встреча – в таком неудобном месте.

Ей придется придумать повод, чтобы взять служебную машину и к тому же оправдать, почему она заберет ребенка из садика позднее. Позвонила с коммутатора пансионата в участок, трубку взяла Карина.

– Ты не могла бы передать Викингу, что я задержусь? Мне придется поехать в Эльвбю, отвезти в химчистку ковер.

Карина пообещала все передать.

Обойдя стойку, она скатала ковер, лежавший перед входом. Сделав три шага к задней двери, открыла ее и позвала Урбана.

– Ты не мог бы помочь мне отнести ковер в машину?

Дворник тут же поспешил к ней, закинул ковер на плечо и понес к служебной машине.

– Спасибо, Урбан. С ума сойти, какой ты сильный!

Урбан покраснел.

Снаружи стало совсем темно.

Она осторожно повела машину в Видсель. Пошел легкий снег, дорога была скользкая. Став на неосвещенной парковке позади Евангелической церкви, Хелена выключила освещение в машине. Достала из фотоаппарата кассету с пленкой и стала ждать.

Сообщения о встречах и координатах передавались в виде зашифрованных сообщений при помощи одноразового шифра на ее старый транзистор – Викинг считал, что она хранит его в память о маме. Их передавали в виде групп из пяти цифр прямо из Москвы. Частота была подобрана так, чтобы Хелена могла отчетливо слышать сообщения без какой-либо дополнительной антенны. Чем старше становился Маркус, тем сложнее было их принимать. Однажды он начал вслух повторять русские цифры в садике. К счастью, ей не приходилось ничего передавать самой, считалось, что риск слишком велик. Отснятые пленки она обычно оставляла в заранее условленной точке без личной встречи, самым простым способом. Опускала их в старый почтовый ящик или дупло дерева. Личных встреч обычно избегали, но сейчас они стали очень частыми. Недобрый знак.

Ровно в четверть пятого открылась дверь, и Ангелов плюхнулся на пассажирское сиденье рядом с ней. Она протянула ему кассету с пленкой, он дал ей упаковку с десятью новыми.

– Мы должны подготовить твой отъезд.

Вот оно, этот день настал. У нее сдавило горло, она подавила приступ тошноты.

– Я снова беременна, – сказала она.

Похоже, он не рассердился.

– Дело несрочное, – сказал он. – В политике сейчас много всего происходит. Я просто хотел предупредить тебя.

– Когда, хотя бы примерно? Ребенок родится в апреле будущего года.

Теперь его голос зазвучал раздраженно.

– Я же сказал: это будет не сейчас. Ты заранее получишь инструкции, как тебе действовать. Кто знает, чем все это закончится –

все эти осложнения.

Она не совсем поняла, какие осложнения он имел в виду. Однако догадалась, что расспрашивать бесполезно.

– Кто-нибудь еще бронировал номера? – спросил Ангелов.

– Американцы только что подтвердили, что приедут снова в марте, как и планировалось, а турки забронировали две недели в июне.

– На какие даты?

– С двенадцатого по двадцать третье.

Ангелов недовольно хрюкнул. В тот момент она не сможет снабжать их информацией, будет сидеть дома с малышом.

– Что я могу сделать, чтобы облегчить свой отъезд? – спросила она. – Что мне сказать Викингу?

– Ни звука, как ты понимаешь. В такой обстановке надо хранить молчание. Ты получишь подробную информацию, как тебе действовать.

Однако она не сдержалась и стала настаивать.

– Но хотя бы примерно? Когда я буду точно знать?

Он посмотрел на нее и вздохнул, в темноте блеснули его усталые глаза.

– Центр ничего не сообщает, – ответил он отеческим тоном. – Учитывая осложнения такого уровня, все может растянуться на несколько лет.

Он похлопал ее по руке, открыл дверь и вышел наружу. В машину залетел ветер, закружил на сиденье горсть снега. В зеркало заднего вида Хелена видела, как связной растворился в ночи.

Что он имел в виду, говоря об осложнениях? Может быть, гласность и перестройку? Новую открытость, экономические преобразования – все это сильно меняет условия, в которых работает их организация.

Выждав пять минут, она снова завела машину и поехала обратно в Стентрэск.

Она приехала в тот момент, когда французы вернулись с Ракетной базы.

– Могу я попросить вас об одной услуге? – обратилась она к мужчине, говорившему по-английски. – Вы не могли бы помочь мне занести внутрь этот ковер? Я только что получила его из стирки.

Мужчина скривился, но не нашел способа отказать беременной женщине. Он внес ковер, помог ей разложить его на прежнем месте. Она улыбнулась ему своей самой солнечной улыбкой и поспешила в садик.

Маркус устал и всю дорогу хныкал. Сидячую коляску заносило, колеса то и дело застревали в снегу. Добравшись до квартиры, она перевела дух.

Викинг был дома. Она нежно поцеловала его.

– Ну как, с ковром все в порядке? – спросил он.

Судя по всему, сообщение дошло до его ушей.

– Урбан помог мне отнести его в машину, – сказала она.

– Бедняга, – усмехнулся Викинг. – Он без ума от тебя. Я купил два пирога в кондитерской Хольмдаля.

Он указал на коробки, стоявшие на столешнице. Хелена снова поцеловала мужа.

Когда Маркус заснул, они поели пироги, сидя перед телевизором. Положив ноги на колени Викингу, Хелена ела апельсин, когда через пару минут после начала вечерней новостной передачи ведущий Бу Хольмквист вдруг заявил, что ГДР открыла проход в Западный Берлин. Хелена не поверила своим ушам.

– Что он сказал? – спросила Хелена.

– Что-что? – переспросил Викинг, который сидел и листал автомобильный журнал.

– Он и вправду сказал, что ГДР открыла границу с Западом?

Осложнения.

Викинг бросил взгляд на экран телевизора.

– Это был вопрос времени, – произнес он. – Ясное дело, нельзя держать взаперти целый народ.

Хелена выпрямилась. В голове гудело. Когда закончились новости по телевизору, она включила радио.

В рамках новой открытости Центральный комитет Социалистической единой партии ГДР ввел ежедневные пресс-конференции в прямом эфире. В тот день на пресс-конференции выступал секретарь ЦК партии Гюнтер Шабовски. Прочтя по бумажке текст, он добавил: «Поэтому сегодня мы решили ввести новый свободный порядок выезда граждан Германской Демократической Республики за рубеж».

Журналист спросил его, когда начнут действовать новые правила. Секретарь партии заколебался, но потом ответил: «Немедленно». В прямом эфире.

Уже через несколько минут жители Восточного Берлина начали собираться у пограничных переходов. Пограничники еще не получили новых инструкций и отказались выпускать тех, у кого не было соответствующих разрешений на выезд.

Ситуация все больше накалялась.

Викинг пошел и лег, но Хелена осталась сидеть у приемника.

В конце концов ситуация в Восточном Берлине вышла из-под контроля, особенно возле пропускного пункта на Борнхольмер Штрассе. Начальник пункта подполковник Харальд Егер оказался перед выбором: разогнать народные массы силой или же открыть границы.

Он выбрал второй вариант.

Около полуночи все ворота широко распахнулись.

Сидя в темноте в своей гостиной в Стентрэске, Хелена прислушивалась к грохоту, с которым рушилась Берлинская стена, все больше осознавая происходящее.

Железный занавес рухнул.

Люди станут по-настоящему свободными.

Нечто куда более головокружительное, чем самые высокие горы.

А вдруг и она сможет остаться в Стентрэске... Навсегда.

28 августа 2020 года, пятница

Она очнулась с болью в горле, в мокрых брюках. В первые секунды не могла понять, где находится. Резкий запах мочи. Она обмочилась.

Гостиничный номер Викинга. Его шершавые руки, сжимающие ей горло.

Она лежала, замерев, прислушиваясь к звукам в комнате, из-за окна. Они звучали размыто. Дождь, барабанивший по карнизу. Одинокaя машина, шины которой шуршали по мокрому асфальту.

Он все еще здесь?

Скорее всего, нет.

Видимо, она довольно долго пролежала в обмороке, потому что моча успела остыть. Брюки прилипли к бедрам. Ей было очень холодно.

Владлена попробовала кашлянуть и почувствовала сильную боль. Что-то сломалось? Пощупала шею – там болело и ныло. Она села, прислонившись к изголовью кровати, протянула руку к ночнику. Свет не включался. Должно быть, Викинг вынул из держателя гостиничную карточку, без которой не работало электричество.

Осторожно сглотнула. Горло состоит только из мягких частей: трахея, голосовые связки, щитовидная железа, сонная артерия. Подъязычная кость.

Попробовала сглотнуть – получилось. Откашлялась. Голос тоже звучал, хотя и хрипло. Осторожно встала, ее слегка покачивало. По пути к своей сумочке, лежавшей в углу, ей пришлось опираться о мебель и стену. Там у нее лежали карточки, которые могли запустить электричество. Это необязательно должна быть карточка-ключ от номера, можно использовать любую карту. Достав карту своего спортзала в Москве, она, пошатываясь, вышла в холл. Вставила карточку в держатель. Лампа под потолком мигнула, ослепив глаза. В номере было пусто. На покрывале виднелось темное пятно мочи.

Она пошла в ванную, посмотрела на себя в зеркало. Глаза с красными прожилками, кожа вокруг них покраснела. Она неправильно

оценила Викинга, считая, что он не склонен к насилию. Какие еще ошибки она допустила?

Включив теплую воду в раковине, она стащила с себя брюки и трусики. Оторвав белое бумажное полотенце, попыталась оттереть брюки. Прополоскала трусы под краном. От мочи щипало кожу на бедрах, она залезла под душ и ополоснулась. Одеваясь, поняла, что джемпер тоже запачкан, замыла и его. Надела мокрую одежду – тут ничего не поделаешь. Не может же она сидеть голая и ждать, пока все высохнет, когда Викинг может вернуться в любой момент.

Прихватив с собой стакан воды, она вернулась в комнату. Погасив свет под потолком, подняла пальто, упавшее на пол, легла, избегая пятна мочи, и стала ждать, накрывшись пальто.

Внутренний голос подсказывал ей, что бояться нет причины.

Если бы Викинг хотел ее убить, то уже сделал бы это.

Она проснулась от щелчка, когда дверь номера открылась и снова закрылась.

Он вернулся. Она услышала в темноте его дыхание. Иррациональный страх холодной волной прокатился по телу – условный рефлекс.

Не зажигая света, Викинг прошел по комнате и уселся в кресле. На фоне окна, освещенного светом фонарей с улицы, четко обрисовался силуэт его головы. Она села, опершись спиной об изголовье кровати.

– Ты жива? – спросил он.

Она закашлялась, это действие по-прежнему причиняло боль.

– Ты знала, – проговорил Викинг в темноте. – Про Маркуса, что ему поручили руководство проектом. И что его должны убить.

Поднявшись выше, она зажгла лампу на ночном столике – островок слабого света осветил комнату. Потянулась за стаканом, который поставила на столик, осторожно выпила глоток.

Викинг смотрел на нее твердым взглядом – такой невероятно реальный. Подумать только, она снова видит его. Волосы почти совсем седые, прически никакой – как и тридцать лет назад. Плечи повисли, вид у него усталый. Взгляд тяжелый и мрачный.

– Твое предупреждение, – сказал он. – Оно сработало.

Она почувствовала, что ей не хватает воздуха.

– Он отказался от должности руководителя, и проект передали его коллеге. Во вторник коллега разбился насмерть. Авария была подстроена. В машине покопались.

Слезы потекли по щекам, она не могла сдержать их. Дышала через рот, чтобы не дать волю рыданиям.

– Это было опасно? – спросил он. – То, что ты предупредила его? Что будет с Маркусом, если они узнают?

Она не могла ответить. В тишине под окнами проехала машина скорой помощи, вой сирен проник сквозь закрытые окна. Владлена вытерла щеки рукавом джемпера.

– Я думал, что убил тебя, – проговорил он. – Представляешь, какая ирония судьбы?

Он посмотрел на свои руки.

– Даже не подозревал, что во мне это сидит, – сказал он. – Что я способен на такое.

Он закрыл лицо руками.

– «Обычно он не такой, – пробормотал он. – Только когда я его спровоцировала».

Она не поняла, что он имеет в виду, но спрашивать не стала.

Он поднялся.

– Уходи, – сказал он. – Не хочу тебя больше видеть.

Он вышел в прихожую и рванул дверь. Датчик движения активировал освещение в коридоре. Викинг ждал, демонстративно стоя в дверях. Она поднялась, стыдясь пятна мочи на покрывале. Брюки и джемпер были по-прежнему мокрые. Ледяные. Подняла с пола пальто. Таймер в коридоре отсчитал положенное время, и свет погас. На стенах танцевали голубые пятна от света фар машин. Осторожно подойдя к Викингу, она встала близко-близко. Ощущала его запах, земли и камня. Его двойную глубину света и тьмы. Вытащила свою карточку из держателя у него за спиной, ее рука коснулась его бедра.

Опустив голову, чтобы не видеть презрения в его глазах, она вышла, не оборачиваясь.

Владлена забронировала последнее обследование в «Софияхеммет» – у отоларинголога, который изучил ее травму. Он обнаружил разрыв мелких сосудов, повреждения на коже, которые считал незначительными. Отметил разрыв венул в результате большого

давления, вызвавший точечные кровоизлияния в тканях вокруг глаз. Из-за подкожных кровоизлияний у нее будут заметные пятна на шее. Однако подъязычная кость и связки не пострадали. Болевые ощущения пройдут через неделю-другую.

– Вы думали о том, чтобы сообщить в полицию? – с озабоченным лицом спросил врач.

Обязанность связаться с органами власти на него не возлагалась.

Она смущенно улыбнулась.

– За этим не кроется никакого преступления, – сказала она.

Он инстинктивно отодвинулся от нее на своем стуле.

– В следующий раз будьте осторожнее, – произнес он.

Наверное, подумал, что она практиковала секс с удушением, и партнер немного перестарался.

Выйдя из больницы, она спустилась в метро и поехала по красной линии в сторону Норсборга. Вышла на остановке «Мэлархёйден». Она сняла себе номер в отеле рядом с трассой в полумиле к югу от центра Стокгольма, неподалеку от виллы, где жили Матс и Марина.

Они живут все там же. И теперь Марина заведует отделением в той больнице, где когда-то проходила интернатуру – больнице святого Йорана.

Человек, сделавший такой выбор в жизни, не меняет алгоритмов поведения.

Стало быть, Марина по-прежнему ездит на работу и с работы на метро.

Вторую половину дня Владлена провела на маленькой площади на пересечении Хэгерстенсвеген и Слэттгордсвеген. Здесь было кафе, продуктовый магазин, кабинет мануальной терапии и магазин товаров для дома. Парикмахерская, крошечный киоск с тайской едой. Церковь. Все потребности цивилизованного общества, сосредоточенные на одном перекрестке.

Вскоре после семи из метро появилась Марина. Владлена науглила свежие фотографии, и правильно сделала. Подруга сильно изменилась. Заметно раздалась в ширину, а коротко подстриженные волосы совсем поседели. Неся большую сумку, она тяжеловатой походкой направилась к дорожущим виллам у воды.

Владлена двинулась за ней. По улице шли люди – небольшой поток хорошо одетых людей, движущийся в том же направлении. Сама

она обмотала вокруг шеи шаль.

Возле источника Бельмана она догнала Марину. В ее распоряжении семьдесят метров, чтобы изложить свое дело.

– Привет, Марина, – сказала она. – Это я, Хелена. Не бойся меня.

Врач бросила на нее быстрый взгляд, продолжая идти.

– Матс сказал, что ты, вероятно, появишься.

Стало быть, супруги Викандер по-прежнему всем друг с другом делятся.

Женщины продолжали идти рядом вниз по спуску. Мужчина на велосипеде, проезжавший мимо, поздоровался. И Марина, и Владлена ответили на приветствие.

– Я хотела бы встретиться с Матсом, – сказала она. – Номер 305, отель тут возле трассы.

Прибавив шагу, она оставила позади Марину, отметила боковым зрением, как та вошла на свой участок. Пошла дальше по Петтерсбергсвеген – самой узкой улице Стокгольма с двусторонним движением. Маленький белый пароход дал гудок и пришвартовался у мостков. До Владлены донесся запах жареных ребрышек, плеск воды в бассейне, детский смех.

Возле Ботмансклевет она свернула налево и вернулась в отель.

Там ее ждало сообщение, оставленное у администратора.

«Приходи к нам завтра в 16».

29 августа 2020 года, суббота

Владлена помнила день, когда Матс и Марина получили ключи от своего нового дома. Была пятница, стояла весна, они встретились во второй половине дня, когда солнце уже стояло низко над озером Мэларен, отбрасывая на кирпичные стены золотые полосы. Маркус только что начал ходить. Они сидели все вместе на расстеленном одеяле на бескрайнем полу гостиной, ели хлеб с холодными фрикадельками и пили вино из бумажных стаканчиков. Волшебное чувство – она никогда раньше не бывала в жилых домах с такими высокими потолками. Друзья были преисполнены ожиданий, буквально светились. Тогда впереди маячила жизнь, которая сегодня уже реализовалась: дети, карьера, соседи, празднование Рождества, повышение, разочарования, родительские собрания.

Наружная дверь все та же – дубовая, покрытая маслом. Часы показывали без одной минуты четыре.

– Привет, – сказала Марина. – Заходи.

Руки она не протянула.

Войдя в прихожую, Владлена почувствовала, как сдавило грудь. В последний раз она приходила сюда вечером накануне отъезда в Стентрэск. Машина с вещами уехала, в квартире наведен порядок, ключи возвращены хозяину.

В ту ночь они с Викингом и Маркусом спали на диванах на нижнем этаже.

Владлена сняла пальто.

Дом казался меньше, чем запомнился ей в молодости. Жилища почему-то имеют тенденцию разрастаться в воспоминаниях – или сжиматься в реальности.

– Тебе кофе? Или чай? – спросила Марина.

– Лучше чаю, спасибо, – ответила Владлена.

Она понимала, почему Матс предложил встретиться у себя дома – в том месте, которое выбрал он сам, а не наоборот. Контроль и доверие.

Они перестроили кухню. Убрали стену между столовой и гостиной, так что весь полуторный этаж превратился в единое

открытое пространство со вторым светом. Дубовая кухонная мебель – вероятно, сделанная на заказ, плита от Ive. Деньги в семье зарабатывала Марина. Зарплаты в разведке не позволяли иметь дома итальянскую плиту с эмалированными дверцами – какому бы режиму ты ни служил.

– Добро пожаловать, Владлена, – сказал Матс, появляясь из ниоткуда. – Пойдем сядем на диван в гостиной. Предполагаю, что у тебя нет с собой мобильного телефона, который мне пришлось бы попросить тебя отключить?

Она улыбнулась ему, уселась посреди большого дивана, спиной к воде. Должно быть, супруги Викандер заметили синяки у нее на шее под шалью, но никто из них ничего не сказал. Марина поставила на журнальный столик три чашки чая и блюдо с печеньем. Она и Матс уселись в кресла. Судя по всему, врач собиралась присутствовать при разговоре.

– Я пригласил на нашу встречу Викинга, – проговорил Матс. – Надеюсь, ты не возражаешь.

Полная прозрачность.

– Все отлично, – сказала Владлена.

– Итак, Владлена, назови, пожалуйста, свое имя, звание и дату рождения.

В России смертная казнь официально не применялась. За госизмену полагалось до двадцати лет лишения свободы, но изменников обычно устраняли другими методами. Сергей Скрипаль и его дочь, отравленные в Солсбери, – самый известный пример последних лет.

– Владлена Алексеевна Иванова, – ответила она. – Полковник Главного управления Генерального штаба ВС РФ. Родилась 21 января 1959 года.

– Ты по-прежнему активно работаешь?

Высокопоставленные офицеры выходят на пенсию в возрасте 55 лет, но многие предпочитают остаться. Особенно вернувшиеся разведчики-нелегалы, обычно не имеющие других занятий.

– Я занимаюсь анализом и составлением обзоров по данным из открытых источников – насколько они соответствуют или отличаются от сведений, полученных разведкой.

Открылась и закрылась входная дверь. Матс в молчаливом ожидании посмотрел в сторону прихожей.

Появился Викинг в одних носках, держа в руке свой потрепанный рюкзак.

– Привет, – сказал Матс. – Хочешь чаю?

Викинг покачал головой. Стараясь не смотреть на Владлену, он перетапывался с ноги на ногу. Единственное место, куда он мог бы сесть, было рядом с ней на диване, а она не собиралась подвигаться.

– Прекрасно, что у тебя получилось прийти, – сказал Матс. – Ты не мог бы отключить свой мобильный телефон?

Викинг сел, по-прежнему не глядя на нее.

– Он у меня выключен, – сказал он.

– Отлично. Мы как раз заняты тем, что устанавливаем звание и происхождение Владлены.

Она посмотрела на дубовый паркет, потертый детьми, самой жизнью. Почувствовала одним боком тепло Викинга.

– Стало быть, ты полковник. В каком отделе?

– Во Втором, – ответила она.

Матс Викандер кивнул.

– Ты занимаешься Северной и Южной Америкой, не Европой?

Он явно знал гораздо больше, чем можно было подумать – имел доступ к информации о структуре новой организации.

– У меня задачи общего характера, – ответила Владлена. – Частично пересекаюсь с другими отделами, в первую очередь с Первым, который занимается Европой.

Где-то в доме зазвонил мобильный телефон. Марина поднялась, чтобы ответить, и ушла на полэтажа вверх, в сторону спален. Матс не обратил на это внимания. Владлена спокойно смотрела на него, кровь стучала в висках. Он сидел, слегка откинувшись в кресле, небрежно положив руки на колени, никакого блокнота или ноутбука. К тому же она ощущала, как Викинг разглядывает ее в профиль.

– Ты не могла бы рассказать о своей подготовке?

– Я проходила обучение под началом генерал-лейтенанта Гуренко.

Глаза у Матса блеснули, он явно ожидал такого ответа. Гуренко был человек-легенда.

– Где именно?

– На даче под Москвой. Собственно, я точно не знаю, где именно она находилась.

Он задумчиво кивнул. Похоже, и этот ответ его несколько не удивил. В настоящее время случилось, что она обсуждала тему обучения с другими сотрудниками отдела – в годы ее активной службы это было невозможно. Похоже, точного местоположения центра подготовки никто из них не знал.

– Каковы были твои целевые страны? – спросил Матс.

– Сначала Швеция, потом США.

Почувствовала обжигающий взгляд Викинга.

– Какую именно подготовку ты проходила, мы, возможно, обсудим чуть позже, – сказал Матс. – Как долго ты была разведчицей в США?

– Шестнадцать лет, с 1991 по 2007 год. В Вашингтоне, штат Колумбия.

– Под каким именем?

– Лена Свенссон.

– Почему было прервано задание?

– Умер мой супруг.

Она мучительно сглотнула, не глядя на Викинга. Где-то далеко вполголоса разговаривала по телефону Марина, слов невозможно было разобрать.

– Твой муж, который...

– Ингвар Свенссон, под таким именем он жил в США. Работал художником.

– Это тот самый мужчина, который проходил в Швеции как Филип? Твой брат?

Она кивнула, сжав руки на коленях.

– Да, все так.

– От чего он умер?

– От СПИДа.

Матс чуть заметно приподнял брови.

– Хотя официально от лейкемии, – прибавила она.

Вернулась Марина, уселась в кресло.

– Я должна буду уехать в больницу, – сказала она.

– Куда тебя направили после возвращения домой? – спросил Матс и подался вперед, чтобы взять с блюда печенье.

– Мой кабинет находится в главном офисе на Хорошевском шоссе. Площадка для вертолетов на крыше и бассейн в цокольном этаже. Когда она вернулась, Управление только что переехало туда.

Матс хрустел печеньем, стряхивая пальцами крошки.

– Как прошла акклиматизация после возвращения в Россию?

– Всем, кто долго жил за границей, это дается тяжело.

Правда заключалась в том, что к вернувшимся разведчикам поначалу относились с большим подозрением. Они вели себя странно, их считали избалованными и ненадежными. В целом они общались в основном между собой. Жили в одном районе, ходили на одни и те же ужины и концерты. Те, кому удавалось влиться, получали высокие посты в организации.

– Где ты живешь сейчас?

– Возле «Маяковской».

Матс присвистнул, показывая, что впечатлен, засунул в рот очередное печенье. Викинг подался вперед.

– Как ты могла оставить ее?

Она повернула к нему голову, увидела гнев в его синих глазах. При свете дня она заметила, что лицо у него покрыто морщинами.

– Оставить?

– Бросить Элин на болоте. Ты знаешь, как она выглядела, когда ее нашли?

Морошка, корзинка, переноска с младенцем.

Она откинула волосы со лба. Он поднялся во весь рост, склонился над ней.

– Она чуть не умерла. У нее на лице до сих пор шрамы от укусов насекомых. Кто ты после этого?

Он вышел в кухню, Владлена слышала плеск воды. Сердце стучало в груди, во рту пересохло. Она отпила глоток чая.

– С какой целью ты вернулась в Швецию? – спросил Матс.

– На базе в Стентрэске планировались испытания новой системы ракет НАТО.

– QATS, – сказал Матс.

– На базе есть наш агент. Предполагалось, что руководство проектом поручат ей. Этого не вышло, и тогда было принято решение устранить препятствие, чтобы проект достался ей.

Несколько секунд она молчала, собираясь с духом.

– Мне стало известно, что это препятствие – Маркус.
– Каким образом планировалось устранить препятствие?
– В отделе 29155 есть сотрудники, выполняющие подобные задачи. В данном случае они, судя по всему, инсценировали автокатастрофу.

Вернулся Викинг со стаканом воды, снова сел рядом с ней. Потянулся за рюкзаком, разложил на столе три копии паспортов.

– Вот они, – произнес он. – Группа тестировщиков из Лейпцига. Жили в отеле «Стурфорсен», выехали во вторник рано утром.

– Бывшая Восточная Германия, – сказал Матс. – Какие марки машин там производят?

– И «Порш», и «БМВ», но это к делу не относится. Паспорта фальшивые. У меня нет доказательств, но я это знаю. Твои коллеги.

Он мрачно кивнул в ее сторону. Она подалась вперед, внимательно изучила лица на копиях паспортов. Трое мужчин среднего возраста. Невыразительные лица, пустые глаза.

– Ты их знаешь? – спросил Матс.

– Этих людей не знает никто, – ответила она.

– Могу я взять это на время? – спросил Матс.

Викинг придвинул ему копии через стол.

– Как давно ты знала? – спросил он и посмотрел на нее в упор. – Когда ты узнала, что тебе придется покинуть нас?

– Я точно не знала когда, – ответила она. – Только то, что это произойдет.

Она плакала по ночам, делала вид, что это послеродовая депрессия.

– Почему ты должна была именно умереть? – спросил Викинг. – Почему не могла просто развестись со мной?

Она повернулась и посмотрела ему в глаза.

– Потому что мне дали другие задания, а вы стали моими заложниками. Пока я делала все, что мне скажут, я знала, что с вами ничего не случится.

В комнате повисла тишина. Викинг с недоверием уставился на нее.

– Разве твое появление здесь не связано с большим риском? – спросил Матс. – Для тебя и Маркуса?

– Необязательно, – тихо ответила она. – Все будет зависеть от моих действий.

– Твое начальство знает, что ты здесь?

– Разумеется. Я покупала билеты открыто, используя мобильный телефон. Само собой, не сейчас, он лежит в отеле.

– Какую причину поездки ты укажешь?

– Вполне убедительную, которую нельзя будет связать с моим сыном.

– Почему у тебя был неверный личный номер? – спросил Викинг. – И зачем ты говорила, что родилась в Катаре?

Стало быть, он наконец-то догадался.

– Чтобы кто-нибудь понял, – ответила она. – Чтобы до тебя дошло – тут что-то не так.

Викинг заморгал.

– Ты назвала неправильный номер – нарочно?

– Поначалу я была очень наивной, – проговорила она. – Поскольку не могла рассказать, кто я, то хотела, чтобы меня задержали и разоблачили. Само собой, это ничего бы не дало.

– Я просмотрел наш реестр известных агентов 80-х, – сказал Матс. – Ни тебя, ни Филипа там нет.

Она промолчала.

– Еще одно, – проговорил Матс. – Ты знала об операции «Cosi fan tutte» в ту ночь, когда был убит Улоф Пальме, Викинг рассказал тебе об этом – что Русский отдел СЭПО планировал задержать человека, осуществлявшего связь с советскими разведчиками, Владимира Ангелова. Он был твоим связным?

Она кивнула.

– Операцию отменили, – продолжал Матс, – и русские так о ней и не узнали. Ты не сообщила им об этом.

Она сжала руки на коленях.

– И еще одно, – сказал Матс Владлене. – В ГРУ обо мне не знают. Ты не сдала меня им.

Она почувствовала на себе пристальный взгляд Викинга.

– Как ты отнеслась бы к тому, чтобы остаться в Швеции и работать на нас? – спросил Матс.

Вот оно. Предложение о сотрудничестве.

– Это было бы очень трудно, – ответила Владлена. – Моя семья остается заложниками.

– Ты имеешь в виду Маркуса и Элин?

– У меня нет другой семьи.

Она бросила быстрый взгляд на Викинга.

– У тебя нет детей в США? – спросил Матс.

Она покачала головой.

– Ингвар, то есть Леонид, был геем. Ему удавалось это скрывать, наше начальство ничего не заподозрило.

– Почему ты так думаешь? – спросил Викинг.

– В противном случае нас немедленно отозвали бы обратно в Москву, – ответила Владлена.

Получить приказ немедленно вернуться – провал для разведчика-нелегала. Случись такое, она никогда не смогла бы занимать никаких постов в своей организации.

– Твое руководство не знает, что твой сын работает на Ракетной базе? – спросил Матс. – Что проект по испытанию QATS поручили ему?

– Руководство знает. Не предполагалось, что это станет известно мне. Особенно важно было выдать это за несчастный случай.

Матс пристально посмотрел на нее. Он все понял.

Викинг подался вперед, не сводя с нее глаз.

– Так как же ты узнала? – спросил он. – О Маркусе и QATS?

Козлов, его вонючий член и волосатый живот.

Она откинула прядь с лица, руки у нее дрожали.

– Через контактное лицо, связь с которым я поддерживала много лет.

– А контактное лицо знает об этом? – спросил Матс. – Ты рискуешь, что тебя раскроют?

– Нет. Он понятия не имеет.

Викинг по-прежнему не сводил с нее глаз.

– Так ты не можешь остаться в Швеции из-за Маркуса и Элин? – проговорил он. – Им не поздоровится, если ты станешь перебежчиком?

Кажется, до него начало доходить.

– Так ведь ты же можешь снова умереть, – проговорил он. – Ведь ты знаешь, как это делается.

Его голос чуть заметно дрогнул. За насмешливыми словами скрывалось нечто другое. Она чуть заметно улыбнулась.

– Я не могу снова утонуть в болоте. Случается, что ГРУ что-то упускает, но на такое они не поведутся.

– Ты можешь умереть публично, – продолжал Викинг. – Тебя застрелят прямо на улице, на глазах у массы свидетелей. Бах – и готово.

– В таком случае должен остаться труп, – сказал Матс. – И следы крови.

– Кровь можно взять заранее, – сказал Викинг. – И вылить ее на месте. Твою собственную кровь, с твоей ДНК.

– Кровь коагулирует, – сказала Марина. – Даже в полиэтиленовых пакетах.

– Правда? – переспросил Викинг. – А как тогда делают переливание крови?

– Добавляют в нее цитраты или оксалаты, но при анализе это сразу будет видно.

– Тогда тебя просто подстрелят, ты прольешь немного крови и умрешь по дороге в больницу, – не унимался Викинг.

– Стало быть, убийство, – проговорил Матс. – А кто будет вести следствие?

– Это можно устроить, – сказал Викинг. – Договориться со следователем и прокурором...

– Это нереально, – произнес Матс, – понадобится большая операция, слишком много людей будет задействовано.

Она сжала руки, покачала головой.

– Ты мыслишь правильно, – сказала она Викингу. – Единственный способ сбежать – это умереть, но виноваты должны быть они.

– Что ты хочешь сказать? – спросил Викинг. – Кто – они?

– В моей смерти должно быть повинно государство, – сказала она. – А государство ошибок не совершает. Им не захочется ковыряться в своих собственных кишках.

Пожалуй, не самое распространенное выражение, но собеседники, вероятно, поняли ее.

– Если ты все это знаешь, почему ты не сделала так раньше?

Она посмотрела ему в глаза.

– У меня не было причин.

Марина бросила взгляд на свои часы и поднялась, кивнула Викингу.

– Пока, мой дорогой, – сказала она, поцеловала Матса и пошла к двери, даже не взглянув на Владлену. Они слышали, как захлопнулась входная дверь.

– Когда ты возвращаешься в Москву? – спросил Матс.

– Завтра во второй половине дня.

Она сглотнула, посмотрела на Матса.

– Какие будут следующие шаги?

– Если ты решишь работать на нас, то есть пути.

– Те фейковые личности, которые чуть не раскрыло Транспортное управление? – спросил Викинг.

Она не знала, что он имел в виду под Транспортным управлением, но большинство стран, ведущих разведывательную деятельность, имели наготове фальшивые личности для тех, кому это необходимо. Адреса, банковские счета, паспорта и кредитные карты, номера мобильных телефонов, возможно, фирму, зарегистрированную на их имя, – все это уже было активно в течение нескольких лет.

Она чуть повернулась на диване, чтобы взглянуть на Викинга.

– Как дела у детей? И у Карин?

Он отодвинулся от нее, ближе к подлокотнику.

– А тебе что о них известно?

– У Юсефин открытый профиль в социальных сетях. Я видела фотографии, когда вы праздновали. Насколько я поняла, Карин восстановилась после операции на сердце. У вас был бутербродный торт...

Викинг поднялся. Она тоже.

– Я живу в отеле тут поблизости, возле трассы, – сказала она. – Ты готов со мной поговорить?

Матс остался сидеть, глядя на них. Они с Викингом стояли друг против друга. Она стояла так близко, что ощущала его запах. Земли и соли. Он провел рукой по волосам, закрыл глаза. Потом кивнул.

Она повернулась к Матсу.

– Спасибо, что нашел время поговорить со мной.

– Не стоит благодарности.

Она снова повернулась к Викингу.

– Наверное, будет лучше, если я выйду первой, – сказала она.

– Правильная мысль, – кивнул Матс.

Она двинулась по Слэттгордсвеген в сторону трассы E04, мимо столетних коттеджей с тронутыми патиной черепичными крышами и огромными яблонями в садах. Посмотрев на объявления маклеров у метро, она отметила, что здесь продаются виллы стоимостью от десяти миллионов крон и выше.

Ей навстречу шла семья с детьми на самокатах, она подняла повыше шаль, чтобы скрыть синяки на шее.

Иногда случалось, что офицеры КГБ сбегали на Запад или же разведчики-нелегалы раскрывали сами себя, чтобы остаться. О таком говорилось с бездонным презрением – по крайней мере, официально.

Среди ее коллег по организации дезертирство встречалось значительно реже. Одним из немногих публично известных был Владимир Богданович Резун, известный под псевдонимом Виктор Суворов. В 1978 году он сбежал в Великобританию с женой и детьми, что снова поставило ребром вопрос о заложниках. На Западе он стал мегазвездой, автором бестселлеров – как художественных, так и публицистических. В организации считалось дурным тоном даже произносить вслух его имя. При этом все в штабе читали его книги. Владлена знала, что он заочно приговорен к смертной казни, несмотря на мораторий.

Между тем она не знала ни одного случая, чтобы кому-то удалось сбежать так, чтобы ГРУ не узнало бы об этом. Никогда не слышала, чтобы кто-то, владеющий всеми сведениями, ушел из организации, а руководство не поняло бы этого. Возможно, что такое случалось и вскрывалось, но последствия были бы столь тяжелыми, что их невозможно было бы скрыть. Это была бы просто непоправимая катастрофа.

От этой мысли в животе у нее все сжалось. Сосредоточиться.

Потом она вышла на Бредэнгсвеген. По другую сторону начиналось дешевое жилье миллионной программы – там царило то, что шведы называли «изгойством». Безработица, разборки между группировками. Невозможность содержать себя, жизнь на грани выживания. Два мира отделяло друг от друга пространство не более двухсот метров.

«Границы, – подумала Владлена. – Анклавы. Выдуманые конструкции, определяющие нашу жизнь».

Гостиница представляла собой бетонную коробку с симметричным фасадом в духе сталинской архитектуры. Владлена поднялась по лестнице на третий этаж.

Появится ли Викинг?

Нервно побродив по номеру, она села на кровать, потом снова поднялась и пересела в кресло.

Подумала об агенте на Ракетной базе в Стентрэске – женщине, которую заманили туда кнутом и пряником. Козлов разболтал про нее. Ее брат сидел в польской тюрьме, на ней с 90-х висел огромный долг – что-то связанное с недвижимостью. ГРУ сделало так, что все проблемы разрешились, как по мановению волшебной палочки. Какое облегчение! Но это было только начало.

Матс Викандер и шведская разведка, вероятно, оставят ее на месте, в удавке. Ей придется снабжать ГРУ поддельными результатами испытаний. Это будет продолжаться некоторое время, пока коллеги в штабе не пронюхают, в чем дело. Потом она умрет. Скорее всего, несчастный случай – или же самоубийство.

Владлена поднялась, посмотрела на машины, снующие по трассе за окнами.

В Вашингтоне она всегда жила в одном и том же месте: в Брукланде, на 12-й улице, рядом с главной трассой страны US Highway 1. Под окном была не автомагистраль, однако движение по ней шло огромное. Шестнадцать лет Владлена засыпала и просыпалась с вибрацией от проезжавших мимо машин.

Жизнь проходила тихо и однообразно, как и планировалось.

Разведчики-нелегалы ничем не должны были выделяться. Жить скромно и незаметно. Не делать карьеры. Иметь свободную профессию, чтобы работать и ездить без всякого расписания. Похоже, часто они числились художниками. Иногда писателями или аудиторами с собственной фирмой.

Она взглянула на часы – не пора ли Викингу уже появиться?

Снова села на кровать.

В Вашингтоне, как и ожидалось, у нее не было собственного задания. Она подрабатывала официанткой в местных кафе, в остальном же ей полагалось помогать Леониду. Поддерживать контакт со связным, работавшим в посольстве, но с годами это требовалось все реже. Леонид многое брал на себя. Она не возражала. Все это давало

ей неисчерпаемые возможности разыскивать информацию о Швеции и Норрботтене. Как-никак, она шведка – Лена Свенссон из Сундсвалля. Ничего странного не было в том, что она читает все шведские книги, все шведские газеты и журналы, которые ей удастся достать, слушает шведское радио. Однако она скрывала масштабы своего сбора информации, чтобы не вызывать подозрений. Никогда не хранила дома много материала сразу. Сдавала их в макулатуру за пределами Брукланда.

Когда же появился интернет, ворота в Стентрэск широко распахнулись. Она чувствовала себя как слепой, снова обретший зрение. Еще на раннем этапе муниципалитет обзавелся собственным сайтом. Потом и местные газеты стали выходить онлайн. Подписаться на них она не могла, всякие контакты со Стентрэском были строго запрещены, однако ничто не могло помешать ей читать заголовки.

О том, что Маркус устроился работать на Ракетную базу, разумеется, открыто не сообщалось. На тот момент Леонид уже умер, а ей пришлось вернуться в Москву. Но она знала, где учился Маркус, знала и о том, что он вернулся домой по окончании университета в Умео. Помимо Ракетной базы, там не было других мест, где емугодились бы полученные знания. Это создавало определенное напряжение. Следить за теми задачами, которые попадали в Стентрэск, стало для нее обычным делом, при этом она разрабатывала план, не подозревая, впрочем, что его когда-либо придется приводить в исполнение.

Негромкий стук в дверь, сердце застучало где-то в горле. Она тут же открыла.

Вот и он. Она шагнула назад, впуская Викинга в номер.

– Спасибо, что пришел.

Она и сама слышала, что голос у нее звучит нервозно. Села на кровать, указав гостю на единственное кресло.

Некоторое время они сидели и смотрели друг на друга. Сквозь грязное стекло падали лучи солнца, от которых волосы Викинга начали переливаться. Его глаза оглядели ее лицо, шею, потом скользнули на собственные руки. Она не боялась его – вероятно, потому, что ей не страшно было умирать.

– Как там Элин? – тихо спросила она. – По-прежнему работает в «Радиумхеммет»?

– Его закрыли, – ответил Викинг. – Сейчас она работает в реанимации для ковидных пациентов.

Владлена кивнула, смахнула что-то со щеки – не то слезу, не то просто прядь волос. Викинг молча ждал.

– А как Маркус? – спросила она.

– С Маркусом все в порядке. Поначалу он сердился на меня. Сначала из-за того, что ему не дали стать руководителем проекта по QATS, потом из-за того, что погиб его коллега. Но мне кажется, что это проходит.

Она сглотнула.

– Стентрэск помнит тебя, – продолжал он. – Урбан Ланден сохранил все твои записки, которые ты писала ему. Карина Бюрстранд вспомнила с точностью до дня, когда ты умерла. Эва-Лена Линдгрэн, которая стала тренером по йоге, описала тебя как швейцарский нож, пригодный для всего.

Она улыбнулась. Урбан.

– Я помню Стентрэск, – проговорила она. – Все помню.

– Зачем ты это сделала? – спросил Викинг. – Зачем обманула нас?

На несколько мгновений она закрыла лицо руками, потом подняла глаза.

– Это долгая история.

– Но ведь я здесь, не так ли?

Она поднялась и встала у окна, глядя на машины, текущие мимо сплошным потоком.

– В том городе, где я выросла...

– Взрыв атомного заряда, я знаю.

– Мой папа был геологом, заседал в руководстве шахты. Он знал, что произойдет и когда. Мама была врачом. Ее лучшая подруга Ирина работала хирургом в районной больнице в Мирном. За день до взрыва мама поставила мне диагноз «аппендицит» и отправила меня к Ирине для срочной операции.

– Когда взорвалась бомба, тебя там не было, – проговорил Викинг.

Владлена кивнула.

– Я больше не вернулась туда.

– А как же твои родители? А бабушка?

– Они остались и умерли.

– От облучения?

– Не сразу, и официально не от него.

После взрыва под Удачным проект «Кристалл» был прерван, однако в других частях страны взрывы атомных бомб проводились. Владлена не знала, делался ли когда-либо анализ того, какие это вызвало последствия – для людей, животных, окружающей среды. Но люди знали. Все знали.

– Сколько же народу умерло? – спросил Викинг.

– Они умирают до сих пор.

Она снова села.

– Ты была еще ребенком, – проговорил он. – Где же ты жила?

– Мне было четырнадцать лет. Долго лежала в больнице, у меня были «осложнения». Потом жила у Ирины, пока не поступила в университет в Якутске. Там есть кафедра иностранных языков. Я тогда свободно говорила на шведском, изучала английский и немецкий. ГРУ нашло меня, когда я заканчивала учебу.

– Ты говорила по-шведски, потому что твоя бабушка была из Сёдерхамна?

– Потом она встретила моряка из Ингерманландии и переехала с ним обратно.

– Откуда?

Викинг никогда не интересовался ни историей, ни географией.

– Ингерманландия. Когда-то шведская территория, но сейчас это часть России. Земли к югу от Финляндии.

– Что ты имела в виду, когда сказала, что ГРУ «нашло» тебя? Ты что, потерялась?

Она невольно улыбнулась.

– Пожалуй, – сказала она. – Я была совсем одна. Хотя у меня был друг. Леонид.

– Филип?

Она кивнула и открыла свой чемодан, достала камеру «Полароид» и оставшиеся фотографии. Снимок Эллиота – вариант того, что она положила в конверт. На остальных была Юсефин с детьми.

– Мне очень жаль, что пришлось его немного припугнуть, – сказала она. – Я должна была добиться, чтобы он отказался от руководства проектом.

Она протянула Викингу фотоаппарат и снимки, он взял их.

– Так ты побывала в Стентрэске?

Она кивнула.

– В прошлые выходные. Тебя не было дома.

– Откуда ты знаешь?

– Запасной ключ лежит на прежнем месте.

По его лицу она увидела, как он задумался и все понял.

– Зачем ты пришла в мой номер?

Она поднялась, подошла к его креслу и опустилась перед ним на колени. Положила руку ему на щеку, горячую и небритую. Увидела в его глазах страх.

– Прости меня, – проговорила она. – За все.

Она потянулась к нему и осторожно поцеловала его. Губы у него были холодные и неподвижные. Она положила руку ему на затылок, запустив пальцы ему в волосы. Его губы со вздохом разжались, он прижал ее к себе.

Но потом отодвинул от себя.

– Кого ты боишься? – спросила она. – Меня или себя самого?

– Я чуть не задушил тебя, – проговорил он. – Это непростительно.

Она снова положила ладонь ему на щеку, но он ласково убрал ее.

– Я больше не плыву по течению, – сказал он. – Покончил с этим.

Она прекрасно поняла, что он имел в виду. Учеба, выбор профессии, дети, переезд в Стентрэск – он всегда шел по пути наименьшего сопротивления, следовал за кем-то. Поднявшись, она подошла к небольшому холодильнику, втиснутому в платяной шкаф. Достала бутылку вина.

– Молодое, португальское, – сказала она. – Будешь?

Он покачал головой.

– А я хочу выпить, – сказала она.

Отвинтив пробку, налила себе в стаканчик для зубной щетки, отпила большой глоток.

– Я прочла про ту девушку, которую обнаружили в основании моста прошлой зимой, – сказала она. – Там утверждалось, что ты отец некоего ребенка...

– Были сделаны анализы ДНК, – прервал он ее. – Это не я.

Она улыбнулась.

– Я так и думала. Презерватив – даже когда ты пьян вдрабадан.

– Что произошло на болоте? – спросил он. – В тот день, когда ты пропала?

Она отпила еще один глоток.

– Если я снова умру, – проговорила она, – если мне удастся исчезнуть – ты захочешь со мной встречаться? Быть со мной?

Викинг поднялся.

– Как ты могла оставить ее умирать одну на болоте?

Владлена зажмурилась. Новый связной в Вашингтоне, похожий на крысу, по фамилии Андропов, заверил ее, что с Элин все в порядке. Ему она не поверила ни на йоту. Ему было совершенно плевать на судьбу ребенка, он просто говорил то, что она хотела услышать.

Проведя в Вашингтоне больше года, она решилась связаться с редакцией газеты «Норрботтен-Кюрирен». Целый месяц копила монетки, позвонила из автомата рядом с Пентагоном. Говоря с характерным американским произношением, представилась как журналистка-фрилансер, сказала, что работает над серией статей о пропажах людей по всему миру. Спросила, известно ли им, что случилось с ребенком, оставленным посреди болота в Стентрэске. Назвала год и дату события. Бодрый редактор принес подшивку и нашел нужные номера.

Маму так и не нашли. Ребенок пострадал, но выжил.

Весь вечер она прорыдала от безграничного облегчения.

– Я расскажу, что произошло, – пообещала она. – Если вернусь.

Он взглянул на нее, и она почувствовала, как между ними пролегли все эти долгие годы. Сегодня в его глазах таилось нечто новое – печаль, возможно, вызванная чем-то другим.

– Кто знает, доживу ли я... – проговорил он.

Повернулся и вышел из ее номера, тихо и осторожно. Прижавшись ухом к двери, она слышала, как его шаги растаяли в коридоре. Дождавшись, пока они стихнут, открыла дверь и поспешила следом. Встала у окна возле лифтов, дождалась, пока он выйдет из дверей отеля.

Не оборачиваясь, он пошагал к метро. Рюкзак заброшен за плечо, куртка трепещет на ветру. Тяжелая походка.

Она долго стояла и смотрела ему вслед, пока он не исчез из виду, завернув за угол кирпичного коттеджа на Вестерторпсвеген.

Стентрэск

14 августа 1990 года

Тридцатью годами раньше

Хелена приложила младенца к груди. Маленький ротик инстинктивно захватил сосок и принялся мощно сосать. Ее тело ответило на сигнал, по коже пробежали мурашки, стало прибывать молоко. Маленькая головка лежала у нее на руке, теплая и мягкая, свободной рукой она погладила пушок на макушке.

Сегодня все станет известно.

Она посмотрела в окно, дыша через рот, так что слезы высохли на щеках. Солнце по-прежнему стояло невысоко над горизонтом. Она не знала, сколько времени, но Викинг, который всегда просыпался в четверть шестого, по-прежнему спал. Похоже, дует сильный ветер – на другой стороне улицы шумели верхушки сосен.

Малышка отпустила сосок и громко отрыгнула воздух. Хелена подняла девочку, такую тяжеленькую, посмотрела ей в глаза, поцеловала уголок мокрого от молока ротика. Приложила ее к другой груди, отвердевшей после ночи, испытала облегчение, когда грудь обмякла.

Одно время она убеждала себя, что ей разрешат остаться, благодаря гласности и падению Стены она сможет жить дальше в Стентрэске как Хелена. Наивно и глупо. По сути ничего не изменилось – кроме того, что бюджет ГРУ урезали вполовину. Теперь в организации все ухудшится.

Хотя для нее все же лучше знать. Подготовиться. Всяко лучше, чем неизвестность.

Когда малышка наелась до того, что в животе у нее забурлило от молока, Хелена поменяла подгузник и положила дочку обратно в кроватку.

Викинг спал, вытянув руки за головой. Она залезла в постель рядом с ним, поцеловала, провела рукой по его животу и груди. Когда она стянула с себя футболку, он проснулся. Его руки, такие большие и горячие. Упругий язык. Ей пришлось закусить губу, чтобы не разрыдаться, когда она кончила. Боже, как он хорош, этот мужчина!

Слишком красив. Подумать только, что можно так безоглядно любить другого человека. Это она присвоила его члену кличку Дружок. Вероятно, не самое оригинальное, но трогательное имя, данное с большим чувством.

Он ходил по комнате в свете утра, совершенно голый, напевал себе под нос и прихлебывал апельсиновый сок. «Самбарумба – деревушка, где я был когда-то, совсем недалеко от Рио де ла Плата»¹.

Она знала, что эту песню написал Эверт Тоб – многие его песни она выучила наизусть, чтобы подпевать в общем хоре. «Пока моя шхуна идет, пока мое сердце поет и волны сверкают на солнце, надежда живет!»

Здесь и далее слова песен в переводе А. Алешина.

Да и кто сказал, что именно она родилась на свет для того, чтобы обрести счастье и солнце на своем пути?

У Викинга в участке был шкаф для одежды. Однако он предпочитал держать свои вещи дома. Полицейскую форму тоже. Сын проснулся, они играли и смеялись, пока Викинг одевался. Девочка начала капризничать. Хелена уселась за кухонный стол, чтобы снова дать ей грудь – авось малышка опять заснет. Викинг заглянул в кухню, чтобы попрощаться.

– Я хочу сегодня поехать пособирать морошку, – сказала она. Голос не дрогнул.

Викинг замер в дверях.

– Не на Кальмюрен, я надеюсь? Ты ведь знаешь, что говорят...

Его забота – он так волновался за нее. Переживал, что с ней что-то может случиться.

– Все это суеверия, Викинг. Бездонных болот не существует.

Слова прозвучали жестко, но ее буквально разрывало изнутри. Она попыталась смягчить их улыбкой.

– Хорошего тебе дня, мой дорогой.

Он отвернулся и закрыл дверь, хлопнув чуть громче, чем обычно.

Когда Элин заснула, а Маркус поел на завтрак кефир с хлопьями, они вместе с сыном складывали мозаику с медвежонком Бамсе на полу в гостиной. Выбирая и прикладывая фрагменты пазла, сынок непрерывно болтал. Такой милый, такой умненький! Складывает пазлы для детей куда более старшего возраста.

Она позвонила Карин.

– Хочу посмотреть, не осталось ли на болоте еще морошки, – сказала она. – Можно оставить тебе Маркуса на пару часов? Он не выносит комаров...

– Само собой, конечно, – ответила Карин. – Хотите перекусить? Я собиралась нажарить оладушков.

Проснулась малышка.

– Пойдем к бабушке есть оладушки? – спросила Хелена, прикладывая дочь к груди.

– Да-а-а! – радостно закричал сынок.

Она наспех написала записку Викингу – на случай, если он вернется домой раньше нее.

Любимый!

Я поеду собирать морошку. Хочется куда-то из квартиры.

Маркус у Карин.

Подписалась звездочкой – в форме рубца, который остался у нее на животе после рождения Маркуса. Надела резиновые сапоги, закинула в багажник пару корзин для ягод. Потом отправилась пешком к Карин, неся малышку в переноске – сын скакал по тротуару рядом. Свена дома не было, он подолгу жил в своей квартире в доме группового проживания в Видселе.

– Будь осторожна, – сказала ей Карин, переворачивая на сковородке оладушек. – После дождя там бывает очень мокро.

Поцеловав на прощание Маркуса, она вернулась к себе с дочерью в переноске, посадила ее в автомобильное кресло, пристегнула и поехала к болоту Кальмюрен. Выехала она заранее, не хотела опоздать.

Ехала по дороге, глядя прямо перед собой. Во всем теле ощущалась звенящая пустота. Ее мама оторвала ее от себя, ради нее. В будущем ей придется расстаться с Элин, по той же причине. В голове звучали слова бабушки: «Мы не управляем ситуацией, мы просто проживаем ее».

Она припарковала машину в тупике рядом с табличкой «Запретная зона – доступ иностранцам воспрещен». До встречи оставалось больше часу. Она вполне могла собирать ягоды, Викинг любит варенье из морошки.

Малышка заснула.

Хелена снова уложила ее в переноску, которую поставила на сухую кочку, тщательно прикрепив сверху сетку от комаров. Ветер

гудел в кронах берез. Она обильно опрыскала себя средством от комаров, так что дух перехватило, поставила большую корзинку рядом с девочкой, а с маленькой отправилась на болото.

Присланные координаты привели ее на северо-западную оконечность болота, максимально далеко от поселка. Сюда не забредали сборщики ягод из города. Земля горела от спелых ягод, на душе у Хелены стало легко и радостно. Маленькая корзинка заполнялась за несколько минут. Уходя в разных направлениях от малышки, она возвращалась с полной корзинкой, высыпала ягоды и присматривала за дочерью. Та так спокойно спала на свежем воздухе под шум берез.

Хелена забыла о времени. Пробиралась по кочкам, напевая под нос песню Ульфа Лунделя. «Как привольно на просторе. Рядом с морем жить хочу». Когда до нее донесся рокот вертолета, она поначалу удивилась, не сразу поняла, что это за звук. Не веря своим глазам, уставилась на летающую машину, появившуюся над верхушками деревьев – никогда не видела ничего подобного! Вертолет пролетел прямо над ней, она отчетливо разглядела пилота за рычагами. Он махнул ей рукой, чтобы она пошла за ним по болоту, наверное, искал место, где приземлиться. Лопасты хлестали по верхушкам деревьев, Хелене пришлось прикрыть глаза ладонью от сильного ветра. Она взглянула в сторону переноски – весь этот шум точно разбудил Элин. Пойти забрать малышку? Нет, нельзя бродить с ребенком по болоту, почва под ногами слишком ненадежная. Она снова подняла глаза на вертолет, увидела, как пилот схватил микрофон.

Подняться на борт!

Она охнула – на вертолете оказался какой-то усилитель. Слова прозвучали, перекрывая шум мотора. Произнесенные по-русски, они словно повисли в воздухе, сотрясая воздух вокруг нее. Но сперва надо убедиться, что с ребенком все в порядке.

Немедленно подняться на борт!

Черт, черт, надо закончить с ними как можно скорее.

Она поспешила через болото, по узкой полосе кочек, несколько раз оступалась, резиновые сапоги наполнились болотной водой. Споткнулась, упала, растянувшись во весь рост, брюки и куртка сразу промокли насквозь.

Пока она вставала, мысли отчаянно крутились в голове. Откуда взялось это странное воздушное судно? Пилот – не Ангелов, это она могла разглядеть, несмотря на наушники и шлем со щитком. Так ее будет информировать пилот? Или Ангелов где-то поблизости?

Вертолет завис в воздухе, прямо над болотом, в десятке метров от земли. Пилот выбросил что-то из кабины – похоже на веревочную лестницу. Задыхаясь, вся мокрая, она подбежала к месту. Мужчина указал ей, чтобы она взялась за лестницу и залезла. Лестница дергалась и извивалась, Хелена заколебалась.

Оглянулась, ища глазами переноску у края болота. Рокот винта усилился.

ДЕРЖИ ЛЕСТНИЦУ!

Прищурившись от ветра, создаваемого винтом, она посмотрела вверх. Пилот сердито жестикулировал, показывая, что она должна ухватиться за лестницу и залезть в кабину. Сделав глубокий вдох, она смогла наконец поймать лестницу. Поставила одну ногу на нижнюю ступеньку. Вертолет немедленно взмыл вверх. Земля под ней исчезла. Словно весь воздух разом выдавили из легких, скользкая подошва резинового сапога соскользнула с планки. Изо всех сил вцепившись в ступеньку, обхватив ее обеими руками, она повернула голову, чтобы посмотреть, где переноска с ребенком. Ее не видно, не видно, не видно! Хелена не понимала, в какую сторону летит. В следующую секунду ее ударило о крону сосны, руки чуть не разжались, ветка разодрала ей щеку. Закрыв глаза, она продолжала цепляться за планку, руки начало сводить судорогой, и тут она услышала, как звук двигателя изменился, вертолет сбавил скорость. Когда она попыталась осмотреться, глаза залило слезами от ветра.

Под ней была проселочная дорога, она разглядела легковую машину, фуру и несколько мужчин. К счастью, один из них, кажется, Ангелов.

Вертолет опустился настолько, что она смогла выпустить веревочную лестницу. При падении сильно ударилась, одна нога подогнулась под ней. Резкая боль. Вертолет снова взмыл вверх и приземлился чуть в стороне, позади фуры. Звук двигателя резко смолк, оставив после себя звенящую тишину.

Хелена обнаружила, что стоит на коленях среди гравия дороги, вся трясаясь от адреналина и боли. Ветка оставила глубокую ссадину,

теплая струйка крови стекала по щеке. Ангелов и двое других подбежали к ней, один поднял ее на ноги, второй стянул с нее мокрую ветровку и положил ей на плечи теплое одеяло. Она увидела, как трое мужчин возле фуры складывают лопасти вертолета.

– Отлично сработано, – сказал ей Ангелов. – Все прекрасно, но теперь нам надо торопиться.

Она кивнула, прекрасно понимая. Они в запретной зоне, здесь нельзя долго находиться, и ей самой надо назад. Элин лежит у края болота совершенно одна – боже, а медведи здесь случайно не водятся?

Мужчины рядом с фурой прикрепили к вертолету стальные тросы, чтобы поднять его на прицеп.

– Моя стратегия отъезда, – заговорила она, слова на родном языке казались непривычными. – Говори скорее. Сколько у меня времени? Когда я должна покинуть свою семью? Что мне делать, что сказать им? Куда я потом направлюсь? Как выйду на контакт?

Ангелов похлопал ее по руке.

– Мы все решим наилучшим образом.

Она глубоко вздохнула. Вот он, приговор.

Положив руку ей на плечо, Ангелов повел ее к машине.

– Обсудим по дороге.

Она замерла, упершись пятками в гравий.

– Что ты хочешь сказать? По дороге куда?

Твердая рука захватила ее сзади за шею, вторая зажала рот. Палец попал ей в рот, она изо всех сил укусила его. Закричала в голос: «Элин! Элин! Элин!», принялась отбиваться руками. Ее повалили на гравий, ударили по голове. Чья-то рука потянула ее за волосы.

Ангелов открыл дверь машины.

– Это и есть твой отъезд.

Осень 2020 года

23 августа полковник Владлена Алексеевна Иванова приземлилась в московском аэропорту Шереметьево. С одной ручной кладью, без багажа, она не спеша миновала паспортный контроль и таможеню. Никто из проверяющих не обратил на нее внимания. Она и не ожидала задержек, но все равно испытала облегчение.

Воздух снаружи здания аэропорта был сырой, пропитанный топливом и выхлопными газами. Минут десять она ждала автобус номер 851 до Речного вокзала, где села на Замоскворецкую линию метро. Должно быть, где-то проходил рок-концерт, потому что вагон заполнился вызывающе одетыми и очень шумными молодыми людьми. Двое из них пытались заговорить с ней, но она достала из сумочки книгу, игнорируя их.

Выйдя на «Маяковской», она быстро поднялась наверх. Ее каждый раз заново поражало архитектурное убранство станции: колонны из нержавеющей стали, розовый родонит, мозаичные панно на потолке, изображающие высокотехнологичное будущее Советского Союза.

Тем временем совсем стемнело. Продуктовый магазин уже закрылся. Она прошла по маленьким улочкам до своего дома на улице Фадеева, наискосок от Всероссийского музейного объединения музыкальной культуры им. Глинки. Лифт, недовольно пыхтя, доставил ее на четвертый этаж. Квартира приветствовала ее прохладой и пустотой. Две комнаты с кухней и ванной. Четыре больших окна на задний двор с каштаном и помойкой.

Она снимала квартиру с мебелью.

В комнате, служившей ей гостиной, она достала книги, купленные в магазинчике в аэропорту Арланда. Задернула занавески, приготовила себе на кухне большую кружку кофе. Было уже около полуночи, навалилась усталость. Стоя у мойки, выпила кофе, сделала себе еще. Потом уселась в углу дивана, решив начать с «Тритона» Челя Вестё. Она не знала, о чем книга, купила ее, повинувшись случайному импульсу. Оказалось, речь идет о всемирно известном дирижере со всеми проблемами и размышлениями современного человека, о его друзьях и

соседях. Заглавие намекало на музыкальный термин – диссонирующее дьявольское тризвучье. Книга искала ответы на острые вопросы: как мы можем жить вместе, учитывая нашу непохожесть? Возможно ли примирение, пока не поздно?

Эти темы и для нее в высшей степени актуальны.

Действие разворачивалось в ближайшем постпандемийном будущем, отмеченном #metoo и угрозой терроризма, она зачиталась. Чель Вестё и вправду владеет пером.

В половине пятого утра она задремала в своем уголке, несмотря на кофеин в крови и урчание в животе. Полтора часа спустя ее разбудил звонок будильника в телефоне.

В 7.15 она прибыла, как обычно, на свое рабочее место по адресу: улица Гризодубовой, дом 3. Кивнула парню на контроле безопасности, он не ответил на приветствие.

Ее кабинет на пятом этаже пустовал. Коллега Егорова проводила отпуск на Черном море вместе с любовником из Четвертого отдела.

Владлена улеглась на свой рабочий стол. Было жестко и неудобно, но от недосыпа она задремала. Проснулась она от того, что секретарь Игорь вошел без стука с пачкой материалов из открытых источников. Ей даже не пришлось изображать, что она только что проснулась и сбита с толку – все так и было. Из уголка рта на папку с секретными материалами пролилась струйка слюны, что еще больше подчеркнуло неловкость ситуации.

Бросая на нее странные взгляды, секретарь вышел, закрыв за собой дверь.

Обедала она одна в кабинете: вареное яйцо и кусок мяса, который обнаружился дома в морозилке.

Во второй половине дня в кабинет заглянул Петров и спросил, не хочет ли она пойти с ним и его женой вечером на концерт в Музей музыки. Генерал-лейтенант Гагарин и его жена тоже идут. Владлена поблагодарила за приглашение, но сослалась на боль в животе.

По дороге домой она зашла в продуктовый магазин, купила банку консервированного лосося, мясной фарш, пилку для ногтей и лезвия. Поздоровалась с соседом у лифта, но поддерживать разговор не стала.

Поднявшись в квартиру на четвертом этаже, она задернула шторы и села дочитывать «Тритона». Потом сделала себе большую чашку кофе и унесла ее с собой в гостиную.

Заснула она около четырех, но на работу пришла вовремя. Коллега Козлов позвал ее пообедать вместе, но она отказалась, сославшись на то, что много работы.

Вечером выпила стакан бульона и начала читать роман Туве Альстердаль «Похороненные в тишине». Роман захватил ее, чего она никак не ожидала. В нем рассказывалось о нескольких шведах, бежавших от нужды из Норрботтена в 30-е годы строить социалистический рай в Советском Союзе. В романе описывалось, как постепенно рассыпались в прах мечты и планы этих людей, пока их одного за другим не уничтожили как врагов народа или, в лучшем случае, не сослали в Сибирь.

Ее бабушка Элин была из таких. С Иваном она познакомилась, когда он пришел на корабле в Юснан – высокий плечистый мужчина с ослепительной улыбкой и далеко идущими планами. Он приехал в Швецию, чтобы обучиться и увезти домой знания, которые помогут ему служить делу коммунизма. Кризис деревообрабатывающей промышленности в Швеции в 30-е годы заставил их поторопиться с исполнением планов, а поскольку Элин была беременна, они поженились и вернулись в Ингерманландию. Неизвестно насколько Элин была убежденной социалисткой, но она очень любила мужа и горевала по сыну, умершему от кори в возрасте трех лет. К этому времени паранойя Сталина достигла пугающих масштабов, что очень точно описывалось в романе Альстердаль. Правда, речь в нем шла о Карелии, но в Ингерманландии ситуация была аналогичная.

В тридцатые годы шестьдесят тысяч жителей Ингерманландии были отправлены в Сибирь и за Урал, четверть из них умерли по дороге. Иван стал одним из них. Когда он умер, Элин снова была беременна. Она попала в ГУЛАГ. Там ее, блондинку с голубыми глазами, присмотрел себе начальник, не очень умевший считать. Он решил, что ребенок от него, так что ей позволили родить. Ее дочь Кристина смогла получить образование и выучиться на врача. В университете она познакомилась с будущим мужем, геологом.

Так они попали в Удачный.

В тот вечер Владлена долго плакала, пока не заснула.

На следующее утро она впервые в жизни пришла на работу с опозданием. Ввалившиеся заплаканные глаза, серое лицо. Не просила Игоря принести чаю, не спускалась в столовую.

Во второй половине дня она ушла с работы раньше обычного.

– Мне надо к врачу, – тихонько сказала она Игорю – так, чтобы коллега Петров в кабинете напротив услышал ее слова.

Каждый день она уходила с работы, став, кажется, на пару грамм легче, чем когда пришла. Как будто с нее потихоньку снимали давнюю тяжесть. Так и сегодня. Сделав глубокий вдох, она опустила плечи. На площадку на крыше опускался вертолет, Владлена с трудом поборола накотившее чувство паники. Машина, унесшая ее с болота Кальмюрен, была малым прототипом модели Камов Ка-52К – достаточно компактная, чтобы упаковаться в фуру. Втайне Владлена исследовала возможности устроить взрыв на заводе в Арсеньеве, где их производили, но, разумеется, не стала воплощать в жизнь эту часть плана.

Стоял ясный летний день, небо казалось высоким, негромко шумели кроны деревьев. Сняв пиджак и перебросив его через руку, она медленно шла мимо высотных домов к остановке автобуса «Храм». Здесь находилась Городская клиническая больница имени Боткина. Владлена села в кафетерии за столиком у входа с чашкой кофе и стаканом воды. Подняв глаза, уставилась в одну точку. Ощущала, как проходят мимо люди, бросая на нее любопытные взгляды, как обычно делают в больнице: хронический, смертельный или излечимый диагноз?

В семь вечера она решила, что программа на день выполнена, села на метро и поехала от «Динамо» до «Маяковской», зашла в продуктовый, купила сосиски, замороженную рыбу и лимоны. Дочитала книгу Альстердаля и уснула на диване, так и не успев открыть новую.

Всю неделю она повторяла одно и то же: приходила чуть с опозданием, во второй половине дня уходила к врачу, между тем лицо ее все больше серело. Чувствовала она себя ужасно. Работу делала плохо, чего с ней никогда раньше не случалось.

Когда настали выходные, она ввела в свою строгую белковую диету немного овощей. По-настоящему откинуть копыта она не планировала, только создать видимость. Диета французского врача Пьера Дюкана работала прекрасно. Всего через неделю Владлена исхудала, как никогда. В воскресенье вечером она в последний раз

вымыла голову и натерла ладони и запястья лимонным соком, от чего кожа покраснела и опухла.

В понедельник вернулась из отпуска коллега Егорова. Придя из бассейна и увидев Владлену, она была так поражена, что не смогла этого скрыть.

– Что с тобой, ты заболела?

Владлена смущенно откинула прядь волос.

– Да, в последнее время что-то нездоровится, – ответила она.

Егорова шагнула обратно к двери.

– У тебя не ковид?

– Нет-нет, – заверила Владлена. – Точно не вирус.

Дарья Егорова перевела дух и села на свое место по другую сторону письменного стола.

– Все равно все это выдумки, – сказала она, доставая из сумки пачку кефира.

Утром четверга Владлена связалась с администрацией и попросила предоставить ей несколько дней отпуска в связи со срочным хирургическим вмешательством. Сообщила, что планирует вернуться на работу в начале следующей недели. Во второй половине дня получила краткое сообщение, что отпуск ей предоставлен.

В пятницу утром она поехала в клинику пластической хирургии на Малой Грузинской, чтобы ей удалили силикон из груди. Ее выписали в субботу утром – чувствовала она себя совершенно отвратительно. Единственный раз в жизни ей было так же плохо, когда Ангелов забрал ее из Стентрэска и увез назад в СССР, не заботясь о том, что она кормит грудью. От Хапаранды до приграничного пункта Суоперя было не больше тридцати миль, но еще до того, как они покинули Финляндию, у нее образовался чудовищный застой молока. Подскочила температура, грудь потрескалась, начался двухсторонний мастит. Три дня она пролежала в больнице в Ленинграде, где ей шлангами откачивали гной из обеих грудей. Там ей вводили гормоны, чтобы остановить выработку молока.

У нее возникла мысль, что грудь – ее ахиллесова пята.

В воскресенье она опять натерла руки лимонным соком и потеряла одну скулу пилкой для ногтей, чтобы там образовалась кровоточащая ссадина. К утру понедельника рана затянулась, и на ее месте появилась совершенно отвратительная корка. Владлена дошла до работы, едва

держась на ногах. Стоило ей засунуть два пальца в рот после обеда, как ее звучно вырвало. Коллеги озабоченно бросали взгляды на ее все более и более усыхающую фигуру. Полковник Егорова все больше времени проводила в кабинете коллеги Петрова, обосновывая это тем, что у них совместный проект.

Временами Владлена задавалась вопросом, не перестаралась ли она, не умрет ли она по-настоящему. Она решила начать есть овощи пару раз в неделю – по крайней мере, пока ее не вызовет Гагарин. Каждый день после обеда она уходила с работы и отправлялась в кафетерий больницы.

Садилась за разные столики, но всегда так, чтобы проходящие мимо хорошо ее видели.

Уже настала середина сентября, когда генерал-лейтенант Гагарин вызвал ее к себе. Осторожно присев на стул перед его огромным письменным столом, она постаралась спрятать свои обезображенные руки.

– Владлена Алексеевна, как вы себя чувствуете? – неожиданно задушевым тоном спросил он.

Опустив глаза, она громко сглотнула.

– Не очень хорошо.

– Моя жена видела вас в больнице на прошлой неделе, – продолжал он.

Владлена не ответила. Генерал-лейтенант склонился над бумагами, лежавшими перед ним на столе.

– В середине августа вы ездили в Стокгольм и пробыли там две недели, – проговорил он. – Неоднократно пользовались услугами частной клиники «Софияхеммет». Ничего не хотите мне рассказать?

Она подняла глаза в надежде, что щеки у нее слегка покраснели. Начальник держал перед собой выписку с ее счета, список платежей и покупок с кредитной карты. Она не решилась посмотреть ему в глаза.

– Естественно, я доверяю нашей прекрасной медицине, – проговорила она, – но мне хотелось узнать, есть ли что-то еще... кто-нибудь, кто мог бы... в общем, просто получить независимое мнение.

Она не закончила фразу.

– Ну и что? Запад предложил какую-нибудь помощь?

В его голосе отчетливо слышался упрек.

На этот раз она подняла глаза, смущенно улыбнулась, покачала головой.

– Нет, – ответила она. – Большая наивность с моей стороны. Диагноз подтвердился.

Генерал-лейтенант Гагарин заерзал на месте.

– Сожалею. Когда вы... когда это выяснилось?

– На профилактическом медосмотре, – ответила она. – В июне.

Начальник громко вздохнул. Потом взял другую бумагу, прочел и потер щетину на подбородке.

– Я знаю, что вы из Удачного.

Выпрямив спину, она подняла глаза.

– Мое происхождение тут ни при чем, – кратко и решительно проговорила она.

Испытующе взглянув на нее, генерал-лейтенант Гагарин чуть откинулся на стуле.

– Нам всем известно об алмазной шахте и об экспериментах, которые проводились там в семидесятые.

Она склонила голову.

– К моей болезни все это не имеет никакого отношения, – резко ответила она и почувствовала, как запылали щеки.

Начальник расслабился, откинулся на спинку, так что кресло закрипело. Не находя нужных слов, он посмотрел на нее полным уважения взглядом.

– Стало быть, у вас.

– Мне просто не повезло, – перебила Владлена. – Я прожила долгую осмысленную жизнь и очень люблю свою работу. Мое происхождение никакой роли не играет.

Она набрала воздуху в легкие.

– Однако мне кажется, что пора уже подумать о пенсии. Начальник с явным облегчением пошевелился в кресле.

– Уже шесть лет как вы имеете право на пенсию. Сообщите в администрацию, и начнутся выплаты.

– Я хотела бы работать, пока у меня есть силы.

– Само собой, – ответил генерал-лейтенант и поднялся. – Само собой, Владлена Алексеевна.

Он протянул руку. Владлена покачнулась, поднимаясь со стула, однако твердо пожала ладонь шефа. Отметила его смущение, когда он

увидел кровоточащие раны у нее на руках.

– Благодарю вас, товарищ генерал-лейтенант, – проговорила она и вышла из его кабинета.

Три дня спустя она сбрила все волосы, включая брови, и надела на голову вязаную шапку. Коллеги начали избегать ее – неосознанно, как делали люди во все времена, стараясь держаться подальше от болезни. Когда она проходила по коридору, за спиной у нее шептались: «она из Удачного, но говорит, что это не потому...» В этих словах звучало уважение, признание того, что сама она ни в чем не виновата.

Она заказала себе парик, но не носила его.

В середине ноября она отработала последний день. В ее честь устроили обед с ближайшими коллегами в служебной столовой. Генерал-лейтенант Гагарин надеялся, что успеет присоединиться, но ему помешали неотложные дела.

Нельзя сказать, чтобы разговор журчал как весенний ручеек. Секретарь Игорь спросил, чем она собирается заняться теперь, когда у нее появится так много свободного времени, от чего Петров и другие коллеги смутились. Владлена ответила, что собирается уехать домой – туда, откуда она родом. Это маленький городок в Сибири, она всегда хранила его в своем сердце и хочет снова увидеть его, пока еще есть время. От этих ее слов полковник Егорова прослезилась и высморкалась в салфетку.

– Как хорошо, что сейчас повсюду можно добраться на самолете, – сказал Игорь.

Глядя в стол, Владлена ответила, что ее легкие, к великому сожалению, уже не выдерживают такого перелета, придется добираться по земле.

Все восприняли это как сигнал, что пора заканчивать застолье.

Она очистила свою квартиру, раздала книги и вещи, кроме тех, что были на ней – своего самого теплого пальто, кожаных перчаток с мехом и грубых ботинок на овечьем меху. Тщательно уничтожила все заключения дорогуших обследований в «Софияхеммет» в Стокгольме, которые оплатила своей кредитной картой. Все они показывали, что она совершенно здорова. Все наличные, которые откладывала долгие годы, сложила в небольшой рюкзак. С чемоданом, рюкзаком и сумочкой она села в поезд, идущий до станции Нижний Бестях.

Укутанная снегопадом Москва растаяла у нее за спиной. Владлена проспала почти сутки.

Через двое суток она прибыла в Тайшет – город, название которого переводилось как «Холодная вода». До начала 50-х это был административный центр для лагерей Озерлаг и Ангарстрой – в последнем из них сидела когда-то бабушка Элин. Термометр показывал минус двадцать восемь. Пройдя быстрым шагом по заснеженным улицам, она намеренно воспользовалась банкоматом, прежде чем отправиться дальше в Тынду.

Второй этап путешествия занял сутки и двадцать три часа. Поезд не был полон, в ее распоряжении оказались две полки. Она с наслаждением поглощала хлеб и фрукты, всевозможные углеводы, ощущая, как снова становится человеком. В Тынде она оплатила кредитной карточкой ночь в отеле «Юность». За бортом было минус тридцать. В десять часов утра на следующий день она села в поезд до Нижнего Бестяха. Дорога заняла еще сутки. За окном было минус тридцать три.

В целом поездка прошла очень хорошо. По причине зимы в поездах было мало народу, отопление в вагонах работало, а она оставила на десерт самое аппетитное из своих покупок в книжном магазине в Арланде: всю серию «Повседневность» Ульфа Лунделя.

Вернулись брови, а жесткий ежик на голове она прикрыла припасенным заранее каштановым париком.

Проведя ночь в отеле «Квант» в Нижнем Бестяхе, где тоже расплатилась кредитной картой, она села на автобус, идущий в Мирный – райцентр, где Ирина Сидорова много лет назад удалила ей здоровый аппендикс. Это была самая трудная часть поездки – 1700 километров на автобусе без отопления, когда за окном кромешная темень и минус тридцать градусов.

Мирный, как и Удачный, был алмазным городом, где сразу за жилыми домами виднелся гротескный открытый карьер в форме кратера. Однако здесь под центром города не было радиоактивной дыры. Зато мимо протекала река Вилюй – месиво из загрязнений и радиоактивных отходов. В детстве Владлены, отправляясь в Мирный, говорили «поехать на материк», словно бы Удачный располагался на острове. В ее воспоминаниях город казался большим и полным жизни. Ирины давно уже не было в живых, но Владлена прошла мимо ее

дома. Попыталась вспомнить, какое окно принадлежало ей, но плитка с фасада обвалилась, все выглядело по-другому, и точно сказать было трудно.

В Мирном она провела два дня, пока не нашла попутную машину в Удачный. Последний этап пути представлял собой пятьсот километров по проселочной дороге с частником – ей пришлось сидеть, затиснутой между шахтерами, побывавшими в городе у проституток. Они отмечали удачный визит двумя литровыми бутылками водки. Под конец, после остановки для справления малой нужды, она села на переднее сиденье рядом с водителем, и ей удалось немного поспать.

К концу дня они прибыли на место. Горняки покатались домой в ожидании завтрашней смены в алмазных шахтах. Над городом повисла тяжелая непроглядная тьма. Выглядел он совсем не так, как в ее воспоминаниях, изменился и в ее памяти, и в своей заиндевевшей сущности. Общество потребления пробралось и сюда – супермаркеты, витрины, красочные рекламные вывески. То, что она вернулась сюда, казалось невероятным и вместе с тем совершенно нормальным. Последние сорок шесть лет поблекли, сжались до состояния полузабытого сна.

Она заселилась в отель, называвшийся так же, как и город. Поужинала салатом с лососем в ресторане «Вернисаж». Заснула крепко и без сновидений.

На следующий день она нашла нужные контакты и сняла себе квартиру на три месяца, расплатившись кредитной картой.

Квартира была однокомнатная, на втором этаже в новом жилом комплексе на улице Мира. Зайдя в магазин «Все для дома», она купила себе торшер и таймер. Воткнула их в одну розетку в комнате, в другую поставила на зарядку телефон, вышла и заперла за собой дверь.

На улицу она вышла в тот самый синий час, который иногда возникал зимой в Стентрэске, когда синий свет интенсивно пробивался через полярную тьму, прежде чем все снова затягивало темнотой.

С севера дул суровый ветер. В банкомате рядом с аптекой она сняла со своего счета последние деньги.

Аэропорт Полярный должен был находиться в двух шагах от города. Она никогда там не бывала, но ее сведения оказались верными. Поездка на такси заняла четверть часа. С водителем она расплатилась наличными. Потом за наличные купила себе билет в Красноярск. В

Красноярске она никогда раньше не бывала. Ничто не связывало ее с этим городом.

Информацию по поводу этого города она собирала при помощи того же компьютера, с которого следила за страничкой Юсефин в социальных сетях. Он стоял в подвале ее спортивного зала в Москве и в основном использовался для просмотра нелегальной порнографии. Таким образом она установила контакты с сообществом художников, сдававшим койко-места посуточно с бесплатным вайфаем и скидкой на курево.

Плесень на потолке, табличка «Туалетную бумагу в унитаз не бросать» в туалете, но в целом жилье полностью соответствовало ее представлениям. Купив подержанный мобильный телефон и ноутбук, она стала ждать.

Настало Рождество, потом Новый год. Она следила за новыми постами Юсефин в социальных сетях в режиме реального времени. Украшение новогодней елки, традиционные шафрановые булочки, радостные дети, выпекание имбирного печенья, открывание рождественских подарков и ссылки на хор Шведского радио, исполняющий рождественские песни. Элин приехала в Стентрэск с подругой, а Викинг изрядно похудел. В канун тринадцатого дня после Рождества, когда по традиции выносят елку, Майя Мария Хелена сделала свои первые шаги. От крошечного видео Владлену до краев переполнило тоской и сентиментальностью, словно приоткрылось окно в ту жизнь, которая у нее могла бы быть. Она так рыдала, что парень на соседней кровати предложил ей фризиум бесплатно. Его забота тронула ее, но Владлена ответила отказом.

Оказалось, что Красноярск – старый город: большой, холодный, местами удачно отреставрированный, с остатками brutального сталинизма. Каждый день Владлена совершала длительные прогулки, обедала в каком-нибудь дешевом ресторанчике, не привлекая к себе внимания.

В середине февраля она в последний раз застелила постель под заплесневелой крышей, подарила телефон и компьютер парню с таблетками фризиума и полетела в Мирный. Там она купила у какого-то старика «Ладу Самару» модели 1999 года, пообещав сама переоформить все документы. На самом же деле она этого не сделала,

так что машину не смогли бы связать с ней. Совесть ее не мучила. Мужик взял за машину баснословные деньги.

В Удачный вела одна-единственная грунтовая дорога, там и заканчивающаяся. Владлена проехала пятьсот километров с одной остановкой в столовой села Моркока, где пообедала и сходила в туалет. Вдоль дороги плотной стеной стояли хвойные деревья. Солнце потихоньку возвращалось в Северное полушарие, несколько часов в день было светло. Однако, едва появившись, оно исчезало на западе. Владлена ехала сквозь темень назад в квартиру, которую сняла, там она выставила торшер на лестницу, отключила и разбила мобильный телефон. В почтовый ящик у главпочтамта она опустила семь писем: одно – полковнику Дарье Егоровой, одно – их общему секретарю Игорю, еще одно – генерал-лейтенанту Гагарину, а также еще трем коллегам, пришедшим на прощальный обед. У всех писем был один и тот же адрес, одно и то же содержание. Это было приглашение на похороны полковника Ивановой в храме святого Серафима Саровского в Удачном в пятницу, 19 февраля, в 10.30. Отправителем значилась Ирина Сидорова, друг семьи. Седьмое и последнее письмо было адресовано ее банку в Москве и касалось закрытия ее счета. Почту из почтового ящика в тот день уже вынули – это означало, что письма уйдут со штампом «Удачный» и датой следующего дня: 16 февраля.

Когда конверты приземлились на дно почтового ящика, она залила полный бак и поехала назад той же дорогой, сделала остановку в столовой поселка Моркока и к полуночи прибыла в Мирный.

Однако Владлена позаботилась о том, чтобы в адрес штаб-квартиры ГРУ, написанный госпожой Сидоровой, вкралась ошибка. Это означало, что письма будут бродить от одного почтового отделения к другому несколько дней, а то и недель, прежде чем достигнут адресатов. Когда письма доставят, похороны уже давно должны были состояться, что, без сомнений, вызовет немало вздохов облегчения во Втором отделе. Поездка в радиоактивную дыру в Сибири в середине февраля точно не является пределом мечтаний ее бывших коллег. Они пошлют свои соболезнования на указанный адрес электронной почты, пояснят, почему не смогли присутствовать, добавят несколько взвешенных, полных уважения слов о том, как они ценили покойную, и на этом история полковника Владлены Алексеевны Ивановой в русской разведке завершится.

Наверное.

План был далек от идеала.

Лежа на жесткой кровати в отеле в Мирном, она перебирала в уме все те обстоятельства, которые могли бы привести ее к провалу.

Если кто-нибудь заглянет в ее медицинскую карточку, провал неминуем.

Если кому-то придет в голову проверить, кого хоронили в указанную дату в радиоактивном городке в Сибири, это, мягко говоря, возбудит подозрения.

Если кто-то откроет списки пассажиров из аэропорта Полярный, ее найдут.

Если кому-нибудь придет в голову отследить цифровой след электронного адреса Ирины Сидоровой.

Если кому-то захочется найти свидетельство о смерти.

Она крепко зажмурилась.

Однако ее знания о привычках и моделях работы в организации подсказывали ей: ничего такого не произойдет, если нет явной причины или подозрений, что тут что-то нечисто. Самый мощный аргумент – они своими глазами видели, как она тает и превращается в тень в коридорах штаб-квартиры. Она родом из Удачного, с ней все ясно, никого особо не интересовало, от чего именно она умерла. Традиционные проверки, которые могут провести коллеги (триангуляция мобильного телефона, выдача наличных, оплата по карте), – все указывали на одно и то же: болезнь, поездка, смерть. Вряд ли они знали, где на самом деле располагается аэропорт Полярный – что на самом деле он совсем неподалеку от ее родного города. Не было никаких оснований начинать раскапывать обстоятельства ее смерти.

Она нигде не жила, не получала никаких денег, не имела банковского счета, ничего не покупала. Ее больше не было.

Если кто-нибудь во Втором отделе Главного управления и вспомнит ее, то только как самоотверженного сотрудника, честно служившего родине и никогда ничем не выделявшегося.

По крайней мере, она на это надеялась.

Свой отъезд она планировала давно. Строго говоря, тридцать лет.

Снимала наличные, складывала в рюкзак. Продумывала план.

К тому же не она инициировала предательство.

Ей пообещали пощадить ее детей, если она будет делать все, что ей скажут. Таков был уговор. Однако они собирались убить ее сына, хотя она и выполнила свою часть договоренности. Этого им точно не стоило делать.

Завтра ей предстоит долгий путь. Надо попытаться заснуть. У нее десять дней, чтобы добраться в нужное место.

Точка, координаты которой она получила от Матса Викандера, находилась в Ленинградской области на берегу Финского залива, более чем в десяти тысячах километров.

Эпилог

Викинг и Алиса

Весна 2021 года

Лечение плоскоклеточной карциномы у Викинга Стормберга проходило в Каролинской больнице в Сольне. Ему была поставлена третья стадия.

У него выявили несколько метастазов в лимфатической системе. Материнскую опухоль так и не обнаружили, что сделало необходимой операцию и максимальную дозу облучения и химиотерапии. Однако после четырех доз цитостатиков анализы у него оказались такими плохими, что эту часть лечения решено было прервать. Он потерял двенадцать килограммов веса, но сохранил волосы.

К середине февраля врачи сочли, что лечение закончено. Принимать пищу он по-прежнему не мог – питательные вещества получал через имплантированную пластиковую вену полуметровой длины, которая тянулась от левого локтевого сгиба почти до самого сердца.

Еще шесть недель он ночевал на диване в квартире дочери Элин на Фатбурс-Кварнгатан, прежде чем ему сняли зонд.

26 февраля 2021 года было возбуждено уголовное дело против братьев Юнаса и Каспера Османов, подозреваемых во взломе и хищении оружия у Юхана Бьёркмана в Польберге в муниципалитете Стентрэск в августе 2020 года. Оба были признаны виновными.

Следствие показало, что был еще один соучастник преступления, однако задержать этого человека так и не удалось.

Двойное убийство в пиццерии в Тенсте также не было раскрыто. Однако взрыв автомобиля в Спонге, приведший к смертельному исходу, был напрямую связан с убийством в пиццерии. В машине погиб старший брат подростка, под чьей кроватью обнаружили арсенал украденного оружия.

В начале апреля, когда Викинг Стормберг по окончании лечения вернулся в Стентрэск, с ним связался его друг Матс Викандер и призвал его, если он того хочет, зарегистрироваться в приложении знакомств Tinder и указать, что он хочет познакомиться с женщиной в возрасте около 50 лет, живущей на побережье Норрботтена. Викинг ответил, что это точно не для него.

Однако время шло, и посреди полного одиночества в трехкомнатной квартирке на Кварндаммсвеген его начали грызть сомнения. Правильное ли решение он принял? Что он рискует потерять, когда уже потерял все? Покой, жену, честь?

Жизнь?

Ему пришлось обратиться за помощью к Матсу, чтобы правильно ввести все данные в приложение Tinder. Затем ему посоветовали просмотреть подборку женщин, соответствующих его запросам, и сходить на несколько свиданий – не на ужин, где рискуешь застрять на несколько часов, а в бар или на чашку кофе. Он выпил пива в баре с акушеркой из Будена и по чашечке кофе с архитектором из Питео. Обе оказались очень милы и любезны, особенно архитектор, и обе обиделись, когда он не захотел больше встречаться. После встречи в Питео он сообщил Матсу, что ему надоело ходить на свидания. Поэтому ему были даны инструкции, как провести по экрану в нужную сторону, то ли вправо, то ли влево, чтобы встретиться с консультантом по IT из Лулео по имени Алиса Эрикссон.

Однажды в субботу они встретились за обедом в ресторане «Чинакруг». Алиса Эрикссон, 49 лет, недавно переехала в Лулео, у нее были темные волосы, короткая стрижка, карие глаза и очки. Тело у нее было стройное и гибкое, грудь почти плоская. Возможно, она выглядела несколько старше своих сорока девяти, но кожа была гладкая, без морщин, а глаза большие и ясные.

– Подтяжка лица, пластика глаз и ботокс, – пояснила она. – Коричневые линзы, филлеры, уменьшение носа. К тому же я вынула силикон.

– Это хорошо, – сказал Викинг. – Мне они всегда мешали.

В середине апреля Карин Стормберг получила приглашение на вакцинацию от нового вируса COVID-19, но за пару дней до первого укола она заболела. Поначалу болезнь выглядела не опаснее, чем обычный грипп, но на третью неделю ее состояние резко ухудшилось, и ее госпитализировали в ковидное отделение Сундербюнской больницы. Отслеживание путей распространения инфекции не проводилось, между тем одна из медсестер кардиологического отделения в больнице в Стентрэске отстаивала свое демократическое право отказаться от вакцинации. Она встречалась с Карин Стормберг для рутинной беседы по следам операции утром того дня, когда та

начала ощущать первые симптомы. Задним числом медсестра утверждала, что очень довольна своим решением не вакцинироваться.

15 мая Карин Стормберг подключили к прибору ИВЛ. Ее сына, Викинга Стормберга, на отделение не допустили.

Неделю спустя Карин умерла.

В канун празднования Мидсоммара Викинг Стормберг представил Маркусу и его семье Алису, свою новую спутницу жизни. Маркус не проявил особого интереса, Алиса застеснялась.

Несмотря на скорбь по умершей бабушке, они отправились на празднование Мидсоммара на луг неподалеку от Квардаммсвеген. Там выступал духовой оркестр Стентрэска, и Тильда Йорансдоттер, недавно вернувшаяся домой из Арвидсьяюра, пела в микрофон веселые песни.

Вокруг украшенного цветами и венками столба шли традиционные игры и забавы. Стоя рука об руку, Викинг Стормберг и Алиса Эрикссон смотрели, как их общие внуки прыгают и скачут в коллективном танце.

Как раз когда подошла к концу песенка «Лягушечки, лягушечки», к Викингу подошел Роланд Ларссон, чтобы сообщить неприятную новость: на болоте Кальмюрен сборщик ягод сделал страшную находку.

Всплыло из трясины тело его погибшей супруги.

Роланд Ларссон выразил соболезнования, однако высказал мнение, что так будет лучше. Теперь в этой истории можно будет поставить точку.

По понятным причинам Викинг точно знал, что на болоте нашли не Хелену.

Там совсем другой человек.

Но эту историю мы расскажем в другой раз.

Благодарность автора

В середине 80-х я была замужем за советским инженером.

Осенью 1986 года наш брак зарегистрировали под красным знаменем во Дворце бракосочетаний в Ленинграде.

Этот человек был мой хороший друг, которому стала совершенно невыносима жизнь в Советском Союзе. Дело дошло до того, что он собирался перебежать границу с Финляндией – пусть даже пограничники застрелят его, ему все равно.

Единственное, что можно было сделать в такой ситуации из сочувствия к нему, – это заключить брак, чтобы он мог выехать из страны.

Чтобы брак был признан законным, мне пришлось регулярно приезжать в Советский Союз. Я познакомилась с обычными гражданами, пытавшимися создать себе жизнь в условиях сурового репрессивного режима. Узнав, как жили люди по ту сторону железного занавеса, я многое запомнила навсегда.

Кстати, тому инженеру удалось выбраться из СССР. Сейчас он проживает в США.

Над историей Викинга и Владлены я размышляла долго. Разумеется, все это вымысел, построенный на сценариях, которые могли бы реализоваться.

Я никогда не смогла бы написать эту книгу без помощи многих знающих людей.

В первую очередь я хочу поблагодарить Юакима фон Брауна и Кристера Ульсена за то, что они так щедро поделились со мной своими знаниями.

Юаким фон Браун – писатель и специалист по работе разведки, имеющий опыт работы в Полиции безопасности и Службе военной разведки.

Кристер Ульсен – юрист, в прошлом офицер разведки, служивший в СЭПО и FRA. В течение десяти лет он был председателем общества истории разведки «Глаза и уши Швеции» и известен своими блистательными лекциями на эту тему.

Кроме того, хочу поблагодарить:

Роберта Янехейма, участкового полицейского, Эльвбю.

Аннику Линд, директора испытательного полигона Provplats Vidset.

Стефана Хольгерссона, профессора Полицейской академии, Осло.

Эрика Марклунда, инженера и турбоэксперта, MSXpress, Альтерсбрюк.

Улу Эстерлинга, комиссара полиции, Стокгольм.

Юнаса Ульссона, пресс-секретаря Армии Швеции, Стокгольм.

Пера Андерсена Хельсета, спикера Службы призыва и найма армии и полиции.

Матса Самуэльссона, советника канцелярии пресс-службы Министерства иностранных дел.

Томаса Будстрёма, адвоката.

Анну Лестадиус-Ларссон, писательницу.

Тове Альстердаль, писательницу.

Анн-Мари Скарп, моего издателя, и всех сотрудников издательства «Пират».

Никласа Саломонссона, моего агента, и его сотрудников в Salomonsson Agency.

Но в первую очередь – Ронни Сандаля, сценариста и режиссера.

Все должности действовали на тот момент, когда я брала у них интервью.

Факты и вдохновение по поводу операции «Cosi fan tutte», проведенной СЭПО в центре Стокгольма в ночь убийства Улофа Пальме, я взяла из статьи Яна Адъмэнга в журнале «Квартал» за 29 октября 2021 года.

Опера под тем же названием, которой дирижировал Лоуренс Ренес, была показана в Королевской опере в 2016 году.

К4 в Арвидсъяуре был восстановлен в качестве самостоятельного полка в 2021 году, что в книге происходит раньше этого момента.

К тому же хочу указать на то, что смена названия полицейского участка в Ярвафельте в романе происходит на пару месяцев раньше, чем в реальности.

Для того, кто хотел бы углубиться в изучение темы советских шпионов и агентов, рекомендую следующие книги:

Joakim von Braun: Grundkurs i sovjetisk underrattelsetjanst (2019)[\[18\]](#)

Joakim von Braun: Rysslands civila underrattelsetjanst 1991–2020
(2020) [\[19\]](#)

Viktor Suvorov: Inside Sovjet Military Intelligence (1984) [\[20\]](#)

Tore Forsberg & Boris Grigorjev: Spioner emellan (2007) [\[21\]](#)

Все возможные ошибки совершены намеренно.

notes

Примечания

1

Буквальный перевод на английский названия поселка Стентрэск – «каменное болото».

В 1964 году социал-демократы в Швеции приняли новую программу развития, по которой предполагалось, среди прочего, построить 100 000 новых квартир. Они известны своим невысоким качеством.

3

Служба государственной безопасности Швеции.

Кобдалис и Дундрет – горнолыжные склоны на севере Швеции.

Гимназия в Швеции – профильное учебное заведение, куда поступают после окончания общеобразовательной школы.

Чель-Улоф Фельдт – министр финансов Швеции с 1983 по 1990 год.

Вариации на тему перевода С. Я. Маршака.

Повел Рамель – знаменитый шведский поэт и бард.

Sida – Шведское агентство по сотрудничеству в области развития.

Аквапланирование – потеря сцепления шин автомобиля с дорожным покрытием из-за водяного слоя. Приводит к тому, что автомобиль становится неуправляем.

28 февраля 1986 года на улице Свеавеген в центре Стокгольма был убит премьер-министр Швеции Улоф Пальме.

Шведские демократы – националистическая и правопопулистская политическая партия.

Имеется в виду Андерс Сундстрём, знаменитый политик Социал-демократической партии.

Королевский технологический институт, крупнейший университет Швеции.

Песенный фестиваль – музыкальный конкурс, который проводится шведским телевидением и шведским радио для отбора кандидата от Швеции на конкурс песни «Еurovision».

Svensktoppen – хит-парад на шведском радио.

Пальт – шведское блюдо, характерное для севера Швеции, гигантская картофельная клецка с мясной начинкой.

Юаким фон Браун. Базовый курс по деятельности советской разведки (2019, на шведском языке).

Юаким фон Браун. Служба внешней разведки в России 1991–2020 гг. (2020, на шведском языке).

Виктор Суворов. Советская военная разведка: взгляд изнутри (1984, на английском языке).

Туре Фошберг и Борис Григорьев. Между нами, шпионами (2007, на шведском языке).